

Индекс П8643

2
2024

РОССИЯ XXI 2024 2

РОССИЯ XXI

2.2024 апрель-июнь

Теория и практика политических игр

Сергей Орешин

Российская Федерация и Чеченская Республика в 1994 г.: накануне конфликта _____ 6

Геоглобалистика

Владимир Дегоев, Вартан Эйриян

«Мы будем оправдывать доверие Правительства»: участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945–1953 гг. _____ 32

Ярлыки и мифы

Андрей Богданов

Александр Невский и Запад: литературный образ и реальность _____ 56

Любовь Лазарева, Дмитрий Маслов

«Центральный Комитет партии об этом много думает»: формирование основ культурной политики позднего сталинизма _____ 90

Дарья Булдакова

Декабристы в российском общественном сознании 2000-х гг. _____ 106

Ресурсы нации

Сергей Козлов

«На пользу всего нашего обширного
Отечества...»: Иван Николаевич Клинген
(1851–1922) _____ 116

Владимир Горлов

Идеологический аспект строительства
домов-коммун в 1920-е гг. в СССР _____ 136

Страницы истории

Дарья Сазонова

Роль С.С.Уварова в создании и работе
Археографической комиссии _____ 150

Карина Корнадут

Развитие правозащитной медиапублици-
стики времен перестройки (на примере
журнала «Гласность») _____ 168

Редакционная почта

Андрей Коваль

Джазовая публицистика
в сети Интернет _____ 176

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Политика – слишком
серьезное дело, чтобы
доверять ее политикам.

Шарль де Голль

Светлая голова и светлое
сердце всегда составляют
грозную комбинацию.

Нельсон Мандела

Сергей Орешин

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1994 ГОДУ:

НАКАНУНЕ КОНФЛИКТА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК

93/94

Статья посвящена политике Российской Федерации по отношению к Чечне в 1994 г. Российско-чеченские переговоры зашли в тупик. Москва категорически отказывалась признавать независимость Чечни, на чем настаивал Д.Дудаев. Весной 1994 г. Кремль фактически отказался считать его легитимным президентом Чечни. Летом 1994 г., воспользовавшись углублением внутривнутриполитического кризиса в Чечне, российское руководство решило использовать политику «полусилового варианта». Ее суть заключалась в свержении Дудаева силами чеченской оппозиции, опиравшейся на помощь России. В ноябре 1994 г. эта политика потерпела полный крах. Российско-чеченские переговоры в начале декабря 1994 г. закончились провалом, после чего было принято решение о проведении полномасштабной военной операции против Дудаева.

The article deals with the policy of the Russian Federation towards Chechnya in 1994. The Russian-Chechen negotiations reached an impasse. Moscow categorically refused to recognize the independence of Chechnya, as D.Dudaev insisted. In the spring of 1994, the Kremlin actually refused to consider him the legitimate president of Chechnya. In the summer of 1994, taking advantage of the deepening internal political crisis in Chechnya, the Russian leadership decided to use the policy of the "half-power option". Its essence was the overthrow of Dudaev by the forces of the Chechen opposition, which relied on the help of Russia. In November 1994 this policy has completely failed. The Russian-Chechen negotiations in early December 1994 ended in failure, after which it was decided to conduct a full-scale military operation against Dudaev.

Ключевые слова: Российская Федерация; Чеченская Республика; сепаратизм; Чеченский конфликт; политическая борьба; Б.Н.Ельцин; Д.М.Дудаев; У.Д.Автурханов.

Key words: Russian Federation; Chechen Republic; separatism; Chechen conflict; political struggle; B.N.Yeltsin; D.M.Dudaev; U.D.Avturkhanov.

E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

В 2024 г. исполняется 30 лет с начала вооруженного конфликта между Российской Федерацией и сепаратистской Чеченской Республикой Ичкерия. Официально эти события назывались операцией по восстановлению конституционного порядка в Чечне, однако в историографию вошли как «Первая Чеченская война 1994–1996 гг.». Боевые действия сопровождались масштабными разрушениями гражданской инфраструктуры и гибелью значительного количества мирного населения. До сих пор историки и публицисты дискутируют относительно причин этого конфликта и возможности его предотвращения.

Очевидно, что для этого необходимо обратиться как к анализу внутривластной ситуации в России и в Чечне в 1994 г., так и проследить динамику взаимоотношений центра и «мятежного» региона в этот период времени; выявить роль Кремля в разразившейся в Чечне гражданской войне; показать различные позиции относительно решения внутричеченского конфликта, господствовавшие в российском политическом истеблишменте в то время, и попытаться проследить процесс перехода политического противостояния между российскими и чеченскими властями в плоскость военного конфликта.

Д. Дудаев против оппозиции

К началу 1994 г. Чеченская Республика Ичкерия, формально считаясь частью Российской Федерации, была уже на протяжении свыше двух лет де-факто независимым государством. Ее президент Д. М. Дудаев, пришедший к власти на волне демократических антикоммунистических протестов осенью 1991 г., фактически установил диктаторский режим, сконцентрировав в своих руках всю полноту власти. Однако в Чечне существовала многочисленная, хотя и разобщенная антидудаевская оппозиция, объединявшая в своих рядах значительную часть бывших хозяйственных, партийных и советских руководителей, служащих, интеллигенции, предпринимателей, выступавших против режима Дудаева. К оппозиции примкнули многие бывшие активные участники «Чеченской революции 1991 г.», разочаровавшиеся в социально-экономическом и политическом курсе новых властей, а также обделенные при дележе руководящих постов.

Часть лидеров оппозиции пыталась продолжить оказывать давление на Дудаева, чтобы побудить его мирным путем оставить власть, в то время как другая, разочаровавшись в мирных формах борьбы, решила

Джохар Мусаевич Дудаев – президент Чеченской Республики в 1991–1996 гг.

встать на путь вооруженной конфронтации и силой сместить Дудаева с высшего поста.

Среди сторонников чеченского президента также назревали разногласия. В Кабинете министров Чеченской Республики существовали группировки «реалистов» и «радикалов». «Реалисты» выступали за улучшение отношений с Россией и поиск путей примирения с оппозицией. «Радикалы» отвергали возможность компромисса с оппозицией, требовали ужесточения репрессий и ограничений в отношении противников режима, делали ставку на обострение конфронтации с Россией. К началу 1994 г. многие видные «реалисты» были смещены со своих постов [4, с. 11–12].

В то же время оппозиция пребывала в состоянии политической разобщенности. В конце 1993 г. в Веденском районе возник Комитет национального спасения во главе с бывшим соратником Дудаева и одним из создателей чеченской Национальной гвардии И. А. Сулейменовым. Его отряд располагал бронетехникой и большим количеством стрелкового оружия. В конце 1993 г. Сулейменов заключил соглашение о совместных действиях с Б. Гантамировым и некоторыми оппозиционно настроенными полевыми командирами. В то же время большинство оппозиционных партий это выступление не поддержало.

Ибрагим Абдурахманович Сулейменов – в 1994 г. председатель антидудаевского Комитета национального спасения Чеченской Республики

В январе 1994 г. отряд Сулейменова начал наступление на равнинные районы, находившиеся под контролем Дудаева.

4 февраля 1994 г. начались бои на подступах к Грозному. 6 февраля Сулейменов предъявил режиму ультиматум. Он потребовал от Дудаева уйти в отставку и предстать перед офицерским судом чести, а также вернуть в республику все деньги, хранившиеся на зарубежных счетах. Однако 9 февраля прибывший на переговоры в Грозный Сулейменов был внезапно схвачен спецназом дудаевского Департамента государственной безопасности, его отряд развалился и рассеялся [4, с. 52].

Тем не менее эти события являлись свидетельством обострения внутриполитической ситуации в Чечне. Дудаев не контролировал территорию Надтеречного района, глава администрации которого У.Д. Автурханов отказывался ему подчиняться и не признавал бывшего генерала легитимным президентом. Значительная часть Урус-Мартановского района контролировалась сторонниками бывшего мэра Грозного Б.С. Гантамирова, который с оружием в руках выступил против чеченского президента. Чечня фактически балансировала на грани полномасштабной гражданской войны.

Умар Джунитович Автурханов – в 1994 г. председатель Временного Совета Чеченской Республики

Бислан Сайдалиевич Гантамиров – в 1994 г. военный руководитель объединенных вооружённых сил Временного Совета Чеченской Республики

«Жесткая линия» или «мягкий курс»?

Борис Николаевич Ельцин – президент Российской Федерации в 1991–1999 гг.

Какую же позицию занимали в это время федеральные органы власти? В январе 1994 г. в послании Федеральному Собранию Российской Федерации президент РФ Б.Н.Ельцин заявил, что основой для урегулирования отношений между Центром и Чеченской Республикой могут стать проведение в Чечне свободных демократических выборов и переговоры по разграничению полномочий с федеральной властью. Тем самым фактически впервые с 1991 г. российские власти поставили под сомнение легитимность действующих органов власти Чеченской Республики, возглавляемых Дудаевым.

24 февраля по предложению министра Российской Федерации по делам национальностей и ре-

Сергей Михайлович Шахрай – в 1994 г. заместитель председателя правительства Российской Федерации, министр Российской Федерации по делам национальностей и региональной политики

гиональной политики С. М. Шахрая, сторонника «жесткой линии» во взаимоотношениях с чеченскими властями, в одно из выступлений президента Б. Ельцина был включен абзац, в котором подчеркивалась нелегитимность региональных органов власти в Чечне и выдвигалось требование проведения в республике новых выборов, а также переговоров с Россией по разграничению полномочий. Тем самым вопрос чеченской независимости снимался с повестки переговоров между Москвой и Грозным [2, с. 192].

25 марта вновь избранная Государственная Дума Российской Федерации приняла постановление «О политическом урегулировании отношений федеральных органов государственной власти с органами власти Чеченской Республики» № 75–ІГД, в котором Президенту России рекомендовалось принять меры по обеспечению их согласованного функционирования и взаимодействия, а Правительству поручалось провести консультации с представителями органов власти, а также всех политических движений Чеченской Республики (в том числе и оппозиционных Дудаеву) с целью выхода из сложившейся социально-политической ситуации и на основе консультаций подготовить проект Договора о разграничении предметов ведения и взаим-

Сергей Александрович Филатов – в 1994 г. руководитель Администрации Президента Российской Федерации

Владимир Филиппович Шумейко – в 1994 г. председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

ном делегировании полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти Чеченской Республики [6]. При этом предварительным условием заключения предполагаемого российско-чеченского договора являлось проведение в Чечне выборов в республиканские органы власти и в Федеральное Собрание России. Было очевидно, что Дудаев подобные условия не примет, поэтому российские власти должны были искать пути взаимодействия с его противниками.

В этот же день глава Администрации Президента России С. А. Филатов провел переговоры с государственным секретарем Чечни А. А. Акбулатовым. В качестве основы будущего соглашения Филатов выдвинул перед чеченским руководством три условия: Чечня должна была «прекратить клевету на Россию»; Чечня должна была признать себя республикой в составе Российской Федерации; основой для переговоров между Москвой и Грозным должен был стать договор между Россией и Татарстаном. Акбулатов заявил, что Чечня открыта для компромиссных решений, но никогда не поступится своим суверенитетом [2, с. 194].

Через несколько дней председатель Совета Федерации РФ В. Ф. Шумейко, который, напро-

тив, выступал в качестве сторонника «мягкого курса», предложил в качестве основы для возобновления переговоров с Чечней следующий план. Чеченская Республика должна была остаться в составе России, но российские власти должны были признать Дудаева легитимным президентом Чечни [2, с. 194]. Это открывало возможности достижения компромисса на основе взаимных уступок.

5 апреля Ельцин подписал распоряжение № 189-рп, в котором Правительству Российской Федерации поручалось «провести консультации с представителями органов власти и политических движений в Чеченской Республике и подготовить проект Договора о разграничении предметов ведения между федеральными органами власти и органами государственной власти Чеченской Республики о взаимном делегировании полномочий» [7, с. 60].

Однако чеченская сторона вновь отказалась от проведения переговоров, настаивая на предварительной встрече Б.Ельцина и Д.Дудаева. С.Филатов категорически отверг такой подход и заявил, что руководство Чеченской Республики должно, прежде всего, признать свой регион субъектом Российской Федерации, полностью подпадающим под действие Конституции и законов России. В свою очередь, официальный Грозный был против того, чтобы российскую делегацию на предстоящих переговорах возглавлял С.Шахрай, который являлся наиболее последовательным противником легитимизации Дудаева.

Весной 1994 г. двое влиятельных московских противников Дудаева – бывший первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Д.Г.Завгаев, ставший к тому времени официальным советником Президента Ельцина и С.Шахрай, занявший пост заместителя премьер-министра России, решили убедить Ельцина и глав силовых ведомств, что федеральный центр должен активно вмешаться в события в Чечне. К этому времени Россия включилась в конкурентную борьбу за право участвовать в азербайджанском нефтяном проекте – т.н. «проекте века». Однако существовавший трубопровод из Баку в порт Новороссийск на Черном море проходил через Чечню. Поэтому для того, чтобы Россия могла иметь выгодную позицию в проекте эксплуатации огромных нефтяных запасов Каспийского региона, ей необходимо было взять этот регион под полный контроль и привести к власти в Грозном такое правительство, в лояльности которого можно было бы не сомневаться [2, с. 156].

Начало гражданской войны в Чечне

Между тем внутривнутриполитическая ситуация в Чечне продолжала обостряться. Против Дудаева выступил его недавний соратник, влиятельный полевой командир Р.Х.Лабазанов. 11 июня 1994 г. он публично потребовал от Дудаева уйти в отставку, а уже на следующий день в Грозном начались столкновения его бойцов с отрядами правительственной Национальной гвардии. 13 июня подконтрольные президенту вооруженные формирования начали разоружение боевиков Лабазанова. После упорного боя его штаб-квартира была взята, но Лабазанов успел скрыться. В июле отряд Лабазанова укре-

Руслан Хамидович Лабазанов –
в 1994 г. лидер антидудаевской партии «Нийсо», полевой командир

пился в Аргуне. Часть сотрудников городской полиции и местных чиновников перешла на его сторону [4, с. 50]. Дальнейшие попытки дудаевских силовых структур разбить Лабазанова успеха не имели. Наоборот, Лабазанов, объявив себя защитником народа от «мафиозной власти», укрепил свое влияние, его отряд пополнился новыми людьми и перешел к активным действиям против правящего режима [1, с. 425]. Одновременно город Урус-Мартан перешел под контроль

вооруженных формирований другого оппозиционного полевого командира Б.Гантамирова [4, с.49].

4 июня 1994 г. в селе Знаменское Надтеречного района оппозиция провела т.н. Народный съезд Чеченской Республики, в котором приняло участие около 300 человек. Съезд выразил недоверие президенту Д.Дудаеву и вице-президенту З.Яндарбиеву и потребовал от них уйти в отставку, принял решение о проведении выборов во все органы власти не позднее августа 1994 г., а до их проведения утвердил Временный Совет во главе с У.Автурхановым в качестве высшего органа государственной власти в Чечне [5]. 30 июля Временный Совет Чеченской Республики принял Декрет о власти, в котором объявил об отстранении Дудаева с поста президента и принял на себя всю полноту государственной власти в Чечне. В Политической декларации отмечалось, что высшей целью Временного Совета, облеченного доверием чеченского народа и осознающего свою историческую ответственность перед ним, является спасение нации от нависшей над ней катастрофы. Были опубликованы Декрет о формировании Правительства национального возрождения и Декрет о назначении выборов в Народный совет Чеченской Республики, но без указания даты [4, с.44].

В качестве основных целей Временный Совет обозначил следующие: уничтожение дудаевского режима; защита прав и свобод граждан; придание конкретного юридического статуса районным административно-территориальным структурам; осуществление мероприятий по разоружению незаконных вооруженных формирований; удовлетворение социальных потребностей населения. Каждый район Чеченской Республики получил право делегировать двух своих представителей во Временный Совет, при этом все ограничения по расовой, национальной и религиозной принадлежности на участие в работе Совета отменялись (в то же время и квоты для этнических и религиозных меньшинств тоже не предусматривались).

Временный Совет формировал свой президиум, из состава которого члены Совета избирали трех сопредседателей. В городах и районах должны были создаваться городские и районные временные советы из представителей от городов, поселков, сел и станиц. До проведения всеобщих демократических выборов в Чеченской Республике Временный Совет получил право: проводить референдумы по особо важным вопросам; назначать и проводить выборы в высшие органы государственной власти Чеченской Республики и вести переговоры с Рос-

сийской Федерацией с целью нормализации отношений; назначать и освобождать от должности руководителей городских и районных временных советов, а также других ведомств, учреждений и организаций; принимать законодательные и иные нормативные акты по вопросам обеспечения жизнедеятельности республики [12, с.203].

1 августа Временный Совет назначил на май–июнь 1995 г. выборы в высший законодательный орган власти Чеченской Республики – Народный Совет и местные органы народного представительства, была образована республиканская избирательная комиссия. Первоочередными задачами Временного Совета были названы: восстановление конституционного порядка на территории Чеченской Республики, создание условий для нормальной и безопасной жизни всех ее граждан; подготовка и проведение всеобщих выборов в представительные органы власти, возрождение Чечни как демократической республики; незамедлительная нормализация отношений с органами федеральной власти России, подготовка и согласование Договора о разграничении полномочий и предметов ведения между органами государственной власти Российской Федерации и Чеченской Республики; упорядочение политических и экономических отношений с соседними регионами. Особо отмечалась необходимость укрепления дружеских связей с «родственным ингушским народом» с целью создания объединенной Вайнахской Республики [12, с.208]. 8 августа Временный Совет сформировал Временное правительство Чеченской Республики в составе 13 человек, которое разместилось в Знаменском. Его возглавил А.А.Алаудинов, вице-премьером был утвержден Б.Джамалханов [3, с.283].

Тем самым в Чечне фактически был создан параллельный властный орган и функционировало два правительства. При этом дальнейшую судьбу чеченской государственности они видели принципиально по-разному. Дудаев и его сторонники выступали за независимую президентскую республику. Временный Совет рассматривал Чечню в качестве субъекта Российской Федерации и ратовал за ее преобразование в парламентскую республику (о необходимости сохранения поста президента в официальных документах Временного Совета ничего не говорилось).

11 августа сторонники Дудаева организовали в Грозном альтернативный съезд чеченского народа, который наделил президента чрезвычайными полномочиями, включая право применения силовых мер в любом районе республики. Была объявлена всеобщая мобилиза-

Вооруженные сторонники Временного Совета Чеченской Республики

ция граждан. В Надтеречном районе вводился режим чрезвычайного положения, а члены Временного Совета были заочно приговорены к смертной казни «за подрывную террористическую деятельность против чеченского народа». Дудаев ввел в республике режим военного положения с 16 сентября [12, с.209].

Бойцы Вооруженных Сил самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия

25 августа генеральный прокурор Временного правительства Б. Басханов отдал приказ об аресте Дудаева, обвиненного в захвате власти и сговоре с преступными группировками. К концу лета 1994 г. руководители Временного Совета опирались на широкий рост недовольства режимом не только в равнинных, но и в горных районах. 29 августа руководители чеченской оппозиции (У. Автурханов, глава «Миротворческой группы» Р. Хасбулатов, лидер партии «Нийсо» полевой командир Р. Лабазанов, бывший глава Грозненского городского собрания Б. Гантамиров) договорились о координации действий в борьбе против Дудаева. К этому времени оппозиция контролировала территорию Надтеречного и Урус-Мартановского районов, город Аргун, частично Ачхой-Мартановский, Шалинский, Веденский и Ножай-Юртовский районы, где создавались местные временные советы [4, с. 44–45].

**«Полусиловой вариант»
и его провал**

К лету 1994 г. взаимоотношения между Москвой и Грозным зашли в тупик. Кремль наотрез отказывался признавать независимость

Чечни, на чем категорически настаивал Дудаев. В российском руководстве постепенно верх брали сторонники «жесткой линии». В число «ястребов» входили: глава Службы безопасности Ельцина генерал А. В. Коржаков, первый вице-премьер О. Н. Сосковец, министр национальностей и региональной политики Н. Д. Егоров, руководитель Главной администрации охраны президента РФ генерал М. И. Барсуков, секретарь Совета Безопасности России О. И. Лобов, министр обороны П. С. Грачев, министр безопасности С. В. Степашин, министр внутренних дел В. Ф. Ерин [2, с. 205].

Они предложили Ельцину реализовать в отношении Чечни т. н. «полусиловой вариант». Суть его заключалась в оказании массивной финансовой и материально-технической поддержки антидудаевской оппозиции, которая должна была свергнуть чеченского президента. Участие регулярных Вооруженных Сил России в конфликте не предусматривалось или же должно было быть ограниченным и не публичным. Дело должно было выглядеть так, что Дудаева отстранили от власти сами же чеченцы. Эту «операцию» курировали С. Шахрай, С. Филатов, Н. Егоров, заместитель министра по делам национальностей генерал А. А. Котенков, глава Временной администрации Северной Осетии и Ингушетии В. Д. Лозовой. По некоторым дан-

ным, на реализацию планов по устранению Дудаева было выделено из российского бюджета 150 млрд рублей [2, с. 197].

2 августа председатель антидудаевского Временного Совета У.Д. Автурханов обратился к Президенту России с просьбой считать Временный Совет единственным органом государственной власти и оказать ему поддержку в противостоянии с дудаевцами [7, с. 61]. Она была оказана. Жителям Надтеречного и Урус-Мартановского районов начали выплачивать зарплаты и пенсии из федерального бюджета. Это должно было побудить жителей других районов поддержать оппозицию. Автурханов стал получать из России оружие и военное снаряжение, включая артиллерийские установки и бронетехнику [2, с. 159].

25 августа российское правительство приняло секретное постановление, согласно которому Временный Совет был признан единственной легитимной структурой власти в Чечне. 26 августа Шахрай заявил о том, что возможность политического диалога с Дудаевым исчерпана. 3 сентября в обращении Правительства Российской Федерации к чеченскому народу Дудаеву было предложено найти мужество и достоинство добровольно уйти в отставку с поста президента и тем самым остановить эскалацию вооруженного противостояния. Дудаев, однако, в отставку уходить не пожелал и обвинил российские власти во вмешательстве во внутренние дела Чеченской Республики. 8 сентября С.Филатов категорически отверг любую возможность встречи Ельцина и Дудаева, но при этом подчеркнул, что Чеченский конфликт должен был быть разрешен мирным путем [2, с. 200–201].

Однако дело, напротив, шло к эскалации противостояния. Не последнюю роль в этом сыграли поставки российского оружия оппозиционерам. Локальные стычки между вооруженными формированиями Дудаева и отрядами оппозиции перерастали в бои. Первые попытки дудаевцев взять Урус-Мартан и Аргун завершились неудачей. В свою очередь, отряды оппозиции начали наступление на Грозный, стремясь окружить чеченскую столицу. 12 сентября 1994 г. оппозиция попыталась взять Грозный, но не смогла овладеть городом. 10–17 сентября дудаевские войска нанесли поражение вооруженным формированиям оппозиции в Урус-Мартановском и Шалинском районах и взяли под полный контроль город Аргун [7, с. 61]. Потрепанные отряды Р.Лабазанова отступили в Толстой-Юрт.

20 сентября У.Автурханов заявил, что мирные пути решения чеченской проблемы исчерпаны и попросил руководство России ока-

зять ему массированную помощь в борьбе с Дудаевым. 27 сентября дудаевские формирования начали наступление на Надтеречный район, стремясь как можно скорее разгромить силы Временного Совета до того, как те получили бы помощь со стороны России. Завязались ожесточенные бои. 28 сентября дудаевцы начали штурм села Знаменского, где располагалась резиденция Временного Совета, однако потерпели поражение и были отброшены. Отразив наступление правительственных войск, оппозиция начала свое контрнаступление на Грозный [12, с. 38].

30 сентября российская авиация впервые нанесла удар по позициям дудаевцев. 7 октября Совет Федерации Российской Федерации призвал чеченский народ «путем свободного, демократического диалога найти пути мирного разрешения конфликта» [7, с. 71–72]. Обращение было оставлено без ответа. 13 октября дудаевские формирования атаковали село Гехи, но были разбиты. 15 октября отряды оппозиции под командованием Гантамирова и при поддержке Хасбулатова вновь атаковали Грозный. Поначалу им сопутствовал успех, и они смогли занять многие городские районы. Однако по не до конца понятным причинам в ночь на 16 октября оппозиционные силы отступили на прежние позиции, бросив несколько единиц бронетехники

Джохар Дудаев в окружении вооруженных сторонников в Грозном

[2, с. 163]. Дудаев смог представить это как свою победу над Россией и ее ставленниками.

19 октября дудаевские войска начали массированное наступление в Урус-Мартановском районе. Им удалось нанести тяжелое поражение оппозиции и взять под полный контроль Урус-Мартан, Гехи и Шалажи [12, с. 44]. К концу осени стало ясно, что гражданская война в Чечне зашла в тупик: ни Дудаев, ни оппозиция не могли нанести друг другу решающего военного поражения. В этих условиях перед российской властью стоял выбор: либо, как три года назад, отказаться от военного противостояния и попытаться возобновить переговоры с представителями Дудаева, де-факто признавая их право выступать от имени субъекта Федерации, либо решиться на проведение силовой операции против сепаратистов. К тому времени в среде российской политической элиты укрепились позиции сторонников «жесткой линии», настаивавших на отстранении Дудаева от власти и замене его более умеренными политическими деятелями, склонными к компромиссам с федеральным центром.

Временный Совет стал получать массированную поддержку со стороны федерального командования, включая тяжелое оружие и бронетехнику. Это позволило оппозиции вновь перейти в наступление. 17–18 ноября отряды оппозиции взяли село Братское и поселок Долинский и вновь вышли на подступы к Грозному. 24 ноября российские боевые вертолеты нанесли массированный удар по Шалинскому танковому полку – одному из лучших подразделений Дудаева и нанесли ему тяжелые потери [12, с. 45].

В этот же день, 24 ноября Временный Совет Чеченской Республики сформировал Правительство национального возрождения, которое возглавил С. Н. Хаджиев. Его заместителями стали А. Бугаев и А. Алаудинов. Военным министром был назначен Б. Гантамиров, министром иностранных дел – Р. Мадиев. Примечательно, что министром внутренних дел и председателем Службы контрразведки были назначены этнические русские В. Шумов и Г. Хоперсков, фактически делегированные в это правительство федеральным центром [2, с. 165].

26 ноября вооруженные отряды оппозиции, усиленные танковыми и вертолетными подразделениями Российской Армии, попытались взять Грозный. Однако в боях на улицах чеченской столицы подразделения Временного Совета были наголову разгромлены. Оппозиционные силы понесли тяжелые потери и во многом утратили боеспособность. При этом в плену у дудаевцев оказалось несколько десятков российских солдат и даже офицеров [12, с. 47].

Подбитая бронетехника антидудаевской оппозиции в Грозном. Ноябрь 1994 г.

Взятые в плен российские военнослужащие. Грозный, ноябрь 1994 г.

На пути к вводу войск

Ноябрьский разгром антидудаевской оппозиции фактически свидетельствовал о крахе политики «полусилового варианта». Перед

Кремлем возникла дилемма: либо возобновить переговоры с Дудаевым (который теперь, очевидно, мог выступать на них с позиции победителя в гражданской войне), либо задействовать против него регулярные подразделения российской армии. 29 ноября состоялось заседание Совета Безопасности Российской Федерации. За возобновление переговоров с чеченским президентом выступили только председатель Службы внешней контрразведки Е. М. Примаков, председатель Совета Федерации В. Ф. Шумейко и министр юстиции Ю. Х. Калмыков [2, с. 209]. Остальные проголосовали за проведение полномасштабной войсковой операции против Дудаева.

В этот же день Б. Ельцин потребовал от противоборствующих сторон в течение 48 часов прекратить огонь и распустить все вооруженные формирования. Дудаев требование проигнорировал. Тогда 30 ноября Президент России подписал Указ №2137с «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». Создавалась Группа руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики под руководством министра обороны Российской Федерации П. С. Грачева. Группа должна была обеспечить прекращение вооруженных столкновений, разоружение и ликвидацию вооруженных формирований на территории Чеченской Республики; организовать проведение мероприятий по освобождению захваченных и насильственно удерживаемых граждан; обеспечить при необходимости деятельность особых форм управления на территории Чечни; создать условия для восстановления законности и правопорядка в этом регионе. Подчеркивалось также, что члены группы должны были уделить внимание организации переговоров по урегулированию вооруженного конфликта мирными средствами [8, с. 14].

1 декабря Президент Российской Федерации подписал Указ №2142 «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе», в котором рекомендовал Генеральной прокуратуре Российской Федерации не привлекать к уголовной ответственности лиц, добровольно до 15 декабря 1994 г. сложивших оружие, и не совершавших тяжкие преступления в отношении мирного населения. В случае же

вынесения в отношении подобных лиц обвинительных судебных приговоров Комиссия по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации незамедлительно должна была представлять проекты указов о помиловании таких лиц [10].

В начале декабря стороны предприняли последнюю попытку решить конфликт мирным путем. 6 декабря на территории Ингушетии в станице Орджоникидзевская состоялась встреча П. Грачева с Д. Дудаевым. Российский министр обороны пытался уговорить чеченского президента пойти на уступки, которые позволили бы избежать масштабного кровопролития. В ходе переговоров были достигнуты

Министр обороны Российской Федерации Павел Грачев
и президент Чечни Джохар Дудаев. Станица Орджоникидзевская, декабрь 1994 г.

предварительные договоренности о решении всех вопросов, связанных с Чечней, исключительно мирными и политическими средствами [9, с. 3]. Однако вскоре стало ясно, что Дудаев не намерен распускать свои вооруженные формирования, а среди окружения Ельцина окончательно возобладали сторонники проведения молниеносной военной операции по отстранению Дудаева и его окружения от власти. Предполагалось, что бои будут скоротечными и завершатся быстрой победой федеральных сил.

8 декабря Государственная Дума Российской Федерации приняла постановление «О ситуации в Чеченской Республике и мерах по ее политическому урегулированию», согласно которому деятельность исполнительной власти по разрешению конфликта была признана неудовлетворительной. Группа депутатов направила Ельцину телеграмму, в которой предупредила его об ответственности за кровопролитие в Чечне и потребовала публичного разъяснения своей позиции. Депутаты выразили приверженность мирному урегулированию конфликта. В то же время, нижняя палата парламента не представила сколько-нибудь четкого механизма достижения политической стабильности на территории Чечни.

9 декабря Б.Ельцин подписал Указ №2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта». Президент поручил Правительству Российской Федерации использовать все имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных вооруженных формирований в Чечне и некоторых районах Северного Кавказа [11]. В тот же день Правительство России приняло постановление №1360, предусматривающее использование российских Вооруженных Сил для проведения операции на территории Чеченской Республики.

Одновременно вновь была предпринята попытка остановить назревавшее столкновение. 9 декабря во Владикавказе начались переговоры между рабочими группами правительства Российской Федерации и правительства Чеченской Республики. Однако они вскоре зашли в тупик. 10 декабря Дудаев заявил, что готов организовать в Чечне свободные выборы в течение месяца без выставления своей кандидатуры, если Россия и мировое сообщество признают независимость Чечни. В то же время российская делегация потребовала от чеченской стороны признать Чечню субъектом Российской Федерации, распустить все вооруженные формирования и осуществить полную сдачу оружия [8, с.95]. Стало очевидным, что стороны предъявляли друг другу заведомо неприемлемые для них требования и переговоры в очередной раз зашли в тупик.

11 декабря Президент Российской Федерации подписал Указ №2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». В тот же день

российские войска численностью 23 700 человек при поддержке 80 танков и 208 БТР пересекли административную границу Чечни. Начались боевые действия, с самого начала принявшие затяжной характер и в конечном итоге завершившиеся совсем не так, как это виделось российским лидерам.

Российские войска вступают на территорию Чечни. Декабрь 1994 г.

Подводя итоги, следует отметить, что на динамику российско-чеченских отношений в 1994 г. большое влияние оказывала внутривнутриполитическая ситуация. Обстановка в самой России постепенно стабилизировалась. Принятие новой Конституции, выборы в Государственную Думу, урегулирование взаимоотношений с Татарстаном, преодоление пика экономического и политического кризиса – все это свидетельствовало об упрочении позиций федерального Центра, что позволило ему занять более жесткую линию во взаимоотношениях с Чечней, тем более что последняя вступала в режим острой внутривнутриполитической нестабильности. Нараставшие противоречия между президентом Д. Дудаевым и оппозицией к лету 1994 г. фактически поставили Чечню на грань гражданской войны.

Между тем вялотекущий с конца 1991 г. российско-чеченский переговорный процесс фактически зашел в тупик. Дудаев настаивал

на признании независимости Чечни, с чем Москва согласиться не могла. В то же время в российском руководстве не было единства по поводу выработки дальнейшей стратегии во взаимоотношениях с Чечней. Часть (В. Шумейко, Е. Примаков, Ю. Калмыков, многие депутаты Государственной Думы) выступали за продолжение переговоров и были готовы признать юридическую легитимность дудаевского режима. Другие (С. Шахрай, С. Филатов, Н. Егоров, В. Ерин, О. Лобов, М. Барсуков) считали продолжение переговоров с Дудаевым бессмысленным и предлагали сделать ставку на чеченскую оппозицию.

Летом 1994 г. в Чечне возник параллельный властный орган в лице Временного Совета. Оппозиция взяла под контроль несколько районов республики. В этой ситуации «ястребы» в российском руководстве убедили Б. Ельцина попытаться использовать т. н. «полусиловой вариант» – не задействуя Вооруженные Силы России в боях против Дудаева, оказать массивную финансовую, военную и техническую помощь оппозиции, чтобы ее руками отстранить радикальных сепаратистов от власти. Однако, несмотря на оказанную поддержку, вооруженные формирования антидудаевской оппозиции не смогли одержать победу, а к концу ноября 1994 г. были фактически на грани полного разгрома.

Тогда в начале декабря в Кремле было принято решение перейти к «силовому» варианту и ввести в Чечню войска. Очевидно, что все способы мирного разрешения конфликта не были использованы. Возможно, стоило бы пойти на организацию прямых переговоров между российским и чеченским президентами (тем более что впоследствии Б. Ельцин встречался с преемниками Д. Дудаева – З. Яндарбиевым и А. Масхадовым); использовать миротворческий потенциал институтов гражданского общества и влиятельных политических и общественных деятелей, пытавшихся остановить войну (в частности, миротворческой миссии Р. И. Хасбулатова); привлечь в качестве посредников международные правительственные и неправительственные организации. Федеральному Центру стоило бы воздержаться от прямого (и зачастую непрофессионального) участия во внутречеченском противостоянии и предпринять усилия по его скорейшему прекращению, а не дальнейшему обострению.

Впрочем, в конце 1994 г. Дудаев и его окружение демонстрировали завидную недоговороспособность. Чеченское руководство провоцировало конфликт с Россией, надеясь укрепить тем самым свое положение. Рейтинг Дудаева был невысок, а его популярность падала

на фоне продолжавшегося экономического кризиса, резкого падения жизненного уровня населения, роста преступности. Некоторые районы республики вышли из подчинения официального Грозного и поддерживали оппозицию. В этих обстоятельствах Дудаев полагал, что конфликт с Россией позволит ему мобилизовать чеченское общество, предстать в ореоле защитника чеченской государственности и суверенитета, вынудит подавляющее большинство чеченцев сплотиться вокруг него, в то время как занимавшая пророссийские позиции антидудаевская оппозиция была бы дискредитирована.

В то же время и среди высшего российского руководства хватало сторонников «силового варианта» в разрешении Чеченского конфликта. В окружении Ельцина полагали, что «маленькая победоносная военная операция» принесет немало политических дивидендов. Она позволила бы взять под контроль все нефтепроводы, проходившие по территории Чечни; укрепила бы влияние России на Кавказе и на постсоветском пространстве в целом; упрочила бы позиции Президента Б.Ельцина и его ближайшего окружения, а оппозиция, располагавшая в то время большинством в Государственной Думе, была бы нейтрализована.

Однако, вопреки первоначальным расчетам, затяжные боевые действия в Чечне обернулись страшной трагедией для всей России.

(Продолжение следует...)

Библиографический список

1. Гакаев Д.Д. Очерки политической истории Чечни (XX век). М.: Изд-во ЧКЦ, 1997. 473 с.
2. Данлоп Дж. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М.: Валент, 2001. 231 с.
3. Ляховский А.А. Зачарованные свободой: тайна Кавказских войн. Информация, анализ, выводы. М.: Детектив-Пресс, 2006. 636, [1] с.
4. Музаев Т.М. Чеченская Республика: органы власти и политические силы. М.: ООО Панорама, 1995. 178 с.
5. Народный съезд Чечни // Возрождение. 1994. №1. С. 1–2.
6. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О политическом урегулировании отношений федеральных органов государственной власти с органами власти Чеченской Республики» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901109677> (дата обращения – 07.05.2024).

7. Россия и Чечня (1990–1997 годы). Документы свидетельствуют. М.: АО «РАУ-ун-т», 1997. 264 с.

8. Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений. 1994–1996. 2-е изд., испр. и доп. М.: Права человека, 2010. 446 с.

9. Сварцевич В.С. Грачев–Дудаев. Как проходила встреча, с которой началась Первая Чеченская // Аргументы и Факты. 2014. 6 декабря. С.3–4.

10. Указ Президента РФ от 01.12.1994 №2142 «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7284> (дата обращения 07.05.2024)

11. Указ Президента РФ от 09.12.1994 №2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» [Электронный ресурс] // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7312> (дата обращения 07.05.2024)

12. Чечня в пламени сепаратизма. Саратов: Изд-во Поволжской академии государственной службы, 1998. 422 с.

Не множество тел мы желаем
видеть в церкви, а множество
слушателей.

Иоанн Златоуст

В сравнении с церковью все
властители выглядят мелкими
дилетантами.

Элиас Канетти

**Владимир Дегоев,
Вартан Эйриян**

**«МЫ БУДЕМ
ОПРАВДЫВАТЬ
ДОВЕРИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА»:**

**УЧАСТИЕ РПЦ В СОВЕТСКИХ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ
КАМПАНИЯХ В 1945–1953 гг.**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
94(47).084.8

В статье рассматривается участие Русской Православной Церкви в советских идеологических кампаниях в 1945–1953 гг. Выделяются различия между подходами церкви в отношении идеологических кампаний во внутренней и во внешней политике. Делается вывод о том, что во внутренней политике Русская Православная Церковь действовала только в мобилизационных кампаниях, а во внешней политике – как в мобилизационных, так и в репрессивных. Анализируются отличия церковного курса от государственного в таких вопросах, как коммунистическое строительство, концепт советского патриотизма, культ личности И.В.Сталина, антагонизация Запада и борьба с колониализмом.

The article examines the participation of the Russian Orthodox Church in the Soviet ideological campaigns in 1945-1953. The differences between the church's approach towards the ideological campaigns in domestic and foreign policy are being identified. It is made a conclusion that in domestic dimension the Russian Orthodox Church participates in mobilization campaigns, while in foreign dimension it was involved both in mobilization and repressive campaigns. The author analyzes the distinctions between the Orthodox and the Soviet lines in such issues, as the construction of communism, the concept of the Soviet patriotism, Stalin's cult of personality, the antagonization of West and the struggle against colonialism.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Журнал Московской Патриархии; поздний сталинизм; идеологические кампании; культ личности; холодная война.

Key words: Russian Orthodox Church; Journal of the Moscow Patriarchate; Late Stalinism; Ideological Campaigns; Personality Cult; Cold War.

E-mail: degas@list.ru; vartan_admg@mail.ru

З авершение Великой Отечественной войны вновь поставило перед советским руководством вопрос об усилении партийного и государственного контроля за ситуацией в стране. Патриотическая идеология, использовавшаяся в годы конфликта для мобилизации народных сил против нацистских захватчиков, должна была быть направлена на решение актуальных внутривластных задач, а также сплочение государства перед новыми внешнеполитическими вызовами. Отказа от идеологизации политической жизни не произошло, однако пропагандистская работа должна была переориентироваться на новые горизонты с учетом изменившихся реалий. Современными авторами признается, что цели партии и ее вождя «требовали серьезного обновления идеологических концепций, пропагандируемых и реализуемых режимом, адаптации их с учетом новых исторических реалий» [25, с. 156]. В этих условиях и Русская Православная Церковь (РПЦ), чья патриаршая структура была возрождена в 1943 г., должна была сыграть роль, отведенную ей И. В. Сталиным.

В исторической науке принято говорить о значимости РПЦ для сталинского руководства прежде всего во внешнеполитическом измерении: в ранний послевоенный период Москве предстояло стать своеобразным «православным Ватиканом» [5, с. 340], а православная церковь должна была стать мировым центром православия, выступая в качестве дополнительного инструмента влияния СССР. Эта проблематика, несмотря на наличие в ней отдельных пробелов, неоднократно притягивала внимание отечественных специалистов: в частности, ей посвящены работы таких авторов, как О. Ю. Васильева, М. В. Каиль, Т. А. Чумаченко, М. В. Шкаровский и др.

Куда больше вопросов, на наш взгляд, все еще вызывает тематика участия церкви во внутривластной жизни страны, особенно в идеологических кампаниях, проводившихся ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС) в 1945–1953 гг. Фактическая политическая субъектность церкви была значительно ограничена, вследствие чего во многих вопросах она лишь следовала в фарватере государства и партии, однако акценты, расставляемые актором, могли несколько отличаться от сделанных светской властью. Кроме того, РПЦ включалась не во все пропагандистские акции советского руководства, вследствие чего может возникнуть вопрос, каким образом определялось, будет ли церковь принимать участие в очередной идеологической кампании.

В рамках данной статьи нами будет рассмотрена церковная риторика по важнейшим идеологическим вопросам в 1945–1953 гг. Про-

следить ее возможно за счет анализа материалов Журнала Московской Патриархии (ЖМП), периодического издания РПЦ: публикация официальных заявлений и статей за авторством церковных деятелей должна была выполнять в т. ч. и функцию своеобразной отчетности перед властью, подтверждая, что РПЦ продолжает преследовать цели, поставленные перед ней в сентябре 1943 г. и включавшие в себя и воспитательно-патриотическую работу. По мнению А.С.Кимерлинг, все политические кампании послевоенного периода можно разделить на мобилизационные и репрессивные, причем оба типа разворачивались по одному макету: автором были выделены такие этапы, как «1) идеологический посыл через центральную, а затем и местную прессу; 2) организационный этап; 3) мобилизация масс; 4) реализация целей и задач кампании; 5) отчет об успехах» [11, с. 138]. В рамках этой схемы православная церковь была задействована в первую очередь во втором этапе, т.е. организационном: на страницах ЖМП можно найти прямые отголоски государственных и партийных политических кампаний, церковь же, в свою очередь, информировала о них читателей периодического издания, параллельно демонстрируя светской власти свою лояльность.

Вместо обращения к частным тематикам нами будет проведен анализ лишь тех кампаний, что можно считать устойчивыми либо стабильными на протяжении длительного периода времени. К таковым, на наш взгляд, стоит отнести «борьбу с безродным космополитизмом» и эволюцию культа личности И.В.Сталина, а также вопросы коммунистического строительства, восстановления экономики и изменения концепта патриотизма. Во внешнеполитическом измерении в фокус нашего внимания попадут не отдельные события международной жизни, а идеологемы, которыми пользовалось советское государство в 1945–1953 гг. для самоидентификации в международных процессах и конструирования своего подхода к решению наиболее актуальных проблем. Соответственно, в их число войдут антагонизация и демонизация коллективного Запада, антиколониализм и проблема ядерного разоружения и нераспространения ядерного оружия. Оставляя за рамками статьи частные сюжеты, мы также не претендуем на рассмотрение исторической политики и политики памяти на страницах ЖМП. Несмотря на прямую взаимосвязь с проблематикой эволюции советского патриотизма, этот вопрос требует отдельного рассмотрения еще и по причине большого количества профильных материалов в ЖМП, в связи с чем попытка интеграции и этой темы в исследова-

ние неизбежно привела бы лишь к беглому обзору статей и чрезмерному схематизму.

«Трудящийся достоин награды за труды свои» (Лук. 10:7)

Начиная рассмотрение участия церкви во внутриполитических акциях, отметим, что в силу своей специфики РПЦ практически не задействовалась в репрессивных кампаниях. «Трофейное дело», «ленинградское дело», «дело врачей» и другие процессы позднего сталинизма не находят своего отражения на страницах ЖМП. Объясняться это должно в первую очередь характером религиозных структур, с позиций которых заниматься мобилизацией населения против внутреннего врага редко выглядит уместно. В то же время часть внешнеполитических кампаний, в которых участвовала православная церковь, как будет показано нами далее, можно отнести к репрессивным.

Одной из важнейших тематик в 1940–1950-е гг. становится советский патриотизм, который, согласно А. В. Пыжикову и А. А. Данилову, был возведен «в ранг государственной политики Советского Союза» [25, с. 172–173]. Если в довоенное время базисом можно было считать интернационализм, то в условиях Великой Отечественной войны, а затем и «холодной войны» потребность в подобном концепте отпала, вследствие чего советский подход начинает «национализироваться». Церковная риторика по этому вопросу изобилует дифирамбами в адрес всего русского и советского, стремясь подчеркнуть то наследие, что досталось гражданам СССР и которое необходимо защитить и преумножить. В 1945 г. подобные тезисы логично ложились в канву рассуждений о победе советского народа в борьбе с нацизмом: «Русский народ, народ-победитель, народ, из недр которого вышли величайшие представители науки и искусства, величайшие полководцы, политические руководители, – этот народ всегда сознавал свое величие, свою значимость среди народов земного шара» [39, с. 56]. Ключевым материалом, позволяющим проследить позицию РПЦ по вопросу патриотизма и восстановления страны, становится статья епископа Орловского и Брянского Фотия (Топиро) «О церковно-патриотической работе духовенства и верующих в послевоенное, мирное, время». Перечисляя компоненты, из которых складывается «патриотический долг», иерарх особо останавливается на том, что христианская мораль предполагает любовь к ближнему, но «какова же должна быть наша любовь к защитникам нашей Родины, которым мы обязаны всем, даже

нашей жизнью?» Лучшее, что могли дать в ответ советские люди, – самоотверженный труд для восстановления отечества после разрушительного конфликта, вследствие чего делался вывод, что необходимо работать с населением, чтобы «каждый на своем месте, будь то труженик земли или труженик производства, усиленно, добросовестно и самоотверженно трудился, любил свой труд и ставил его превыше всего, в сознании того, что этим он приносит пользу Родине, радость ближнему, этим он угоден Богу» [32, с. 34]. Призывы к восстановлению народного хозяйства следует рассматривать в контексте не только позитивной патриотической повестки, но и неэкономических методов стимулирования труда, свойственных советскому государству на протяжении большей части его существования [37, с. 118]. Заявления отечественных исследователей, утверждающих, что советский патриотизм стоит считать «сердцевинной, вокруг которой строилась вся идеологическая работа послевоенных лет», справедливы и применительно к РПЦ: подавляющая часть идеологов, с которыми работали церковные авторы, исходила из любви к Родине и являлась производной от нее вне зависимости от того, о какой сфере жизни общества шла речь [25, с. 173].

В случае церкви проблематика патриотизма и восстановления экономики удачно укладывалась в концепцию общего блага. РПЦ могла педалировать лишь тематику преодоления последствий Великой Отечественной, не переходя к марксистско-ленинскому канону, который бы звучал из ее уст странно. Вместо этого заявлялось о том, что любой христианин по умолчанию является патриотом, чья задача – внести свой вклад в построение счастливого будущего и создание общего блага. «Невозможно представить себе человека, который не желал бы процветания своей Родине, и нет человека, который бы не приносил никакой пользы», – тезис статьи с показательным названием «Будничный подвиг» был развит с опорой на христианские представления о добре и возможности каждого поспособствовать приближению всеобщего благоденствия [3, с. 28]. Подобные размышления характерны для церковной печати 1945–1946 гг., однако, чем больше времени проходило с завершения Великой Отечественной войны, тем реже церковь напрямую включалась в идеологические кампании по конструированию советского патриотизма. Правильнее было бы сказать, что со временем РПЦ предпочла прибегнуть к другому инструменту в своем арсенале: вместо прямых призывов и увещаний, которым все еще находилось место на страницах журнала, но с каждым годом все меньше, церков-

Послевоенный плакат, посвященный восстановлению экономики

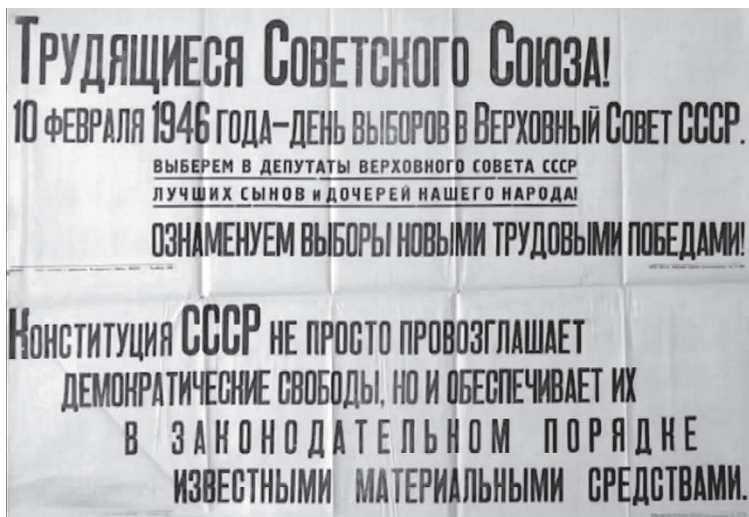
ные авторы перешли к работе с политикой памяти, посредством которой выдвигали те же тезисы, но на основе исторических примеров. Согласимся с А. В. Пыжиковым и А. А. Даниловым, сделавшими вывод о том, что эволюционировавшую концепцию советского патриотизма можно назвать «крупной идеологической находкой» [25, с. 173], но оговоримся, что к пропагандируемому государством дуэту коммунистических убеждений и любви к Родине можно добавить православие и тем самым получить идеал верующего в 1940-е гг. в том виде, в каком он представлен на страницах ЖМП. Если Д. В. Тренин применительно к середине XX в. утверждал о национализации социализма и, как следствия, патриотизма, то та же схема релевантна и в отношении православия [31, с. 97].

Далее обратимся к проблеме коммунистического строительства в 1945–1953 гг. Эта тематика по понятным причинам привлекала церковных авторов на порядок слабее: развитие постулатов о коммунистическом строительстве должно было протекать из марксистско-ленинского базиса, переосмысленного И. В. Сталиным в угоду собственным политическим соображениям. Не претендуя на статус толкователя и ретранслятора марксистско-ленинских догм, РПЦ

не могла работать с «первоисточником», вследствие чего единственным посильным вкладом оставалось обращение к успехам уже сталинского периода. Иными словами, тематика коммунистического строительства в церковной печати плавно преобразовалась в проблематику государственного строительства в принципе, а также указания на основные достижения советского государства. Принципиально, что и это отступление от нормы играло на руку советской власти и не становилось проявлением своеобразного духовного диссидентства. Связано это во многом с тем, что, как было указано в отечественной науке, «приняв эстафету от классиков марксизма-ленинизма, Сталин, однако, ориентировался не на сбережение идейного наследия, а на собственные цели и нужды, важные для него прежде всего с прагматической точки зрения, с позиций сохранения и осуществления режима личной власти» [25, с. 165]. Соответственно, развитию теоретических положений о коммунистическом строительстве де-факто содействовала и демонстрация достижений советской власти, которая должна была убедить всех сомневающихся в необходимости придерживаться того курса, что занял центр. Специфика риторики РПЦ, стремившейся поддержать концепт строительства сильного государства, в целом соответствовала особенностям отечественной модернизации, которая, как было отмечено В.В. Дегоевым, «отличалась глубокой исторической преемственностью – если не по форме, то по сути» [7, с. 197].

Если отойти от стандартных для РПЦ 1940-х гг. благодарностей в адрес И.В. Сталина за то, что тот дал возможность церковным структурам функционировать, можно выделить следующие паттерны. Прежде всего, церковные авторы освещали спектр прав, закрепленных в «Конституции победившего социализма» и якобы свидетельствующих о реальных свободах в советском государстве. В уже упомянутой нами статье «*Будничный подвиг*» автор превозносит одну из новелл Конституции 1936 г. – право на труд, отмечая, что после завершения мирового конфликта советское население может вернуться к его реализации. Свобода совести прославлялась посредством указания на то, что «нет во всем мире более благоприятных условий для расцвета деятельности Святой Церкви Христовой, чем в Советской стране» [9, с. 30]. Интересно, что этот же тезис был использован церковными авторами для мобилизации населения в рамках электоральной кампании в Верховный Совет СССР II созыва. Собственно, и само название статьи – «10 февраля» – прямо

указывает на изображаемую в качестве ключевой дату, когда должны были пройти выборы.

Плакат 1946 г., посвященный выборам в Верховный Совет СССР

Даже в тех материалах, что не были напрямую связаны с тематикой прав и свобод, так или иначе поднимался вопрос того, что именно было даровано стране сталинской Конституцией. В частности, статья, посвященная открытию богословско-пастырских курсов в Ленинграде, включает в себя характерный пассаж: «Мы будем оправдывать доверие... Правительства, будем свято исполнять законы Правительства в отношении Церкви, будем постоянно благодарными Совету по делам Церкви, как верному стражу свободы нашей совести, дарованной нам Сталинской Конституцией» [36, с.43]. Проговаривался и вопрос улучшения положения отдельных социальных категорий, причем церковь апеллировала не только к рабочим и крестьянам, обозначенным в ст. 1 Конституции 1936 г. в качестве социальной базы государства Советов. К примеру, периодически на страницах ЖМП появлялись статьи, посвященные положению женщин: в представлении церкви советский строй принес женскому населению возможность встать на один уровень с мужским. «Для нас, живущих в Советском Союзе, говорить о полном равноправии женщин во всех областях жизни – значит просто повторяться. Это равноправие засвидетельствовано Ста-

линской Конституцией и всей реальной действительностью», – в обязательном порядке повторялась мантра о Конституции 1936 г., что должно было явиться свидетельством перехода советского общества на новую ступень развития именно при И. В. Сталине [34, с. 24]. При этом можно заметить, что рассуждения, насколько повезло «русским людям, дожившим до Сталинской Конституции, до времени реально-го поднятия авторитета русской женщины на один уровень с мужчиной», учащались по мере приближения Международного женского дня [12, с. 33]. Очевидно, ЖМП, как и любое периодическое издание, учитывало значимые даты и праздники при выстраивании плана либо календаря публикаций, однако сам факт того, что церковные авторы не просто на постоянной основе возвращались к женскому вопросу, но непременно каждый раз отсылали читателя к сталинской Конституции, показателен. Единственной опцией, при которой можно было опустить очередные упоминания Основного Закона, являлись исторические статьи, в рамках которых положение женщины рассматривалось ретроспективно и без упора именно на XX в. В частности, таким можно считать материал «Женщина в христианстве», автор которого, описывая исторический путь русской женщины, совмещает несколько значимых для советского общества 1940-х гг. идеологием и приходит к выводу, что «идеал христианства – любовь, милосердие, самопожертвование во имя общего блага, отношение к долгу как к чему-то, несомненно, более высокому, нежели личное счастье, кажется, ближе всего стал для женщины русской» [4, с. 35]. Церковь, как и государство, использовало «"все историческое полотно" отечественной традиции "для подкрепления концепции советского патриотизма"» [25, с. 185], однако делало это посредством как обращения к очевидным инструментам в рамках политики памяти, так и описания повседневности прошедших эпох, чтобы героизировать не только выдающихся личностей, но и простых людей, чьи трудовые подвиги должны были «повторить» советские люди.

Акцентирование норм, зафиксированных в Конституции 1936 г., и их значимости было нужно в т. ч. и для того, чтобы подчеркнуть признание авторитета светской власти в СССР. Изредка церковные авторы указывали на это прямо, заявляя о том, что любые попытки говорить о равенстве двух систем заранее обречены на провал. Как правило, эти суждения актуализировались в случае дискуссий по внешнеполитическим и межцерковным вопросам: наиболее радикальным проявлением подобной позиции можно считать статью митрополита Серафима (Лу-

кьянова), в которой значится, что все отколовшиеся от РПЦ епархии «забыли историческую истину, что Церковь – не Государство, что она вне последнего, что во вселенной разные государства живут самыми разнообразными режимами, что Церковь должна, по заповеди Апостолов, признавать мирскую власть и повиноваться ей...» [27, с.27]. Однако такие открытые заявления были скорее редкостью, в большинстве материалов авторы предпочитали не напоминать об ограниченной субъектности РПЦ, изображая СССР в качестве государства-благодетеля, а не подчинившего церковь актора.

Подводя промежуточные итоги, обозначим, что РПЦ принимала участие в политических кампаниях позднего сталинизма, работая с такими тематиками, как концепция советского патриотизма, восстановление страны после Великой Отечественной войны и коммунистическое строительство. В силу объективных причин на страницах ЖМП последняя проблематика видоизменилась и стала представлять скорее прославление советской власти и конкретных достижений в политико-правовом измерении, целью чего можно считать демонстрацию успешности внутривнутриполитического курса Кремля для дополнительного воздействия на верующих читателей. Кроме того, публикация подобных материалов может рассматриваться в контексте проведения воспитательно-патриотической работы: А. С. Кимерлинг указывает на партию и комсомол, выступающих в роли главных воспитателей в СССР, однако и церковь стремилась внести посильный вклад в общее дело, не претендуя тем не менее на первенствующий статус в этой области [11, с. 126]. Суммарно идеологемы, которыми оперировали церковные авторы, складывались в концепт державности, который может восприниматься в качестве «основы послевоенного политического курса» [25, с. 201]: не имея ни желания, ни возможности заниматься пересказом марксистско-ленинских положений, церковь занималась выстраиванием образа сильного государства, что соответствовало потребностям СССР в поствоенный период.

**«...предводитель русского народа затмил и угасил...
Восходящее Солнце...»**

Развивая культ личности И. В. Сталина, РПЦ придерживалась классической линии на мифологизацию образа вождя, дополняя его харак-

теристиками, принципиальными с точки зрения церковного института. Самым сильным заявлением со стороны православных авторов стало то, что, несмотря на сомнения Ф. И. Тютчева по поводу возможности ра-

ционального осознания особенностей российского государства, И.В. Сталин есть пример человека, который «своим гениальным умом понял Россию» [39, с. 56]. Политический портрет главы партии складывался из следующих черт: деятель был наречен выдающимся полководцем, истинным патриотом, капитаном страны Советов. В отличие от государственных институтов, церковь не занималась мифологизацией вопроса преемственности И.В. Сталина по отношению к В.И. Ленину; вместо этого политику предстояло встать на одну планку с библейскими персонажами. В частности, архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов) дошел до сравнения И.В. Сталина с Иисусом Навином, ведь последний «остановил силой веры и воли течение небесного светила – солнца и победил все царства Ханаанской земли и дал успокоение от войн своему народу и земле. А здесь той же силой веры и силой воли вождь и предводитель русского народа затмил и угасил грозно пламеневшее в государствах Восточной Азии Восходящее Солнце...» [17, с. 28].

И.В. Сталин изображался в качестве эталонного гражданина, на которого следовало равняться всему населению. По этой причине в условиях электоральной кампании февраля 1946 г. было заявлено, что советский народ готов избрать в качестве своих представителей лишь достойнейших, а «идеал такого человека – Сталин» [9, с. 30]. Отца народов благодарили за «мудрое водительство» [22, с. 3], воссоединение Украины [21, с. 27] и даже за миротворчество [16, с. 29]. Отечественными специалистами отмечалось, что «бесспорный авторитет слова вождя связан в первую очередь с тем, что именно он называл имя врага во время политической кампании. Он придумывал ярлыки» [11, с. 143]. Эта схема справедлива и для церковной риторики с учетом того, что РПЦ шла по пути, обозначенному партией и лично И.В. Сталиным, и стремилась приписать многие политические, военные и дипломатические достижения исключительно ему, в то время как «монополизация» трудовых подвигов не осуществлялась – признавалось, что это сделал весь советский народ.

Пройгнорировать нельзя было и 70-летие И.В. Сталина, отмечавшееся в 1949 г. В декабрьском номере ЖМП были размещены обращения к советскому лидеру от имени как патриарха Алексия I, так и духовенства и мирян в целом. Предстоятелем РПЦ были отмечены популярность отца народов в мире и внимание к церковным потребностям [29, с. 3]. Куда многословнее совместное обращение к главе советского правительства от имени церкви и верующих: одно перечисление имен иерархов, под-

Послевоенный плакат с изображением И.В.Сталина

писавшихся под этим документом, заняло в ЖМП три страницы. Несмотря на то, что большую часть этого поздравления занимает перечень «достижений» в сфере государственно-церковных отношений, поданных читателю как реализованные лишь благодаря самому вождю инициативы РПЦ, в материале можно найти несколько нюансов, существенных для конструирования образа И.В.Сталина церковью. Во-первых, по случаю юбилея иерархи пошли на использование классических штампов в отношении отца народов: теперь он именовался «Вождем, Учителем и Другом трудящихся». Во-вторых, РПЦ увязала уже упомянутую нами концепцию общего блага, актуального и для социалистического строительства, с демонстрацией величия И.В.Сталина: оно проявлялось в том, что политик всего себя отдал государственной работе, став главным советским патриотом. Отмечалось и то, что именно действия председателя Совета министров направляют «жизнь народов в новое русло истории» [24, с. 7]. Подобные претенциозные заявления отчасти приравнивали И.В.Сталина к В.И.Ленину: не изображая первого в качестве «ученика» Ильича, церковь сводила все достижения советской власти к плюсам

сталинской политики. Очевидно, это не означало публичной критики В.И.Ленина, однако и прославлять его с учетом курса в отношении православной церкви в 1910–1920-е гг. иерархи не торопились.

Выстраиваемый РПЦ образ И.В.Сталина не являлся производным от чьего-либо еще, что позволяло приписывать главе партии любые характеристики. Отчасти подобный подход напоминает русскую политическую мысль прошлого, которая, как было показано отечественными авторами, подводила фундаментальную основу под концепт единоличной власти [8]. Понятно, что в данном случае РПЦ преследовала еще и весьма конкретную цель демонстрации собственной лояльности в условиях снижающегося интереса к использованию церковных институтов во внешнеполитическом измерении после провала Всеправославного совещания 1948 г.¹ На этом фоне не кажется странным и то, что церковь вновь начала акцентировать внимание на положениях сталинской Конституции, одновременно возвышая уровень развития советского законодательства и будто бы призывая играть по установленным в Основном Законе правилам. Де-факто это обращение к И.В.Сталину стало для церкви лишь еще одной возможностью напомнить о себе, чтобы доказать свою полезность посредством перечисления того, что уже было сделано (патриотическая работа в годы войны, диалог с зарубежьем, торжества по случаю 500-летия автокефалии РПЦ).

Последним элементом сталинского образа являлось военное измерение, которое апеллировало исключительно к периоду Великой Отечественной и советско-японской войн. Практически во всех церковных материалах в обязательном порядке напоминали о полученном И.В.Сталиным в июне 1945 г. звании генералиссимуса. Кроме того, православные авторы будто соревновались между собой на тему того, кто сможет изощреннее превознести полководческие таланты советского лидера. Несмотря на то, что в 1945 г. власть еще не перешла к репрессиям в отношении части генералитета, церковь никогда не упоминала никого из маршалов, включая и Г.К.Жукова. В сентябрьском номере ЖМП 1945 г. были опубликованы поздравительные телеграммы, которые получил патриарх Алексий I по случаю победы

¹*Проведенное в 1948 г. Всеправославное совещание стало заменой планировавшегося советским руководством Вселенского собора, который не удалось созвать из-за отсутствия у РПЦ полномочий по организации подобных церковных мероприятий. Всеправославное совещание, призванное передать МП РПЦ титул Вселенской церкви, сплотить автокефальные церкви вокруг Москвы и обозначить неприятие политики как Ватикана, так и экуменических структур, достигло ограниченных результатов и не оправдало надежд Москвы.*

над Японией: пожалуй, наиболее показательной из всех можно считать телеграмму из Таганрога за авторством протоиерея А. Перчукова, выдавшего И. В. Сталину такие характеристики, как «величайший Полководец, Генералиссимус и мировой стратег» [23, с. 7]. Вскоре после этого на страницах церковного издания стали появляться материалы, в которых прослеживалась персонификация победы в Великой Отечественной войне: в ноябрьском номере появилось указание на то, что И. В. Сталин – «великий творец Победы» [30, с. 4], а также что он «покорил под ноги России сильнейшего и злейшего извечного врага – тевтона, совершенно уничтожил его и тем спас всю Русь от вечного порабощения, смерти и гибели» [17, с. 27]. Со временем РПЦ стала реже апеллировать к этому измерению сталинского образа, оставив лишь ритуальное обращение к И. В. Сталину по воинскому званию. Даже в 70-летие вождя патриарх Алексей довольно емко выразил его военные достижения, не переходя к бесконечным дифирамбам на этот счет: «...нет надобности напоминать вам и о том, что, благодаря его гениальному руководству, наша славная армия в годину тяжчайших испытаний, постигших наше Отечество, когда на него напал сильный и злобный враг, – одержала победу над этим врагом, и Родина наша вышла из горнила испытаний еще более сильной, славной и мощной» [26, с. 4]. Отдельно отметим, что в этом случае персонификации победы все же не наблюдается: признается, что армией руководил отец народов, однако акцент все равно смещен на победу всей страны, исходя из чего можно сделать вывод, что тренд на персонификацию мог быть актуален в первую очередь в условиях раннего послевоенного времени, когда и были развернуты такие кампании, как «трофейное дело», «дело авиаторов», смещение Г. К. Жукова с поста Главнокомандующего Сухопутных войск.

Завершая разговор об участии РПЦ в идеологических кампаниях, ориентированных на внутривнутриполитическое пространство, заметим, что «борьба с безродным космополитизмом», результирующая из изменения международной обстановки и подозрительности И. В. Сталина, не находит прямого отражения на страницах ЖМП. Вне зависимости от того, согласны ли были иерархи с официозной риторикой, которую ныне ряд авторов выражает в позиции, что «борьба с безродным космополитизмом стала прямым следствием открытой идеологической диверсии западных держав в отношении нашей страны и диктовалась совершенно объективными и очень вескими причинами и обстоятельствами», в эту политическую игру церковь втягиваться не стала [28,

с. 253]. Как уже отмечалось, когда речь заходила о внутренней политике, РПЦ стремилась не включаться в репрессивные кампании, так как того не требовали от нее власти и это не соответствовало ни ее статусу, ни институциональному характеру. Материалы периодического издания не были пропитаны шпиономанией еще и по той причине, что это не отвечало интересам самой РПЦ: в СССР хватало структур, чьей профильной деятельностью являлось выявление потенциальных предателей, и конкурировать с ними церкви не было смысла. Вместо этого иерархи и церковные авторы сконцентрировались на мобилизационной повестке, демонстрируя светской власти свою полезность в том измерении, которое оговаривалось еще в сентябре 1943 г., т. е. в области воспитательно-патриотической работы.

Подытожим, что если «советский человек рождался, жил и умирал в мифе, созданном коммунистической идеологией, которая давала ответы на все вопросы и служила путеводной нитью», то и церковь вносила свой вклад в конструирование этого общего советского мифа [11, с. 136]. Однако изображаемый ею миф казался куда более радужным: на страницах ЖМП враги существовали исключительно по ту сторону границы и приобретали очертания империалистов и прислужников Ватикана, в то время как советское общество бетонировалось концептом патриотизма, отступников от которого якобы не существовало. Двигаясь в общем идеологическом русле, церковь все же находила возможность расставлять акценты так, как было выгодно ей самой: начиная с отказа от распространенных идеологем, не подходивших под ее статус, и заканчивая педализированием тематик, подчеркивавших значимость церковных институтов. Последнее отчасти можно считать ответом на ужесточившуюся на рубеже 1940–1950-х гг. линию советских ортодоксов в отношении РПЦ: не имея возможности ответить им напрямую и осознавая, на чьей стороне находится преимущество, церковная печать могла лишь работать с позитивной повесткой, прикрывая ей свои объективные слабости.

**«Аденауэры опьянели
от жажды крови
и захлебываются от злобы»**

Если во внутриполитическом поле церковная риторика была исключительно миролюбивой, то во внешнеполитическом измерении оха-

актеризовать ее подобным образом невозможно. РПЦ приняла участие в идеологизации внешнеполитической повестки не только из-за государственных требований, но и по той причине, что это отвечало ее соб-

ственным интересам: возвращение в лоно матери-церкви отколовшихся церквей и расширение сферы своего влияния стали основными внешне-политическими факторами заинтересованности РПЦ в тандеме с советской властью. Тематике восприятия православной церкви в качестве инструмента советской политики, как уже упоминалось в начале статьи, посвящено большое количество литературы, однако каждый раз исследователи возвращаются к проблеме церковной субъектности, пытаясь выстроить модель государственно-церковного взаимодействия на международной арене. В этом контексте интересны и труды, предметом которых становится кооперация этих институтов на современном этапе: представляется релевантной и для середины XX в. мысль о том, что привлечение церковных структур к реализации внешнеполитического курса позволяет наполнить его морально-ценностным содержанием, чем сама РПЦ, по мнению сторонников такого подхода, может «спекулировать» (“piggyback”) [40, p.220]. На наш взгляд, обращение к церковным институтам в качестве проводника внешнеполитической линии действительно может служить еще одним свидетельством идеологизации международных отношений с учетом ценностно окрашенной повестки подобных структур. Однако в случае 1940-х гг. невозможно утверждать, что именно привлечение РПЦ к реализации внешнеполитической стратегии стало отправной точкой этой идеологизации: скорее, речь идет об актуализации участия РПЦ в деятельности СССР на международной арене с учетом объективных реалий середины десятилетия.

Говоря об устойчивых для 1945–1953 гг. идеологических кампаниях, ориентированных на внешнеполитическое пространство, отметим, что наиболее подробному анализу со стороны научного сообщества подверглась антагонизация коллективного Запада, отражением которого для РПЦ стал Ватикан. При этом на протяжении первой половины 1945 г. проводилась четкая дифференциация Святого Престола, обвиняемого в пособничестве нацистам и неуместном проявлении жалости, и союзников, которые вплоть до осенне-зимнего сезона 1945 г. не подвергались демонизации на страницах ЖМП. Практическим измерением борьбы с Ватиканом становится ликвидация униатских приходов, что, по мнению С.В.Болотова, являлось прямым следствием занятия Святым Престолом капиталистической стороны в условиях разгоравшейся «холодной войны». [2, с. 101]. В то же время риторика в отношении Ватикана на протяжении всего послевоенного периода руководства страной И.В.Сталина принципиальным образом не менялась.

Подмена христианских убеждений политическими соображениями [33, с. 44], агрессия, объясняющаяся жаждой власти и ненавистью к советскому государству [35, с. 30], конъюнктурность и безответственность занятого курса [10, с. 34] – вот основные характеристики негативного образа Ватикана, сконструированного православными авторами. Облик же Запада во главе с Соединенными Штатами в рассматриваемый нами период эволюционировал: если в 1945 г. Запад – союзник, чью роль в достижении общей победы отрицать не приходится [18, с. 30], то к 1950 г. он ассоциируется лишь «с трумэнами, черчиллями, даллессами, джонсонами и макартурами...» [14, с. 17]. Периодически доставалось и политикам за пределами США и Великобритании: к примеру, повторная актуализация германского вопроса в начале 1950-х гг. привела к появлению заявлений о том, что «приспешники США, реваншисты аденауэры уже начали драться. А кто вообще дерется? Дерутся пьяные и злобные. Аденауэры опьянели от жажды крови и захлебываются от злобы» [15, с. 8].

Сложнее обстоят дела с другими идеологическими кампаниями, развернутыми советской властью в связи с началом «холодной войны». Ярче других на страницах ЖМП нашла отражение проблема ядерного разоружения и нераспространения ядерного оружия: находясь до 1949 г. в слабой позиции в связи с незавершенностью советского ядерного проекта и стоя перед угрозой потенциального применения ОМУ Вашингтоном, Москва обращалась к различным видам дипломатии, включая церковную, для привлечения внимания мировой общественности к проблематике разоружения. «Антиядерная» риторика РПЦ прослеживается преимущественно в контексте деятельности Движения сторонников мира и его институций по типу Всемирного Конгресса сторонников мира. Церковь последовательно проявляла солидарность с идеей невозможности применения ядерного оружия и допустимости использования лишь мирного атома: в 1949 г. капиталисты в странах НАТО обвинялись в том, что они «хотят сочетать ускоренное развитие атомного оружия с осуществлением гигантского плана вооружения и увеличения численности армии» [20, с. 20], а уже в 1950 г. церковь сравнивала боеголовки с «чумными бациллами и холерными вибрионами» [14, с. 17]. Позиция РПЦ по вопросу ядерного оружия не являлась уникальной и копировала те шаблоны, что были заданы Движением сторонников мира, однако само обращение иерархов к этой тематике позволяло сформировать у верующих людей

CONGRÈS MONDIAL
DES PARTISANS
DE LA PAIX

SALLE PLEYEL
20·21·22 ET 23 AVRIL 1949
PARIS

Голубь, нарисованный П.Пикассо для первого Всемирного конгресса сторонников мира, прошедшего в апреле 1949 г. в Париже и Праге

необходимое Советскому Союзу представление о сущности ядерного оружия и угрозе третьей мировой войны [38, с. 75–76].

На фоне послевоенных трендов на становление независимых государств и борьбу с колониальной системой значимой компонентой как церковного, так и государственного подходов являлась и антиколониальная повестка. Обладая тем же преимуществом, каким пользовалась и пользуется российская (советская) сторона, в виде отсутствия негативного исторического опыта взаимодействия с народами Африки, Азии и Латинской Америки в рамках колониальной модели, церковь сделала Запад и Ватикан синонимами колониализма, разоблачая их политические замыслы и улучшая международный имидж СССР. Церковные авторы заявляли о невозможности приравнять за-

падную цивилизацию к вселенскому христианству, ибо последнее против «всякой расовой и национальной ненависти, колониальной эксплуатации, и в частности, возврата к антисемитизму» [19, с.26–27]. Несмотря на то, что на страницах ЖМП редко проводился анализ политических реалий Восточной и Юго-Восточной Азии, тем не менее в 1949 г. РПЦ прямо поставила вопрос: «Кто заинтересован в том, чтобы подавлять народно-освободительное движение в колониальных странах, кто посылает наемные войска проливать кровь коренного населения в Индонезии и Вьетнаме?» [1, с.23]. Был использован уже привычный инструмент разделения верующих на истинных христиан и «христианствующих», ведь лишь последние могли участвовать в колониальных войнах [13, с.32]. Попытки концептуализации проблемы колониализма сводились к признанию факта экономического порабощения свободных народов и подтверждения тезиса об отсутствии у подобной политики общих черт с христианскими догматами [6, с.26–27].

Можно сделать вывод, что в идеологических кампаниях по внешнеполитическим вопросам голос РПЦ звучал значительно жестче: в отличие от внутриполитического поля, во внешнеполитическом измерении церковь принимала участие и в «репрессивных кампаниях». На международной арене церковь могла в полной мере продемонстрировать свою полезность по всем актуальным тематикам: характер церковных институтов полностью соответствовал декларируемому Кремлем курсу, вследствие чего не происходило логического диссонанса между церковной и государственной линиями. Кроме того, во внешней политике церковь не претендовала ни на чью вотчину: заменить собой НКВД (МИД) СССР она не хотела и не могла, занимая особую нишу в системе структур, задействованных в международной политике; существования большого количества аппаратных антагонистов, которые наблюдались во внутриполитическом поле, внешнеполитическое пространство не предполагало. Вплетая концептуальные основы советского курса в христианскую догматику, РПЦ получила возможность вовлекаться во внешнеполитические акции, не изменяя самой себе. Участие церкви в идеологических кампаниях позднего сталинизма в целом следует логике государственного развития в 1945–1953 гг., однако приравнять РПЦ к светским структурам, осуществляющим схожую деятельность, не представляется возможным в силу специфики церковных институтов и избирательного подхода РПЦ, мимикрирующего под общегосударственный, но в реальности преследующий в т. ч. и свои собственные цели.

Библиографический список

1. А.Ш. Сторонники мира // Журнал Московской Патриархии. 1949. №6. С.21–29.
2. Болотов С.В. Русская Православная церковь и начало «холодной войны» // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. №3. С.100–104.
3. Васильева Н. Будничный подвиг // Журнал Московской Патриархии. 1945. №12. С.27–30.
4. Васильева Н. Женщина в христианстве // Журнал Московской Патриархии. 1946. №3. С.34–36.
5. Васильева О.Ю. Внешняя политика советского государства и Русская Православная Церковь. 1943–1948 годы // Труды Института российской истории РАН. 2000. №2. С.339–353.
6. Вениамин (Федченков), митр. Простые речи за мир // Журнал Московской Патриархии. 1952. №4. С.26–28.
7. Дегоев В.В. Необратимый бег «колесницы реформ» // Россия в глобальной политике. 2005. Т.3. №3. С.191–198.
8. Дегоев В.В., Торкунов А.В. Понятие «внешняя политика»: от условного образа к полновесным смыслам. Об одной из проблем изучения специфики геополитического и цивилизационного развития России IX – начала XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т.13. Выпуск 12(122). Часть I. URL: <https://history.jes.su/s207987840023969-4-1/>. DOI:10.18254/S207987840023969-4
9. Зернов М., свящ. 10 февраля // Журнал Московской Патриархии. 1946. №1. С.30–31.
10. Зернов М., свящ. Уроdlивое явление // Журнал Московской Патриархии. 1947. №8. С.32–34.
11. Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи / А.С.Кимерлинг; Нац. исслед. ун-т. «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 216 с.
12. Колоколов М., прот. О русской женщине // Журнал Московской Патриархии. 1946. №3. С.32–34.
13. Лука (Войсно-Ясенецкий), архиеп. Защитим мир служением добру // Журнал Московской Патриархии. 1950. №5. С.32–33.
14. Лука (Войсно-Ясенецкий), архиеп. Ко Второму Всемирному конгрессу сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. 1950. №11. С.17–18.
15. Лука (Войсно-Ясенецкий), архиеп. Размышление о правде и лжи (К первой сессии Всемирного Совета мира) // Журнал Московской Патриархии. 1951. №5. С.8–11.
16. Нестор (Лукьянов), архиеп. Приветственное слово победоносному воинству Красной Армии, произнесенное на митинге 2 сентября в г. Харбине // Журнал Московской Патриархии. 1945. №11. С.29–31.

17. Нестор (Лукьянов), архиеп. Слово, произнесенное на молебне в Харбине 19 августа по случаю победы над Японией // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 11. С.27–28.
18. Николай (Ярушевич), митр. Значение Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1945. №2. С.30.
19. Обращение ко всем христианам в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. 1949. №5. С.26–27.
20. Обращение Постоянного комитета Всемирного Конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 11. С. 19–21
21. От Собора униатской церкви Генералиссимусу И.В.Сталину // Журнал Московской Патриархии. 1946. №4. С.27.
22. Поздравительная телеграмма Патриарха Алексия Генералиссимусу И.В.Сталину // Журнал Московской Патриархии. 1946. №1. С.3.
23. Поздравительные телеграммы, полученные Святейшим Патриархом Алексием в день праздника Победы над Японией // Журнал Московской Патриархии. 1945. №9. С.4–8.
24. Приветственный Адрес от духовенства и мирян Русской Православной Церкви Вождю народов СССР Генералиссимусу И.В.Сталину в день его семидесятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1949. №12. С.5–11.
25. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 319 с.: ил. (Досье).
26. Речь Святейшего Патриарха Алексия в Патриаршем соборе перед молебном по случаю 70-летия И.В.Сталина // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 1. С.4.
27. Серафим (Лукьянов), митр. Единство Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1949. №12. С.26–28.
28. Спицын Е.Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах. М.: Концептуал, 2020. 528 с.
29. Телеграмма Святейшего Патриарха Алексия Председателю Совета Министров СССР Генералиссимусу И.В.Сталину // Журнал Московской Патриархии. 1949. №12. С.3.
30. Телеграмма Экзарха Украины Митрополита Иоанна Н.С.Хрущеву // Журнал Московской Патриархии. 1945. №11. С.4.
31. Тренин Д.В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Дмитрий Тренин. М.: Альбина Паблшер, 2021. 471 с.
32. Фотий (Топиро), архиеп. О церковно-патриотической работе духовенства и верующих в послевоенное, мирное, время // Журнал Московской Патриархии. 1945. №10. С.33–35.
33. Харьюзов Н.А., прот. Можно ли простить фашистов? (Мысли православного священника) // Журнал Московской Патриархии. 1945. №5. С.44–46.

34. Харьюзов Н.А., прот. Женщина-мать // Журнал Московской Патриархии. 1948. №3. С.24–25.
35. Шаповалова А. Ко дню Победы // Журнал Московской Патриархии. 1947. №5. С.29–32.
36. Шишкин А. Открытие Богословско-пастырских курсов в Ленинграде // Журнал Московской Патриархии. 1946. №1. С.41–44.
37. Эйриян В.А. Журнал Московской патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы // Россия XXI. 2021. №4. С.108–127.
38. Эйриян В.А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940–1950-х гг. // Россия XXI. 2022. №5. С.60–79.
39. Янов В. Великий русский народ // Журнал Московской Патриархии. 1945. №8. С.56–61.
40. Routledge Handbook of Russian Foreign Policy / Ed. by A.Tsygankov. Abington: Routledge, 2018. 429 p.

Образ может изображать
отношения, которые
не существуют.

Людвиг Витгенштейн

Культура – это то, что
остается, когда все
остальное забыто.

Эдуар Эррио

Общество никогда не может
простить тех, кто ни в чем
не повинен.

Станислав Ежи Лец

Образ – это одно, а сам человек – это совершенно другое... Очень трудно соответствовать образу.

Элвис Пресли

Культуру нельзя унаследовать, ее надо завоевать.

Андре Мальро

То, что называют общественным мнением, скорее заслуживает имя общественных чувств.

Бенджамин Дизраэли

Андрей Богданов

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЗАПАД:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ

УДК

94 (47) 08

Образ великого князя Александра Ярославича Невского (1221–1263) был сформирован и утверждён в современном обществе литературой и, отчасти, изобразительным искусством. Научные данные позволяют нам судить о том, что образ этот отличается от исторической реальности во многих аспектах, и прежде всего это касается противостояния князя с Западом. Но дают ли комплексные научные исследования возможность представить подлинные страницы жизни князя и черты его личности столь же ярко, как это сделано в литературе и искусстве? Статья положительно отвечает на этот вопрос, воссоздавая ключевые сцены борьбы Александра с крестоносцами и его представления о ситуации в Европе в свете современных знаний.

The image of Grand Duke Alexander Yaroslavich Nevsky (1221–1263) was formed and approved in modern society by literature and, in part, by art. Scientific data allow us to judge that this image differs from historical reality in many aspects, and first of all it concerns the prince's confrontation with the West. But do comprehensive scientific studies make it possible to present the true pages of the prince's life and the features of his personality as vividly as it is done in literature and art? The article positively answers this question by recreating the key scenes of Alexander's struggle with the Crusaders in the light of modern scientific knowledge.

Ключевые слова: Александр Невский; крестовые походы; Ледовое побоище; Тевтонский орден; Фридрих Штауфен; Григорий IX; Александр IV; Иннокентий IV; Вильгельм Сабинский; Андреас Вельвен.

Key words: Alexander Nevsky; Crusades; Ice Battle; Teutonic Order; Friedrich Staufen; Gregory IX; Alexander IV; Innocent IV; Wilhelm Sabinsky; Andreas Velven.

E-mail: bogdanovap@mail.ru

Источники и литература

О великом князе Александре Ярославиче Невском мы знаем почти исключительно из современной ему литературы. Это Новгородская Первая летопись старшего извода [21], Псковская I летопись [24] и, намного лаконичнее, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи [19; 20], продолжавшиеся при жизни князя во Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси. Это восторженное «Житие» святого Александра, которое вскоре после его смерти начал составлять сподвижник князя, митрополит всея Руси Кирилл [15, с. 427–439], и немецкая «Рифмованная хроника» конца XIII в., ярко описавшая войны Александра с Тевтонским орденом [12, с. 229–246].

«Великий князь Александр Ярославич Невский», портрет в царском «Титулярнике» 1672 г.

Исключение составляют два менее важных текста. «Псковская судная грамота» – свод законов, в основе которого историки видят установления Александра [23]. И оригинальное сочинение брата-францисканца Джованни Карпини «История Монгалов, именуемых нами татарами», которое было отчетом папского посла о путешествии в Орду и столицу

Монгольской империи, но позже стало восприниматься как литературный текст [6]. С ним связаны два папских послания Александру 1248 г., сохранившиеся в архиве Ватикана и выражавшие мечты наместника престола святого Петра, неведомо, дошедшие ли до князя [15, с.262–271]. Их русский перевод, равно как и всех касающихся Александра источников, приведен в моей книге [2, с.251–252, 257–258].

Что интересно: о героях и событиях в Орде и Монгольской империи мы тоже знаем в основном из литературных произведений: «Сокровенного сказания монголов» 1240 г. [30] и персидского «Сборника летописей» 1300-х гг. [25]. Но отношения Александра с Востоком осознаны историками и писателями глубже, чем с Западом, история которого в XIII в. представлена в великом множестве нарративных и документальных текстов.

Поразительно, но факт. Запад Европы, с которым имел дело Александр, предстает в русской литературе как бледная тень, туманный образ, который писатели даже не думают раскрывать. Образ «рыцаря Андреаса» в «Житии» святого князя остается едва ли не высшим достижением «западных» страниц литературы об Александре. В.Г.Ян этот восточный подход прекрасно утвердил. Его романы «Чингисхан» (1939), «Батый» (1942), «К "последнему морю"» (1951) составляют эпопею, увенчанную повестью об Александре «Юность полководца» (1952). Битвы князя с крестоносцами – вот суть темы «Александр и Запад».

Это действительно странно, ведь Восток в романах Яна представлен глубоко и талантливо. Хочется верить, что скоротечность жизни не позволила писателю создать роман о событиях XIII в. с синтезом событий на Востоке и Западе. Но сочинения его последователей не дают оснований для оптимизма. В романе А.К.Югова «Ратоборцы» (1944–1948) Александр Невский поставлен на одну доску с Даниилом Галицким, хотя отношения этих князей с Западом были различны до противоположности.

Романы с неизменно «оригинальным» названием «Александр Невский» написали затем Б.Л.Васильев (1997, в переиздании «Князь Ярослав и его сыновья»), Ю.А.Крутогоров, С.П.Мосияш, А.Ю.Сегень и В.В.Лукин; С.Т.Романовский озаглавил так детскую книгу. В.И.Белов добавил слово «князь» к названию своей пьесы, а Ирина Измайлова – к названию книги. В своеобразной хронике А.Ю.Карпов пошел еще дальше, назвав книгу «Великий князь Александр Невский». На этом фоне Л.А.Обухова с ее романом «Набатное утро», А.А.Субботин («За землю Русскую»), С.М.Юхнов («Лазутчик Александра Невского») и Н.П.Павлицева («Нев-

ская битва. Первый подвиг Александра») выглядят революционерами, преобразования которых, впрочем, не простираются дальше названия.

К писателям и авторам популярных книг не стоит быть слишком строгими, потому что образ Запада, с которым сталкивается Александр в фильме С.М.Эйзенштейна (1938), это просто отлитый в бронзе и раскатанный в плоскость экрана памятник ненависти. И мудрейший академик М.Н.Тихомиров, с юмором написавший тогда пространную рецензию на сценарий писателя П.А.Павленко (впоследствии лауреата четырех Сталинских премий), упрекнул замысел фильма за лубочность, но не двухмерное представление о Западе [26]. Противостояние добра Александра и абсолютного зла Запада, по крайней мере, создавали драматургию. В новых же фильмах Г.М.Кузнецова «Житие Александра Невского» (1991) и И.Е.Каленова «Александр. Невская битва» (2008) нет ни представления о Западе, ни даже мелодрамы, хотя в последнем князь и его дружина вооружены ближе к истории.

Николай Черкасов в роли Александра Невского, 1938 г.

Тихомирова мы здесь упомянули не случайно. В исторической науке, начиная с трудов немецкого (!) академика Г. Ф. Миллера «Жизнь святого Александра Невского» [35] и книги русского академика Ф. А. Гуманского о «Созерцании славной жизни» князя [27], отношение Александра к Западной Европе сводилось к идее, что Запад – это крестоносцы, которых святой князь рубил своим мечом. Действительно, труды таких выдающихся историков, как И. П. Шаскольский и В. Т. Пашуто, ясно свидетельствуют о том, что *de facto* Александр Невский своим мечом сорвал чрезвычайно серьезно продуманный и хорошо подготовленный план крестоносного наступления на Русь [28; 18; 17; 16].

В этом можно было бы увидеть великую силу литературы XIII в., если бы в «Житии» Александра его отношения с Западом не были представлены сложнее. Ведь князь относится там к «рыцарю Андреасу» с таким же уважением, как к знатым русским воинам. Открыв близкую к событиям Новгородскую Первую летопись, без учета фантастических дополнений к ней в Софийской I летописи XV в. [22, с. 83], мы обнаружим не меньшее уважение к вражеским воинам у новгородского автора, одобряющего милосердие князя.

Современный немецкий исследователь «русской культурной памяти» об Александре Ф. Б. Шенк на 600 страницах объясняет, что образ святого князя, ставший краеугольным камнем русского национального самосознания, был искусственно сформирован «сверху» государством и Церковью в качестве альтернативной версии коллективной идентичности [29]. Альтернативной, как легко догадаться, Западу, если воспринимать его именно в рамках противостояния Александра и крестоносцев.

Здесь мы должны были бы возмутиться и напомнить, что «Житие» благоверного князя заложило основу русского самосознания задолго до создания Московского и продолжившего его Российского государства потомками Александра, бурную деятельность которого изучает Шенк. И интересовало святого митрополита Кирилла не противостояние князя с Западом, а утверждение силы правды, действительно фундаментальное для нашей культуры. Сопратник Александра отвечает в «Житии» на наш извечный вопрос: «В чем сила, брат?» Тем, кто полагает, что «кто сильнее, тот и прав», князь противопоставляет старую, не на Руси придуманную идею: «Не в силе Бог, но в правде». И, поскольку правда действительно была за ним, поскольку князь был благочестив и милосерд,

праведен жизнью и искренне уповал на Бога, Господь дарует ему победы в Невской битве и всех других сражениях, военных и дипломатических¹.

Неизменная помощь Божья является верховным каноническим доказательством святости князя в «Житии» митрополита Кирилла. Чудо святого там лишь одно, а обличения Запада нет вообще. Отдельные представители католического мира отступают от правды, которая полагается им прекрасно известной, и князь праведно побеждает их, проявляя затем должное милосердие к таким же людям, как он сам. Посланники римского папы склоняют святого князя на свою сторону, а он мягко им отказывает потому, что на Руси своя правда: сами «обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем». «Они же возвратились восвояси», никем не обиженные².

Семирадский Г.И. Александр Невский принимает папских легатов, 1876 г.

¹Точно такие же требования к правде русских воинов упорно утверждал позже Александр Васильевич Суворов, строго следуя концепции «Жития» своего патронального святого: [1].

²См. новый перевод [2, с. 353–367].

Можно было бы отнести эту, на самом деле важную для нас, человечность Александра к особенностям духовной литературы второй половины XIII в., если бы его «Житие», вошедшее в веками развивающееся летописание, обрело со временем обличительные свойства по отношению к иной вере и, надо сказать, нередкой агрессивности западных соседей Руси и России. Однако мы не видим изменений концепции митрополита Кирилла в позднейших Лаврентьевской и Псковской II летописях, в редакциях «Жития» 1550 г. для Великих Миней Четых митрополита Макария и 1560–1563 гг. для Степенной книги его ученика и преемника, протопопа Благовещенского собора Андрея (будущего митрополита Афанасия). Даже после несчастной для Руси Ливонской войны и реванша Бориса Годунова в Прибалтике архиепископ Вологодский и Великопермский Иона Думин, вдумчиво создавая в 1591 г. Пространную редакцию «Жития» Александра, наполненную чудесами благоверного князя, слов для обличения Запада не нашел³. В XVII в. в семи изданиях «Пролога» (с 1641) на Государевом печатном дворе противопоставление правды и неправды не было заменено противостоянием Святой Руси Западу, и архимандрит Владимирского Рождественского монастыря Викентий, дорабатывающий «Житие» с 1672 до начала XVIII в. этого не сделал⁴.

Вы скажете, что откровенную радость митрополита Кирилла по случаю побед святым князем «возгордившихся» силой крестоносцев уже можно считать противостоянием Западу. Тем более, что автор «Жития» упоминает их «римскую» веру⁵ и «землю немецкую» (предоставленную крестоносцам новгородскими князьями во владение часть Прибалтики)⁶. Он даже придумывает отсутствующую в летописях подробность об унижении высокомерных крестоносцев: «И вели босыми подле коней тех, кто именуется "Божьи рыцари"». Но эти напрасно превознесшиеся и справедливо наказанные за прошедшие века так и не превратились в «нечестивых», а противостояние им в русской литературе древнего и нового времени не стало конфликтом религиозным и национальным.

Цивилизационное противостояние Руси Александра Невского Западу – целиком продукт новейшего времени. Не случайно в темах современ-

³ *Издание текста [11, приложение, с. 49–125]. Там опубликованы все основные редакции «Жития», начиная с первой.*

⁴ *Российская национальная библиотека. Собрание Петербургской духовной академии. № 273.*

⁵ *«И бысть съча велика над римляны (т. е. католиками. – А.Б.), и изби их множество бесчисленно, и самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемъ».*

⁶ *«Пошел (он) на землю немецкую с великой силой, чтобы не хвалились, говоря: "Укорим словенский народ ниже себя"».*

ной школьной программы говорится об «историческом выборе» князя «между Востоком и Западом». Модернизация эта чрезвычайно далека и от реалий XIII в., и от представлений современников Александра об окружающем мире. Однако она почти незаметна на фоне того образа святого князя, который сформирован у нас с вами литературой, искусством, да и, что греха таить, наукой.

Доверяя трудолюбивому немцу Шенку и собственным художникам слова и образа, а также ученым историкам XX в. в том, что они имели серьезные основания представлять роль святого благоверного князя определенным образом, мы должны все же разобраться в том, кого видел перед собой Александр Ярославич, например, выезжая на лед Чудского озера 5 апреля 1242 г. Ведь князь, в отличие от нас, точно знал, «кто есть кто» за его западным рубежом. Знали это и те, кто писал о нем в летописях и «Житии», разве что с меньшими подробностями. Но это знание было столь обыденным, что осталось за текстом источников. Попробуем восстановить его, учитывая современные научные знания о политических событиях, образе действий героев, духовной и материальной культуре того времени. Здесь учеными и историческими реконструкторами, проверяющими научные теории практикой, накоплен существенный материал, позволяющий представить мир Александра Невского живее и объемнее, чем сделано художниками слова и образа. А главное, сам драматический конфликт выглядит по-иному.

Взгляд князя на противников

Если говорить коротко, то Александр, готовясь рыцарски сломить копье с предводителем крестоносцев, не видел в нем злоеющее порождение Запада и его ужасающе монолитный милитаристский образ, знакомый нам по художественной литературе и искусству. Князь по-хозяйски защищал от общей опасности мир, в котором он жил, и Европу, которую знал. Защищал по-своему, но... согласно пламенному призыву светского главы Западного мира ко всем сюзеренам Европы. Их власть, общественный порядок и культура были под угрозой. Римский папа, как за год до Ледового побоища написал в окружных посланиях европейским государям император Священной Римской империи германской нации Фридрих II Штауфен (1220–1250), стремится покорить или уничтожить их всех, а крестоносцы – это его страшное, злоеющее оружие⁷.

⁷ О императоре и его борьбе с папами подробно [33; 31; 32; 36]. На русском языке: [3; 4].

Джорджо Вазари. Отлучение Фридриха II от церкви Григорием IX, 1572–1573 гг.

Разослав это послание, император двинул армию на Рим, в логово папы Григория IX (1227–1241), и осадил Вечный город. Напрасно папа призывал истребить этого навеки отлученного от Римской церкви «медведя, леопарда, богохульника, сына Вельзевула» [3, с. 108–111]. Светские рыцари императора уверенно побеждали воинов святого креста. Александр в это время с дружиной, новгородцами, ладожанами, корелой и ижорянами шел к Копорью, чтобы выбить оттуда немцев, предавших власть своего сюзерена-императора⁸ и служивших его врагу – папе. «И взял город, а немцев привел в Новгород, а иных отпустил на волю»; местных же «переветников»-предателей повесил [21, с. 78].

⁸ Права на земли к востоку от Ливонии император Фридрих еще в 1222 г. передал Ордену меченосцев как своему, а не папскому вассалу [18, с. 133; 21, с. 313–320].

Немцы были неправы, когда нарушили мир и вторглись в Водскую пятину Господина Великого Новгорода, да еще соорудили на новгородских землях деревянную крепость. «Боже славный, ... сотворивший небо и землю и положивший границы народам, повелел жить, не преступая в чужую часть»⁹, – молился Александр Ярославич, согласно «Житию», в Софии Новгородской в 1240 г. Немцы были неправы перед князем вдвойне: ведь они (Орден с епископом Юрьевским, по-немецки Дорпатским, Дерптским) держали большую часть современной Эстонии как леники князей новгородских, нередко задерживая выплату дани и получая за это наказание русским мечом, а тут они буквально перешли все границы! Но крестоносцы были профессиональными воинами, такими же, как дружинники Александра, поэтому князь относился к ним с уважением и даже долей симпатии. Отпускать пленных без выкупа в его время нигде в Европе не было принято, в том числе и на Руси. Деля это, Александр Ярославич ясно говорил ошарашенным его милосердием немцам: «Опомнитесь, господа и братья! Что же вы творите, в современной-то политической ситуации!»

Картина эта настолько отличается от привычного образа единого католического Запада, от которого совершенно отделена православная Русь, что нуждается в детальном разъяснении. Давайте посмотрим вместе с Александром на войско крестоносцев, которому князь «дал поле» на Чудском озере, отведя своих ратников к восточному, русскому берегу.

5 апреля 1242 г., «на память святого великомученика Клавдия, на похвалу святой Богородицы», на восходе солнца, Александр Ярославич, стоя на Вороньем камне,

Александр Невский «извергает из основания» крепость Тевтонского ордена в Копорском погосте, миниатюра Лицевого свода XVI в.

⁹ По единственному на сегодня точному переводу «Жития» (в параллель к оригиналу) [2, с.356].

видел на ледяной глади Чудского озера солидную конную рать крестоносцев. На Вороний камень князя возвел С.М.Эйзенштейн, и не сделать этого не мог. Новгородский летописец указал, что русские «поставили полк на Чудском озере, на Узмени (в проливе между Чудским и Псковским озерами. – А.Б.), у Вороньего камня». Узмень зимой, которая в холодные времена Александра продолжалась чуть ли не до мая, – такая же ледяная пустыня, как и все озеро. Наличие камня, как ружья на стене, требовало его использовать.

Александр Невский с высоты (на самом деле небольшой) мог рассмотреть все неприятельское войско. Впереди, под белыми знаменами с черными крестами, формировался ровный строй братьев-рыцарей и солдат-кнехтов Тевтонского ордена. За ним пестрели хоругви Юрьевского епископа и рыцарей множества стран, прибывших искать богатства и славы в объявленном папой еще в 1237 г. крестовом походе на Русь. Далее бурели домотканью толпы эстов, на низкорослых лошаденках, со значками племен, покорившихся немцам. Тех, кто шел служить победителю не в качестве воина-вассала, берущего дань, но подданного, дань только дающего, никто, от Ирландии до Японии, в те времена за людей не считал. Возможно, среди них были и храбрые воины. Но немецкий хронист не упоминает их вообще, а русский летописец замечает, что из битвы они попросту бежали и полегли под копытами рыцарской конницы Александра «без числа».

Крестоносцы атаковали сходу и, согласно «Рифмованной хронике», были отброшены стрелами передового полка конных лучников. Тогда, по Новгородской летописи, они перестроились в свинью: конный строй против лучников, в котором скакавшие на кромке клина братья-рыцари и сержанты прикрывали своими бронированными телами менее защищенных конных кнехтов. Построились, естественно, воины Тевтонского ордена: из всех рыцарей того времени только военно-монашеские ордена обладали должной дисциплиной и строевой выучкой. Обычные рыцари при слове «дисциплина» хватались за меч, а в бою звали один тактический принцип: «Никто впереди меня!» Команда «равняйся» прямо противоречила рыцарской установке на неравенство. Настолько, что даже на турнире выровнять строй перед схваткой можно было только с помощью каната, натянутого перед грудью коней.

Итак, тевтоны атаковали свиньей. В жизни это выглядело так же символично, как в кино. Правда и добро противостояли вселенскому злу, свет – тьме. Широкие тевтонские кресты, черные на белых налатных одеждах, коттах, у рыцарей, и белые на темных коттах солдат, были, как

на грех, теми же, что на броневиках кайзера, танках Гитлера и бундесвера. В отличие от темных цветов тевтонской рати, автор «Рифмованной хроники» описал сияние, исходившее от русских воинов: «Они имели ... очень много красивейших доспехов, их знамена были богаты, их шлемы излучали свет». И раньше, в битве под Изборском, из русских «многие были в блестящей броне, их шлемы сияли, как стекло». Такое сияние означало, что броня и шлемы русских были из закаленной стали; менее твердый металл, сколько его ни полируй, не будет выглядеть как стекло.

Русские авторы не видели ничего особенного ни в сиянии своих доспехов, ни в обычае западных партнеров скрывать их ржавые кольчуги под грязными коттами и покрывать тканью или красить железные шлемы. Новгородский летописец просто назвал строй тевтонов «свиньей»: на вид кабан-кабаном, ведет себя свински и пахнет соответственно. Дружина Александра понеслась ему навстречу на полном галопе, чтобы выбить врагов из седел таранным ударом копий. Вся дружинная тактика и комплекс вооружения того времени были заточены на этот удар [7]. Всадник, стоящий при атаке врага на месте, был мишенью, любой, не успевший перевести коня в галоп и нацелить копьё, проигрывал.

Памятник Александру Невскому и его дружине
на берегу Чудского озера, у деревни Самолва, 2021 г.

В лобовом столкновении с дружиной Александра рыцари имели мало шансов. Их кольчуги, даже простеганные для жесткости кожаными ремешками, не выдерживали прямой удар копья и стрелы. Их сравнительно легкие шлемы с короткими масками (ведрообразные топфхельмы появятся через полвека) были слабее русских, у которых маски в виде человеческого лица или длинные «носы», к которым крепилась кольчужная бармица, упирались нижними концами в грудь. Рыцари надеялись на крепость шейных позвонков, да еще надевали шлем на кольчужный капюшон. Это защищало от рубящих ударов меча. Но в экспериментах каленая стрела, даже выпущенная слабой девушкой, пробивает и шлем и кольчугу под ним насквозь. Александр в Невской битве пробил копьем забрало шведского «короля» и ранил его в лоб. При этом очень большой, на толстой ватной подкладке, массивный русский шлем XIII в. и без кольчужного слоя держал удар. Рыцарское копье не пробивало и пластинчатый «ламеллярный» доспех, который дружинники надевали поверх кольчуги. Прочность и вес русского доспеха в целом были больше, чем у немцев, что давало преимущество при таранном ударе [9; 8]¹⁰.

Лично Александр атаковал так в третий раз. Зимой 1234 г., тоже с дружиной отца и новгородцами, он раздражил и вызвал на бой рыцарей Юрьевского епископа и Ордена Меченосцев комтурии Медвежья голова. Крестоносцы были таранным ударом дружины сметены с поля и в бегстве потонули, провалившись под лед реки Омовжи (по эстонски Эмайыги) [21, с. 72–73]. Этот сюжет редактор Новгородской летописи по Софийскому списку через 100 лет после событий перенес в описание Ледового побоища (в оригинальном тексте XIII в. его не было). Перенес мотивированно, потому что в его время немецкий доспех действительно стал тяжелее русского¹¹. Но напрасно, потому что в 1242 г. русские имели больше шансов провалиться под лед Чудского озера, будь он непрочен.

В битве на Омовже главного противника выцеливал копьем отец 13-летнего Александра, Ярослав Всеволодович, князь Переяславский и Новгородский. Но 15 июля 1240 г. у реки Невы сам «Александр по-

¹⁰ Кирпичников 1971; Кирпичников 1976.

¹¹ По тяжести многослойного кольчужно-пластинчатого доспеха Германия в XIV в. опередила всю Западную Европу, рыцарство которой поставило своего рода рекорд веса надетого на него железа. Сплошные стальные латы, ассоциирующиеся в нашем сознании с рыцарством, появились на закате Средневековья и достигли совершенства в Новое время (XV–XVI вв.). Только в конце XVI и начале XVII вв., во времена Анри IV и кардинала Ришелье, носившего в своих многочисленных кампаниях чуть ли не 45 кг стали, вес лат на короткое время достиг веса старинного доспеха XIV в. в связи с распространением пробивавших броню мушкетеров.

спешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего», – гласит «Житие». Здесь популяризаторы истории и романисты исхитряются выдумать посреди сражения поединок, как в фильме Эйзенштейна о Ледовом побоище. Потому, что в начале сражения литературная традиция заставляет их изображать воинов Александра, крадущихся к лагерю шведов, аки тати в ночи. Но «шестой час дня» летописец XIII в. считал не с 12 ночи, как позднейшие авторы, а с рассвета. Т.е. битва произошла после того, как шведы проснулись, умылись, поели, вооружились и чинно построились перед своим лагерем.

Исподтишка Александр Ярославич ни на кого не нападал. Это было противно европейской воинской традиции, которой он придерживался. И что князь доказал бы победой, достигнутой обманом?! Да, его дружина в 1240 г. была мала, а из новгородцев к нему присоединились немногие. Он не знал, придут ли на помощь ладожане, когда, помолившись в святой Софии, «выйдя из церкви, утер слезы, начал крепить дружину свою, говоря: "Не в силах Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: *"Иные с оружием, а иные на конях, мы же во имя Господа Бога нашего воззовем; они споткнулись и пали, мы же встали и стоим прямо"*¹². Сказав это, пошел на врагов с малою дружиной, не дождавшись своих многих сил, но уповая на Святую Троицу»¹³. Ладожане присоединились к князю в пути [10].

Описание боя на Неве в «Житии» насквозь литературно¹⁴. Малый отряд героев среди бела дня атакует многочисленного врага. Не в силах уничтожить шведов, русские своей доблестью заставляют их отступить и признать поражение. Князь и дружинники совершают личные подвиги, побеждая «короля», прорубаясь до шведских шатров и кораблей, – чистая Троянская война, описанная в 5-й книге Хроники Иоанна Малалы [5], переведенной на славянский в X в. и популярной на Руси с XI в. Там

¹² Песнотворец – царь Израиля Давид (XI в. до н. э.), автор большинства библейских псалмов. «Житие» приводит отрывок псалма, который в переводе П. А. Юнгера звучит так: «Одни – на колесницах, другие – на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем. Они споткнулись и пали, а мы встали и оправдись» (Пс.19, 8–9; в Синодальном издании: «Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся: они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо»).

¹³ Оригинал и перевод [3, с. 357].

¹⁴ В отличие от новгородского летописца, который хозяйственно считает потери «посрамленного» врага и горожан (до 20 человек), опуская потери дружины Александра [21, с. 77].

Памятник Александру Невскому в Калининграде, 2018 г.

сражения за Илион описаны от лица их участника. И в «Житии» сказано, что «все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве».

Речь идет не о сочинении подвигов – до этого литература XIII в. еще не доросла, – но о стиле жизни и рассказов князя и его сподвижников. Александр *должен* был на скаку сразить копьем главного, равного себе шведа. И сделал это, пробив шлем самого пылкого и пышного рыцаря, объявленного в «Житии» «королем». Вероятный предводитель похода, ярл Ульф Фаси, был староват и для рыцарских подвигов непригоден, равно как и шведский король Эрик Эрикссон («славы в турнирах ему не видать» – пренебрежительно говорит о нем стихотворная «Хроника Эрика»). Но это мог быть молодой любитель роскоши и турниров Биргер, в котором тогда мало кто мог провидеть будущего мудрого правителя Швеции [2, с. 158–170]. На лбу его черепа, изученного в саркофаге в Варнхеме, над правой глазницей остался след от копья [34, s. 193–195], неизвестно, Александра или нет (Биргер был любителем турниров).

В 1242 г. выискивать предводителя тевтонов Александру не приходилось. Им по традиции был всадник на самом опасном месте – на острие атакующего клина, под орденским знаменем. Александр наверняка узнал его имя по щиту, где личный герб совмещался с черным крестом Ордена.

Реконструкция внешности ярла Биргера по остаткам черепа

На щите Александра, скорее всего, было изображение его патронально-го святого Феодора Стратилата, которое он потом использовал на своих печатях. А на знамени новгородского князя – святые Борис и Глеб, которые уже помогли ему в сече на Неве так же действенно, как Сант-Яго сражался в небесах за иберийских христиан в великой битве с маврами при Лас Навас де Толоса (1212). На знамени новгородцев, очевидно, был их любимый суровый Спас, какого они вскоре поместят на купол святой Софии. «Бог же, и святая София¹⁵, и святые мученики Борис и Глеб, их же ради новгородцы кровь свою проливали», как писал новгородский летописец, ошутимо для участников присутствовали в битве на льду.

Кем же был отважный немец, на которого скакал во весь опор Александр? Мы можем лишь предполагать. Но это был человек, достойный уважения и жалости князя. Чином он был не выше, чем ландмейстер: магистр-наместник Тевтонского ордена в Ливонии. Великого магистра Орден Меченосцев, гнездившийся с 1202 г. на берегах Западной Двины, уже не имел. Их магистр Вольквин пал в 1236 г. вместе с 48 братьями в битве с литовцами под Шауляем. В сече погибли и 180 из 200 помогавших Ордену псковичей [21, с. 74]. Последние Меченосцы, под давлением папской

¹⁵ Не св. София, мать Веры, Надежды и Любви, но София Премудрость Божья, которая в новгородской традиции ассоциировалась с Христом Пантократором.

курии, признали главенство тевтонов. В 1237 г. им на помощь прибыли с Германом Бальке 54 брата-рыцаря [17, с.238]. Они ушли из Пруссии вовремя: в том же году тамошние тевтоны захватили русский город Дрогичин, где были перебиты и пленены князем Даниилом Галицким.

Предводитель крестоносцев, решивший свести счеты с жизнью, атаковав Александра, имел на это все основания. Мало того, что на его плаще вместо нарядного красного меча и креста Меченосцев был нашит черный крест. Он оказался вассалом вассала, ведь сюзереном Тевтонского ордена, удравшего из Палестины, а затем из Венгрии, был польский князь из Пястов, Генрих II Благочестивый, предавший своего сюзерена императора и ставший на сторону папы римского. Ключевое слово – «был», потому что Генрих пал 9 апреля 1241 г. в битве при Лигнице против Субедея, лучшего полководца Чингисхана и Бута-хана. Под польским знаменем полегли все, кого тевтоны смогли наскрести по прусским комтурам: 6 братьев, 3 рыцаря-послушника и 500 кнехтов; самого Генриха опознали в свалке тел только по шести пальцам на ноге. Иными словами, Тевтонского ордена, от имени которого геройский ландмейстер прибыл править Меченосцами, в апреле 1242 г. физически не было, кроме, возможно, больных братьев, дрожащих от страха перед монголами в своих замках.

Монголы с головой Генриха II у замка Лигниц. Миниатюра XIV в.

Противник Александра был все же не совсем ронин, хотя места ниже его в вассальной иерархии сыскать трудно. До романтизации рыцарских орденов, братья которых, сильные здоровые мужчины, попросту уходили в монахи, отказываясь от мирских благ, в литературе и искусстве было еще очень далеко. Собственно, романтизация самого рыцарства волшебным словом Кретъена де Труа, Вольфрама фон Эшенбаха и их товарищей в XIII в. только начиналась. И ни один из трубадуров и миннезингеров не додумался сказать доброе слово о рыцарях папских орденов.

На местах рыцари утвержденных папой военно-монашеских орденов должны были служить для грязной работы назначенным из Рима епископам, отдавая им две трети завоеванных потом и кровью земель. Лишь 13 апреля 1241 г. у ливонских тевтонов, служивших на таких кабальных условиях Рижскому и Юрьевскому епископам, забрезжила надежда. Папа Григорий IX отписал земли *за новгородским рубежом* епископу Эзеля и Поморья Генриху. А тот, в благодарность за помощь тевтонских рыцарей в подавлении восстания на о. Эзель, согласился брать у них лишь 10-ю часть от 10-й части завоеванных земель и иной добычи! Речь шла о землях Великого Новгорода: областях Ватланд (Водьская пятина), Ноува (бассейн Невы), Ингрия (Ижорская земля) и Карелия, для которых, раз Орден уже поставил там замок, «есть надежда на обращение в христианство» [17, с.295].

Договор с покоренными эзельцами подписал от имени Ордена и епископа Генриха Андреас фон Вельвен, временный «магистр дома братьев Тевтонских в Ливонии» [14, с.306–308]. Составитель «Жития» Александра тонко пошутил, сравнив его визит к русскому князю с поездкой царицы Савской к Соломону: «Некто сильный из западной страны, из тех, что называются "слуги Божии", пришел от них, желая видеть дивную зрелость его, как в древности приходила к Соломону царица южная, желая услышать премудрости его¹⁶. Так и этот, именем Андреас, повидав князя Александра и вернувшись к своим сказал: "Пройдя страны и народы, не видал такого ни царя среди царей, ни князя среди князей"» [2, с.355].

Неясно, намекал ли митрополит всяя Руси Кирилл, в котором мы видим составителя «Жития», на особенности нравов монашеских орденов. Но в его сочинении именно после восторженного рассказа Андреаса крестоносцы, позавидовав славе Александра, бросились на Русь. Звучит сказочно, однако герой шуток – личность историческая. В договоре

¹⁶Имеется в виду рассказ Библии: 3 Цар 10; 2 Пар 9.

с епископом Генрихом, где упомянута тевтонская крепость в Водьской пятине, Андреас фон Вельвен подписался как командор (commendator) «Тевтонских братьев Дома святой Марии в Ливонии». Именно под его знаменем немцы вторглись на Русь, понимая опасность, но мечтая из-быть нищету.

Владимир Меньшенин. Крестоносец. 2008 г.

Взял ли Александр Невский фон Вельвена в землях Новгорода (и, как старого знакомого, отпустил), или сразил копьем на Чудском озере, отвага «именитого мужа Андреаса» была очевидной. Невиданная щедрость римской церкви к тевтонам в землях Великого Новгорода была связана с пониманием, что они, по сути, смертники. Даже в договоре с ними это проскальзывает. Шведы ведь уже пытались войти в землю Новгорода, и немногие вышли. Измышлениями, что речь идет землях язычников, а не русских, крестоносцев было не провести.

Иное дело – владения Изборска и Пскова, формально новгородских пригородов, а фактически почти независимых и тесно связанных с ливонскими немцами. Новгородская и Псковская летописи времен Александра переполнены рассказами о том, как знатные люди Изборска и Пскова сотрудничали с немцами и отказывали в поддержке князьям, а новго-

родцы становились на сторону этих бунтарей. Так произошло и после победы Александра над шведами 15 июля 1240 г. В августе, не успели победители залечить раны, как изменники во главе с жившим у немцев князем Ярославом Владимировичем захватили для крестоносцев Изборск. За ним пал Псков, сданный врагу боярином Твердилой Иванковичем «с иными; и сами стали владеть Псковом с немцами, воюя села новгородские. А иные псковичи бежали в Новгород с женами и с детьми» [21, с. 77–78].

Вдохновителем похода «Рифмованная хроника» называет Юрьевского (Дерптского) епископа Германа, желавшего покарать русских, которые «хотели подняться против христианства, как прежде». С его немецкими рыцарями пошли в поход из Ревеля датчане принцев Кнута и Абеля, сыновей короля Вальдемара II [18, с. 181; 16, с. 67–68; 13, с. 190–201]. Ударной силой крестоносцев были тевтоны комтурий Медвежья голова (Одненпе) и Вельянди (Феллина). Немецкий хронист смакует ужасы войны, которые описали и русские летописцы. Из Изборска «ни одному русскому не дали [уйти] невредимым. Кто защищался, тот был взят в плен или убит. Слышны были крики и причитания: в той земле повсюду начался великий плач». 800 псковичей, спешивших на помощь Изборску во главе с воеводой Александра Гавриилом Гориславичем, были убиты в сражении или пленены. От Изборска до Пскова горели села и церкви, сгорел псковский посад. Детей «добрых людей» крестоносцы взяли в заложники: именно их сжигают на костре в фильме Эйзенштейна, хотя источники об их судьбе не сообщают. «Многие рыцари и кнехты хорошо заслужили здесь свое право на лен» – владение русской землей с крестьянами, – пишет орденский хронист.

Войдя в открывший ворота Псков, крестоносцы поделили между собой завоеванное. Плодородные земли взял епископ и датчане, Псков оказался «в руках братьев-тевтонов». Им должен был «управлять магистр», т. е. знакомый нам Андреас фон Вельвен. Переходить новгородскую границу и встретиться с Александром в поле он не спешил.

Северные крестоносцы были достаточно благоразумны, чтобы дожидаться удобного случая. Их крестовый поход готовился 8 лет, с 1232 г., когда папа Григорий IX запретил католическим странам заключать перемирие с русскими. С 1234 г. его легат кардинал Вильгельм Сабинский (Моденский) собирал крестоносные силы в Восточной Прибалтике. Он примирил немцев с датчанами и вдохновил шведов [28, с. 140, 152–154], но объявленный в 1237 г. поход не мог начаться, пока Русь не была разгромлена Ордой.

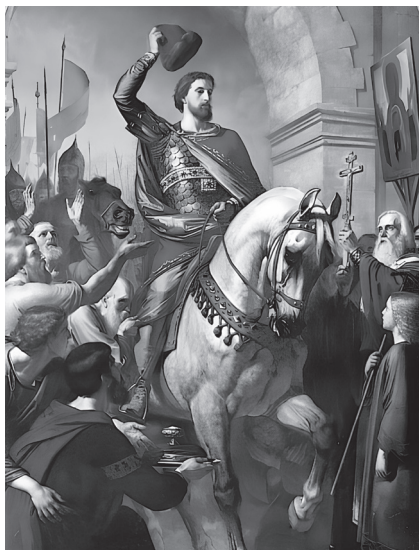
Рафаэль Санти. Папа Григорий IX, фреска в Ватикане

Осенью 1240 г. фон Вельвен ждал, когда новгородцы избавятся от Александра. Князь с женой, матерью и дружиной был изгнан из Великого Новгорода к зиме. Оставив в Пскове двух фогтов и гарнизон, магистр-наместник Андреас вторгся в новгородские земли, поставил крепость Копорье и взял Тесов. Новгородцы же просили к себе дружественного немцам князя Андрея Ярославича. Того, кто позже, в 1252 г., поддавшись уговорам своего тестя Даниила Галицкого, поднял восстание против татар, но испугался с ними биться и бежал через Новгород и Псков в датский Ревель, а оттуда в Швецию, к ярлу Биргеру [16, с. 114]. Александр Невский насилу вернул его, дал княжение и отмолил в Орде.

Появление тевтонских всадников за 30 верст до Новгорода, возможно, не было виной Андреаса, ведь он до весны 1241 г. воевал на Эзеле и заключил договор с епископом, что «языческие» земли Новгорода достанутся Ордену. И новгородские 300 «золотых поясов» – бояр и знатных людей, каждый из которых имел дружину, не спешили воевать за земли язычников, карел и ижорцев. Те были скорее союзниками, чем подданными Новгорода: сохраняли свою веру, законы и управление, подчинялись больше князьям, чем городской знати. Но зимой и весной 1241 г. вместе с немцами в новгородские земли бросилась чужь, а заодно налетели отряды литовцев [21, с. 78].

Набеги литовцев Новгород отражал почти непрерывно. Не исключено, что идея сдать западное пограничье Ордену была связана у «золотых поясов» с мечтой использовать немецкий щит против Литвы. Насколько набеги были опасны, показывает история князя Ярослава Владимировича, который с немцами захватывал Изборск в 1233 и 1240 гг. Сын изгнанного из Пскова князя жил в Риге, на родине его матери, племянницы местного епископа. В 1241 г. немцы, использовав, вышвырнули предателя. Мало того, его жена, св.Евпраксия Псковская, была 8 мая 1243 г. убита сыном Ярослава от католического брака с немкой в орденской крепости Медвежья голова, куда князь сам русскую жену вызвал. Александр Невский, видя, что князь-изменник «Богом убит», позволил Ярославу вернуться на Русь и поставил защищать Торжок [2, с.227–229]. Под 1245 г. скупой на похвалы новгородский летописец посвятил Ярославу большую статью, описав, как князь дважды был разбит литовцами, но, когда те были разгромлены Александром, с одним «своим двором» нагнал и истребил врага, «не упустил их ни одного мужа». Не успокоившись, Ярослав с «малой дружиной» гнал литовцев до Витебска и закончил с ними у Западной Двины. «И тут Бог ему помог», – подчеркнул летописец прощение грехов князя, выкупленных его кровью [21, с. 79].

В 1241 г. тот же летописец написал, что немцы от Литвы Новгород не защитили, а невозможность «пахать по селам» и возить товары по дорогам заставила городскую знать бить челом Александру Невскому. Князь вернулся из Переяславля с дружиной отца, великого князя Владимирского, и выбил тевтонов с новгородских земель [21, с. 78]. Если, взяв Копорье, он магистра Андреаса пленил и отпустил, то тот должен был вернуться в Псков и зимой 1242 г. попал в плен во второй раз: Александр перехватил все пути к Пскову, ворвался в город с кавалерией, повязал немцев со служившей им чуждью и заточил в Новгороде.

Федор Моллер. Въезд Александра Невского во Псков. 1793 г.

Лишь чрезвычайное везение помогло бы Андреасу, унеся ноги из Пскова и миновав взятый князем Изборск, достичь Медвежьей головы. Чтобы весной выйти оттуда с оставшимися братьями и кнехтами против Александра, вставшего на льду Чудского озера, и получить молодецкий удар княжеским копьем. Роковой удар, ведь магистра-наместника или командора среди пленных не было, ни по русским летописям, ни по орденской хронике. Правда, в «Житии» о Ледовом побоище сказано, что «того, кто сказал: "Пленим Александра", отдал Бог в руки его» [2, с.362].

Кто это сказал, из «Жития» неясно и с Андреасом не связано. По словам митрополита Кирилла, эта самоубийственная мысль возникла у немцев после освобождения Александром Пскова: «Они же, гордые, собрались и сказали: "Пойдем, и победим Александра, и пленим его"». Автор вновь, после рассказа о Невской битве, обыгрывает здесь справедливое наказание за грех гордыни, и рисует «полк Божий в воздухе, пришедший на помощь Александру», когда тот, воздев руки как Моисей, взывает: «Суди меня, Боже, рассуди спор мой с народом неправедным» [2, с.361].

Тевтоны сражались и гибли геройски. При копеейной сшибке немцев с несущейся на полном скаку дружиной Александра множество воинов вылетело из седел. Но немало немцев промчалось сквозь ряды дружины, как и бывает в конных сшибках: «прошиблись свиной сквозь полк» [21, с.78]. Пролетев, в свою очередь, сквозь тевтонов, русские должны были столкнуться с рыцарями Дерптского епископа и тьмочисленной чудью. Первые повернули коней и дисциплинированно, по-немецки бросились наутек. Вторые бессмысленно метались по льду, позволив Александру развернуть дружину и атаковать тевтонов в тыл. Те могли или с потерями пролететь сквозь второй эшелон русских – новгородские конные полки – и с достойным случаем звоном вписаться в обледеневший берег Чудского озера, или увязнуть в тяжелой латной пехоте. Во всей рыцарской Европе и на Руси пехота в те времена была не в чести, но в Новгороде существовала¹⁷. Кого в битвах XIII в. точно не было, так это необученного ополчения. Воевали профессионалы, берущие дань. Дающие дань, если их и брали на войну, служили жертвами, «чудью».

Александр мог с разгона атаковать, отъезжать и вновь атаковать врага, который сам пробил себе дорогу в окружение. У братьев-рыцарей,

¹⁷ И еще как существовала: именно новгородская и смоленская пехота выиграла у объединенных конных ратей Владимиро-Суздальской земли великую Липицкую битву 21 апреля 1216 г., после которой победитель, Мстислав Удатный, надолго забрал свою дочь у проигравшего Ярослава Всеволодовича. Александр Невский стал плодом счастливого воссоединения супругов в 1219 г.

сержантов и кнехтов не было места для разгона, без которого невозможна конная атака. Они, не предполагая измены Дерптского епископа, сами загнали себя в ловушку. Немцам снаружи «был слышен звон мечей и видно было, как рассекались шлемы» [12, с.245]. Вскоре они видели лишь массу русских, которая со всех сторон давила окруженных. «И была сеча зла, и трясся (лед) от преломления копий¹⁸, и звук секущих мечей будто озеро замерзшее двигал, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью. Это слышал я от очевидца», – гласит «Житие» [2, с.362].

Владимир Меньшенин. Александр Невский. 2008 г.

«Немцы тут пали, – не без уважения отметил новгородский летописец отвагу врага, – а чужь бежала. И, гоня, били их на 7-ми верстах по льду до Суболичского берега. И пало чуди без числа, а немцев 400, а 50 в плен взяли и привели в Новгород» [21, с.78]. «Там было убито двадцать братьев-рыцарей, а шесть было взято в плен», – подтверждает слова летописца «Рифмованная хроника» [12, с.245–246]. 26 братьев-рыцарей вели в бой более 400 сержантов и кнехтов (по стандартному счету

¹⁸ При таранном ударе копытами действительно раздается гром и кажется, что трясется почва. В этом случае лед.

хоругвей-баньеров – около 900). Но в плен простых солдат всегда брали меньше. Поэтому из 400 убитых немцев рыцарей было 20, зато в плену из 50 немцев оказалось 6 рыцарей.

Потери дружинников Александра новгородский летописец мог и не упомянуть, но сами новгородцы не потеряли на льду ни одного знатного человека. Для крестоносцев сражение тоже не обернулось тотальной резней. Не менее половины войска, все рыцари Юрьевского епископа, просто не вступили в бой. И из тевтонов часть смогла спастись, а судя по «Рифмованной хронике» даже не попала в окружение. Но победа русских была полной.

Вопрос лишь в том, какой в Ледовом побоище был смысл. И здесь литературный образ Александра полностью соответствует историческим реалиям. Князь, в русской традиции, не горел желанием рубиться с крестоносцами, и без того Богом обиженными, но был вынужден сражаться, потому что его оппоненты не желали мира. Следует лишь добавить, что эта позиция прибалтийских немцев была в 1242 г. абсолютно иррациональной.

Европа времен Александра

«Житие», сравнив святого князя с Давидом, Моисеем и Иисусом Навином, говорит: «И возвратился князь Александр с победой славной, и было множество пленных в полку его, и вели босыми подле коней тех, кто именуется "Божьи рыцари"» [2, с.262]. Это соответствует проводимой в тексте идее возмездия, но не реальности. Во-первых, Александр уважал храбрых врагов. Во-вторых, его целью был мир. Новгородский летописец это понимал. Он завершил статью о Ледовом побоище констатацией: «В том же году немцы прислали с поклоном: без князя что мы зашли в Водь, Лугу, Псков, Лотыглу мечом, того всего отступаемся; а что мы взяли мужей ваших, тех всех разменяем: мы ваших пустим, а вы наши пустите; и псковских пленных отпустили и помирились» [21, с.78–79].

Александр своим походом просто принуждал крестоносцев к миру. Он после стремительного разгрома крестоносцев в новгородской земле, и после освобождения Пскова и Изборска давал немцам длительное время подумать о мире. Те отказались: им мириться с русскими папа запретил. После поражения на Чудском озере они все равно получили мир на условиях, которые должны были устроить их до Ледового побоища. А то и раньше, в 1241 г., когда Орда Батыея смела католические государ-

ства до границ Священной Римской империи германской нации. Александр, вернув русские земли, долго ждал, когда крестоносцы одумаются и пойдут на мир, учитывая ситуацию в Европе, способную, казалось бы, образумить и фанатиков.

Татары в Хронике Матвея Парижского под 1240 г.

К весне 1242 г., когда князь все же выступил в поход, Западная Европа была охвачена ужасом. Германский король Конрад Штауфен, сын императора Фридриха, собирал под свое знамя курфюрстов и рыцарей для обороны против Орды, население молилось: «Господи, избави нас от ярости татар». В Кельне хронист писал: «Значительный страх перед этим варварским народом охватил отдаленные страны, не только Францию, но и Бургундию, и Испанию, которым имя татар было донине неизвестно». Король Франции Людовик Святой писал папе, что, если татары ворвутся в его страну, он с рыцарством умрет за церковь. Мысли о победе у него не было, и справедливо, т.к. военное превосходство Орды было сокрушительным и очевидным¹⁹. Император Фридрих, со-

¹⁹ Ударной силой профессионального монгольского войска, составлявшего примерно 5% кочевого населения, была та же тяжелая кавалерия, что на Руси и в Западной Европе, но с дополнительным вооружением в виде мощных луков, метательных машин и еще не принятых на Западе Евразии доспехов для коней. По организации, дисциплине, разведке, стратегии и тактике Орда превосходила своих противников стадийно, по людскому и материально-техническому ресурсу – не уступала всей Западной Европе, если бы та могла чудесным образом объединить свои силы. При вторжении в Польшу, огромное в те времена королевство Венгрию, Восточную Чехию, Молдавию, Валахию, Трансильванию, Хорватию и Далмацию два тумена Орды разгромили противостоящие им войска почти без потерь потому, в частности, что монгольские военачальники имели навык победоносной войны на огромных пространствах, а их противники представляли боевые действия как отдельные стычки [2, с. 142–143]. Представление о монгольской армии как легковооруженном, но бесчисленном ополчении кочевников сложилось в западноевропейской и русской историографии много позже описываемых нами событий, отражая

общавший королю Англии Генриху III о татарской опасности, в ответ на письмо хана Батые о покорности ответил с мрачным юмором, что, будучи знатоком пернатых (его перу принадлежала знаменитая книга о соколиной охоте), мог бы стать ханским сокольничим [17, с.287].

В этой ситуации губить храбрых рыцарей Тевтонского ордена было безумием. Но Александр понимал, что имеет дело с организациями, жи-

Фридрих II Штауфен с соколом,
миниатюра из его книги
«Об искусстве охоты с птицами», конец XIII в.

вущими вне логики его рыцарских времен, полагающих язычников не людьми, мусульман зверями, православных не христианами, а среди католиков истинными только безмолвных слуг римского папы. Когда его единомышленник, император Фридрих II Штауфен, с помощью наемного мавританского войска снес замки баронов в Сицилии и установил там единое управление, его объявили чуть не дьяволом. Когда он договорился с эмирами и вернул христианам цель крестовых походов – Иерусалим (1229–1244), папа отлучил его от церкви и наложил интердикт (запрет церковной службы) на Святую землю!

В логике крестовых походов против Руси были походы крестоносцев против всех христиан: Империи ромеев (1202–1204), на юг Франции (1209–1229), в Нидерланды и на северо-запад Германии (1228–1232), в Болгарию (1238). А в 1245 г. начался крестовый поход против императора Священной Римской империи: Лионский собор постановил предать анафеме Фридриха и его потомство, лишить их престолов и призвать их подданных к восстанию. По всей Германии и Италии рыцари с крестами много лет рубились против рыцарей с черными имперскими орлами. Империя сражалась достойно, но не устояла. Разодранные волей

защитную реакцию европейцев на превосходство противников в культуре войны. – Той культуре, которая с начала Нового времени в XV в. становилась основой представлений европейцев о своем превосходстве и мировой миссии.

папы в ключья Германия и Италия были объединены Бисмарком и Кавуром лишь через 600 лет.

Русь и без крестоносцев напоминала лоскутное одеяло. Александр, видя, какой кошмар устроили «Божьи рыцари» на Западе, на следующий крестовый поход против Руси (1256) отреагировал мгновенно. Немцы, датчане и шведы не успели перейти границы, как им пришлось бежать перед его войском. Князь же, встав на лыжи, очистил от крестоносцев земли до Полярного круга. В 1257 г. папа Александр IV в своей булле объявил, что ни единого слуги папского престола в Финляндии не осталось. И призвал к крестовому походу [28, с.206–226]. Но в него никто не пошел, и не ходил еще четверть века. В рай, несмотря на усердие, с которым римский папа звенел «ключами святого Петра», рыцарство не спешило.

Не преуспев в войне против Руси, папа Иннокентий IV, который развязал войну в центре католической Европы, в 1248 г. вознамерился обольстить Александра Невского посланиями. Вряд ли князь, который в 1247 г. явился к хану Бату с братом и дружиной, чтобы помочь в войне с великим ханом Гуюком, а после смерти Гуюка выиграл жизнь и ярлык на великое княжение в Каракоруме (1249), мог эти послания получить [2, с.250–260]. А если бы получил, то познакомился бы со стилем большой лжи, для земных сюзеренов в то время еще не вполне обычной.

Победа крестоносцев над имперскими рыцарями в 1249 г., миниатюра из Хроники Джованни Виллани XIV в.

Папа Александр IV, старинная гравюра

В одном послании утверждалось, что отравленный в 1246 г. Каракоруме отец Александра, великий князь Ярослав, оплаканный православным народом и с честью погребенный во Владимирском Успенском соборе, перед смертью тайно принял католичество. В другом – что католиком решил стать сам Александр. «Ты преданно искал и прозорливо обрел путь, который позволит тебе весьма легко и весьма быстро достичь врат райских, – писал ему папа. – Однако ключи от этих врат Господь вверил блаженному Петру и его преемникам, Римским папам, дабы они не впускали не признающих Римскую церковь... и не почитающих Папу – наместника Христа, с сердцем, исполненным послушания и радости» [15, с.262–265].

Папа Римский Иннокентий IV,
старинная гравюра

С радостью отказать от православия и христианского принципа свободы воли Александр был не готов. Во втором послании папа требовал оказать почтение к его легату, который приедет на Русь для вразумления князя и крещения его подданных [15, с.268]. Согласно «Житию», папские послы явились к Александру, который прочел им лекцию по Священной истории и мягко закончил словами: «а от вас учения не приемлем» [2, с.364–365].

Достоинство этой позиции, со времен Александра Невского кажущейся нам естественной, не было оценено двумя его видными современниками: великими князьями Даниилом Галицким

и Миндовгом Литовским. Оба они приняли католичество и королевские венцы из рук папских легатов в 1253 г. И ринулись в крестовый поход, один против Орды, другой против Александра, как вассала Орды. В 1254 г. сын Александра, Василий, порубил литовцев у Торопца, а новгородцы и псковичи отразили нашествие немецких крестоносцев: «победили их... силою Креста честного: сами на себя начали (войну. – А.Б.) окаянные преступники правды. И прислали (немцы. – А.Б.) в Псков и Новгород, прося мира на всей воле новгородской и псковской. И так умирились» [21, с. 80].

Обещанная Галицко-Волынской Руси и Литве «помощь Запада» не пришла. И не могла прийти: крестоносцы упорно рубились с имперцами в центре Европы до 1268 г. В 1261 г. Никейский император и православный патриарх, после колоссальных усилий, вернули испоганенный крестоносцами Цареград и начали восстановление в Европе Империи ромеев, а папа, уже потерявший Иерусалим, не смог их остановить.

Галицкая Русь и Литва были выжжены татарами, причем Литва – с помощью войск покорившегося татарам Даниила. «Католический король» Миндовг пришел в чувство, когда на его страну набросились еще и крестоносцы. Он повинился перед народом за измену вере, растоптал королевский венец, принес папских миссионеров в жертву богам и раз-

Миндовг, гравюра из сочинения А.Гваньини, 1598 г.

громил крестоносцев так, как не удавалось даже доброму Александру. В 1260 г. в сече у озера Дурбе пали магистр, маршал и 150 рыцарей Тевтонского ордена, 15 рыцарей попали в плен. Александр воспринял деяния своего старого противника Миндовга с уважением и в 1262 г. заключил с ним мир. Галицкая Русь исчезла. Русь и Литва потомков Александра и Миндовга выстояли и превратились в великие державы.

Заключение

Однако, если бы Александру Невскому сказали, что он «оградил Русь от Запада», он был бы в недоумении. Князь не мыслил в кресто-

носной парадигме, что какие-то народы и страны лучше, а кто-то не имеет права жить по своей вере и обычаям. Он с детства помнил, как в голодающий Новгород весной 1231 г. «прибежали немцы из-за моря с житом и мукой и сотворили много добра; а уже был при конце город сей» [21, с. 71]. У него всегда были добрые отношения с вольными имперскими городами и западными монархами, желающими вступить в диалог, презрев запрет папы. Все ограничения на договоры и торговлю с Русью до него, при нем и после накладывали те же римские папы, которые были врагами и городов, и сюзеренов. Князь же и с крестоносцами предпочитал мир, не представляя их себе как смертельных врагов Руси. Просто иногда для взаимопонимания с ними был необходим меч – признанное в его благой среде средство культурной коммуникации.

Это отношение Александра Невского к разнообразию Европы прекрасно выражено его заключительными словами в фильме Эйзенштейна: «Пусть без страха жалуют к нам гости. А кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет». Слова эти, ставшие в нашей культуре афоризмом, полностью выдуманы. Но они прекрасно показывают, что создатели фильма, так же, вероятно, как и писатели, понимали, сколь многое оставляют за кадром и за страницами книг. Еще лучше понимали это историки, сосредоточившись, из всего многообразия европейской истории XIII в., на злоковарном плане крестоносного нашествия на Русь.

Однако в общественном сознании такое самоограничение сделало образ святого князя упрощенным, что мы и попытались по мере сил исправить. Памятуя, что на просторах Евразии XIII в. Батый мог сказать русскому князю «ты уже наш, татарин», и Александр полагал западноевропейских суверенов и военных вождей «братьями», которых, если они сбились с пути, следует лишь вернуть к правде. Столько раз, сколько потребуется. О делении народов на сорта по вере, точнее по склонности

Павел Корин. Александр Невский, 1942 г.

подчиняться Риму, князь знал, даже если и не получил личные послания римского папы, в которых тот ему эту оригинальную концепцию излагал. Но значения ей, как и Фридрих II Штауфен, не придавал, а просто считал это учение для Руси «неприемлемым».

Библиографический список

1. Богданов А.П. А.В.Суворов. Правила военного искусства. М.: Академический проект, 2017. 468 с.
2. Богданов А.П. Александр Невский. Солнце земли русской. М.: Академический проект, Трикта, 2021. 557 с.
3. Вис Э.В. Фридрих II Гогенштауфен / пер. с нем. Е.Б.Каргиной. М.: АСТ, 2005. 392 с.
4. Глогер Б. Император, бог и дьявол: Фридрих II Гогенштауфен в истории и сказаниях. СПб.: Евразия, 2003. 288 с.
5. Истрин В.М. Пятая книга Хроники Иоанна Малалы // Записки Императорской академии наук. Историко-филологическое отделение. Серия 8. Т.9. Ч.2. Одесса, 1910. С.1–51.
6. Карпини, Дживонни дель Плано. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. А.И.Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 270 с.
7. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 138 с.
8. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 135 с.
9. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. III. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М. – Л.: Наука, 1971. 92 с., илл.
10. Кирпичников А.Н. Невская битва 1240 года и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С.24–30.
11. Мансикка В.Й. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст / Памятники древней письменности. Т.180. СПб.: ПДПИ, 1913. IV, [2], 225, 137 с.
12. Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2002. 447 с.
13. Назарова Е.Л. Крестовый поход на Русь 1240 г. (Организация и планы) // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В.Т.Пашуто. М., 1999. С.190–201.
14. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.П. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972. 339 с.
15. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981. 647 с.
16. Пашуто В.Т. Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 1974. 160 с.
17. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.
18. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Госполитиздат, 1956. 280 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т.1. Вып.3. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1928. 579 стлб.

20. Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб.+108 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. III. М. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 642 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIX. М.: Наука, 1994. 205 с.
23. Псковская судная грамота / Публ. Черепнин Л. В., Яковлев А. И. // Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 235–297.
24. Псковские летописи. Вып. 1. М. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 146 с.
25. Рашид ад-дин. Сборник летописей / Пер. Л. А. Хетагурова, ред. и прим. А. А. Семёнова. Т. I–III. М. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946–1960. 222+315, 248, 340 с.
26. Тихомиров М. Н. Издвка над историей (о сценарии «Русь») // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 375–280.
27. Туманский Ф. Созерцание славной жизни святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. СПб.: Печ. у Шнора, 1789. 42 с.
28. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л.: Наука, 1978. 245 с.
29. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.
30. Юань-чао би-ши: Секретная история монголов / Изд. текста и предисл. Б. И. Панкратова. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 602 с.
31. Abulafia D. Frederick II. A Medieval Emperor. N.-Y.: Oxford University Press, 1988. 466 p.
32. Houben H. Kaiser Friedrich II.: 1194–1250: Herrscher, Mensch und Mythos. W. Kohlhammer Verlag, 2008. 268 s.
33. Kantorowicz E. Frederick the Second, 1194–1250. N.-Y.: F. Ungar Pub. Co., 1957. 724 p.
34. Lindström, Henrik; Lindström, Fredrik. Svitjods undergång och Sveriges födelse. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 2006. 315 s.
35. Müller G. F. Leben des heiligen Alexandri Newsky. Aus russischen ungedruckten Nachrichten zusammengetragen und mit Zeugnissen auswärtiger Geschichtsschreiber bestätigt. Mit einer geschichtlichen Tafel des hl. Alexander Newsky // Sammlung russischer Geschichte. Bd. 1. St. Petersburg, Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1732. S. 281–314.
36. Rader O. B. Friedrich II: Der Sizilianer auf dem Kaiserthron. München: C. H. Beck, 2013. 592 s.

Любовь Лазарева,
Дмитрий Маслов

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПАРТИИ ОБ ЭТОМ МНОГО ДУМАЕТ»:

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
93/94

Выход сборника документов, посвященного культурной политике, подведет итог многолетней исследовательской работе под руководством д.и.н. профессора В.В.Журавлева по публикации источников, характеризующих совокупность ключевых черт «сталинской» догоняющей модернизации. В первую книгу этого проекта – «Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.» [22] – составители включили источники, характеризующие поиск теоретической основы долгосрочной стратегии развития страны. На следующем этапе («Социальная политика в СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.» [21]) социально-экономическая модель рассматривалась в контексте послевоенного восстановления страны. Задачей новой документальной публикации стало выявление особенностей послевоенной культурной политики через призму ее концептуальных оснований и механизмов практической реализации.

The publication of a documentary publication devoted to the cultural policy of late Stalinism will summarize the long-term research work led by Professor V.V.Zhuravlev, Doctor of Historical Sciences, on the publication of documents, characterizing the set of key features of the “Stalinist” catching-up modernization. In the collection, “Stalin’s economic Legacy: plans and discussions. 1947–1953” The compilers included sources characterizing the search for a theoretical basis for a long-term development strategy of the country. At the next stage – in the collection “Social policy in the USSR in the postwar years. 1947–1953” – the “Stalinist” model was considered in the context of the post-war reconstruction of the country. The task of the new stage was to identify the features of post-war cultural policy through the prism of its conceptual foundations and practical implementation mechanisms.

Ключевые слова: культурная политика; поздний сталинизм; документальная публикация; догоняющая модернизация; агитация; пропаганда; идеология; союз советских писателей.

Key words: cultural policy; late Stalinism; documentary publication; catching up modernization; agitation; propaganda; ideology; Union of Soviet writers.

E-mail: laz_dom@mail.ru, dmitrij.mas2011@yandex.ru

Исследовательская методология изучения культурной политики позднего сталинизма

В ставшем уже далеким 2017 году увидела свет документальная публикация «Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии.

1947–1953 гг.» [22]. Документы раскрывали внимательному читателю важные грани поиска теоретической основы долгосрочной стратегии развития страны. Продолжением стал сборник «Социальная политика в СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.» [21]. Его целью было «вписать» «сталинскую» модель догоняющей модернизации в контекст послевоенного восстановления страны, выявить действующие в сложном переплетении объективные и субъективные факторы, влиявшие на внутривластные процессы.

Для создания объективной картины особенностей стратегии модернизационного рывка позднего сталинизма недоставало анализа сферы культуры. Это и определило направление исследовательского поиска под руководством д. и. н. профессора В.В. Журавлева в заключительной части публикаторского (ставшего уже межархивным) проекта РГАСПИ и РГАЛИ. Задачей готовящегося сборника стал комплексный анализ культурной политики после войны через **призму ее концептуальных оснований и механизмов практической реализации.**

Несмотря на большое количество публикаций, связанных с феноменом советского управления сферой культуры [5; 10; 11–14 и др.], коллективу подготовителей представляется актуальным продолжение его изучения. В том числе с целью более глубокого понимания противоречивости отечественной истории XX века, руководствуясь принципами научной объективности и историзма.

«Краеугольным камнем» исследовательской методологии стала концепция модернизации. «Сталинская» модель социально-экономического развития сформировалась как специфическое решение задачи обеспечения экономического и политического суверенитета страны [3; 17]. Ее парадигма порождала отношение к культуре, как к важнейшей составляющей идеологии. Дихотомия складывалась из ленинской установки «обеспечить достижение трудящимися "определенного уровня культуры"», необходимого, чтобы «догонять другие народы» [18, с.381]¹

¹ «...Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный "уровень культуры", ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы...». [18, с.381].

и запроса на воспитание Homo Sovieticus, определяющими качествами которого должны были стать патриотизм, альтруизм, желание трудиться не за страх, а на совесть во имя светлого будущего человечества – коммунизма. Поэтому огромные усилия, направленные на ликвидацию неграмотности, на просвещение, доступность качественного образования широким слоям населения, формирование новой интеллектуальной элиты сочетались с установкой на унификацию мировоззренческих ценностей граждан СССР, с жестким контролем творчества, ограничение его «прокрустовым ложем» государственного «заказа».

Базовые механизмы политики в области культуры

Выстраивание механизмов политики в сфере культуры коррелирует с формированием и трансформациями в ходе строительства народного

хозяйства страны в сложных (а иногда и экстремальных) условиях – самой социально-экономической модели.

Уже 12 ноября 1917 г., сразу вслед за важнейшими декретами, оформлявшими внутреннюю политику большевиков (о земле, о мире, о моратории по вексям и исполнительным листам, об уничтожении сословий и гражданских чинов и т. п.), была учреждена Государственная комиссия по народному просвещению [12, с. 9–22].

Новый управленческий орган должен был «...служить связью и мощницей организовать источники материальной, идейной и моральной поддержки муниципальным и частным, особенно же трудовым и классовым просветительным учреждениям в государственном общенародном масштабе» [12, с. 21]. Причем, отделы науки и искусств соседствовали в нем со структурными подразделениями, занимавшимися введением всеобщей грамотности, а также всевозможными учебными заведениями [12, с. 20]. Деятельность комиссии должна была опираться на широкие массы общественности: в ее состав включались представители учителей, академического сообщества, студенчества, профессиональных союзов, культурно-просветительных организаций, городов и земств, художников [12, с. 20].

Установка на «сплав» просвещения, агитации и образования была закреплена резолюцией VIII съезда РКП(б) (18–23 марта 1919 г.), где учреждения образования и культуры, а также общественные организации включались в работу по воспитанию ценностей нового общества и вытеснению религиозного мировоззрения (в том числе и через популяризацию научных знаний) [23, с. 36–40, с. 37–38].

В 1920 г. агитационную и пропагандистскую работу возглавило Главное управление политического просвещения (Главполитпросвет). Ему был подчинен отдел пропаганды и агитации (Агитпроп) ЦК партии, ставший ключевым механизмом реализации культурной политики в СССР [8]. Несмотря на многочисленные реорганизации, в зону его компетенций входили не только пропаганда и агитация, но и наука, образование, художественная литература, искусство, кинематограф [8].

Формирование управленческой модели, основанной на директивном планировании, не обошло и сферу культуры. Вместе с тем, конечно, сильно деформированная, но продолжала существовать первоначальная установка на опору на широкие массы общественности. Например, в постановлении СНК от 27 августа 1930 г. перед профсоюзами ставилась задача принять активное участие в работе по уточнению «плана социально-культурного строительства» [13, с.91–92]. Требовалось обеспечить участие общественных организаций в его составлении, обсуждении и осуществлении.

Тогда же, в первой половине 1930-х гг. в добровольные общественные союзы были объединены советские художники, архитекторы, композиторы и писатели.

Идеологическое руководство культурой опиралось на разветвленную сеть государственных органов. До 1933 г. основную роль в этом процессе играл Наркомат просвещения² (в его структуре были Главлит, Главрепертком, Главискусство и т. п.).

Управленческий механизм изменило Постановление ВЦИК и СНК СССР от 17 января 1936 г., создав Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР» (далее КПДИ) [13, с.12–13].

КПДИ делегировалось руководство не только театрами, кинотеатрами и т. п., но и прочими учреждениями культуры (например, архитектурными, скульптурными, художественно-живописными и т. д.). Кроме того, в обязанности нового комитета входил контроль репертуара всех зрелищных мероприятий, организуемых любыми учреждениями страны. Передавалась в его ведение и книгоиздательская отрасль [13, с.12–13]. Лишь киноиндустрия была выделена в ведение созданного Постановлением СНК СССР от 23 марта 1938 г. Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

Итак, к концу 1930-х был сформирован базовый механизм советской культурной политики: она «транслировала» идеологию в массы, ее стратегия и тактика формировались ЦК партии, воплощаясь в плановых про-

²Наркомат просвещения РСФСР был создан II съездом Советов 25 октября 1917 г.

ектировках и управленческих актах государственных органов, опираясь в реализации принятых решений на общественные организации.

Задача: мобилизовать общество

«Дыхание» войны, ощущавшееся с середины 1930-х гг., поставило на повестку дня вопрос повышения эффективности хозяйственного механизма [7, с.92–106]. Наравне с ним в число приоритетов вошло идеологическое и патриотическое воспитание «кадров».

И.В. Сталин подчеркнул в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде ВКП(б): «...если при всем этом начинает почему-либо хромать наша партийная пропаганда, если начинает хиреть дело марксистско-ленинского воспитания наших кадров, если ослабевает наша работа по повышению политического и теоретического уровня этих кадров, а сами кадры перестают в связи с этим интересоваться перспективой нашего движения вперед, перестают понимать правоту нашего дела и превращаются в бесперспективных деляг, слепо и механически выполняющих указания сверху, то должна обязательно захиреть вся наша государственная и партийная работа» [4, с.30–31].

Формирование веры в «лучшее завтра» и готовность пойти на жертвы ради «прекрасного далека» требовало, чтобы «светлое будущее» ощущалось массами как реальная и достижимая цель. Не случайно на последнем предвоенном съезде была анонсирована работа над новой программой партии, намечающей алгоритм перехода к коммунистическому обществу.

Культурная политика играла важнейшую роль в решении поставленных задач: от воскрешения культа исторических русских героев [10, с.550–561, 20, с.478–487]³ до усиления работы по просвещению граждан и их агитации в духе патриотизма по месту жительства [14, с.15]⁴.

Первые лица государства направляли и жестко контролировали развернувшийся процесс, зорко следя за идеологической «начинкой» творчества советских деятелей искусства [10, с.573–604, 607–609]⁵.

³ На это обращалось внимание, в частности, в докладной записке И.Г.Большакова В.М.Молотову о тематическом плане производства кинокартин на 1939–1940 гг. от 7 августа 1939 г.

⁴ Постановлением СНК от 7 октября 1938 г. на содержание красных уголков, оплату лекторов, экскурсоводов, кинопередвижек и т.п. отчислялось местными Советами 1–2% всех доходов домоуправления.

⁵ Стенограмма совещания в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни». 9 сентября 1940 г.; Доклад А.А.Жданова на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) об улучшении производства ху-

В декабре 1940 г. было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О литературной критике и библиографии» ужесточающее контроль за воспитательной функцией литературы [9, с. 181–184].

Установка ЦК партии была безапелляционная: воспитывать в народе «...непримиримость к врагам социализма и готовность пойти на жертвы, и готовность на то, чтобы дать смертельный удар любой буржуазной стране или любой буржуазной коалиции» [10, с. 628]⁶.

Вместе с тем А. А. Жданов, куривавший Управление Пропаганды и Агитации, в мае 1941 г. на совещании творческих работников кинематографии подчеркивал: движению к коммунизму мешает недостаток культуры, неумение эффективно хозяйствовать и беречь «государственное добро» [10, с. 629].

Итак, накануне войны для максимального повышения эффективности народного хозяйства страны в кратчайшие сроки были мобилизованы все доступные средства – от ужесточения законодательства и усиления партийного контроля до воспитательного и пропагандистского воздействия по всем каналам на общественное сознание.

Проблемы послевоенного становления: запрос на осмысление величия и трагедии войны

Являясь важной составляющей «сталинской» социально-экономической модели, культурная политика внесла значительный вклад

в Победу. О ее роли свидетельствует и то, что все военное лихолетье не прекращалась активная реорганизация «штаба» – Управления пропаганды и агитации. Сектора преобразовывались в отделы, в отделах формировались новые группы, учреждались новые отделы. В целом вектор изменений был направлен на усиление идеологического контроля.

Вместе с тем все-таки вызывает неподдельное удивление обращение руководителей страны к проблеме театральных кадров в декабре 1942 г. [14, с. 46]⁷. или решение вопросов связанных с восстановлением и развитием народных художественных промыслов в феврале 1943 г. [14, с. 47–55]⁸.

дожественных кинофильмов. 8 октября 1940 г.

⁶ Стенограмма выступления А. А. Жданова на совещании творческих работников кинематографии в ЦК ВКП(б). 15 мая 1941 г.

⁷ Постановление СНК от 3 декабря 1942 г. о подготовке театральных кадров.

⁸ Постановление СНК от 7 февраля 1943 г. о мероприятиях по восстановлению и развитию народных художественных промыслов в РСФСР.

Анализ делопроизводственной документации, отложившейся в фондах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с 1938 по 1948 гг. [1], наглядно демонстрирует сложности задач восстановительного периода и урон, нанесенный советским учреждениям культуры [1, д. 302, л. 23, л. 11]⁹. Несмотря на то, что решение проблем ограничивала скудость имеющихся ресурсов, был проведен комплекс мер для улучшения создавшегося положения [6, с. 90–93]¹⁰.

Оказалось гораздо сложнее, чем наладить производство кинопередвижек и фильмокопий [1, д. 214, л. 49–49 об] (кино – могучее средство мобилизации масс на помощь фронту) [1, д. 214, л. 29] и найти возможность обеспечить дома культуры и избы-читальни хотя бы минимальным количеством инвентаря (шахматами, музыкальными инструментами, красками и кисточками и т. п.) [1, д. 302, л. 40–70], ответить на «неудобные» вопросы.

Война меняла общество, меняла людей, прошедших через трагедию 1941 г. Было необходимо им объяснить, почему линия обороны проходила под Москвой, а в оккупации оказалось столько советских граждан? А как же – «малой кровью, могучим ударом»?

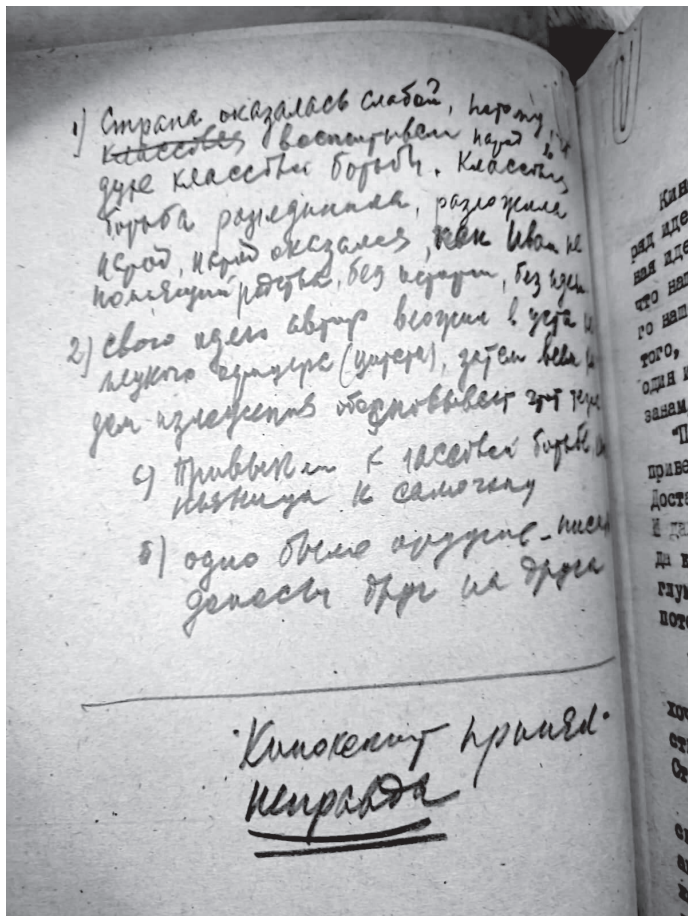
Проблема рефлексии деятелей культуры – «инженеров человеческих душ» была чутко «считана» Управлением пропаганды и агитации.

О трусости на фронте А. П. Довженко писал в повести «Победа»: «... Какие бежали люди! Какие бежали люди! Увлекаемые толпой жаждущие отсрочки у смерти, бежал переяславский капитан Суховий Кирилло с двумя орденами Красного Боевого Знамени. Бежал лейтенант Вовк Микита. Двести пятьдесят немецких, румынских, итальянских, венгерских, финских и прочих трупов зарублено и припечатано на боевом счету Вовка. Бежал. <...> Какие были люди! Всю Украину прошли с тягчайшими боями, с трудами, с гневом, с незабываемыми разлуками, профессора боев, засад и страшных нападений. Какие были люди! Бежали...» [2, с. 78].

⁹ «...Только на территории РСФСР, подвергшейся оккупации, погибло (без Московской и Ленинградской областей) по предварительным подсчетам по сети массовых библиотек 23,4 млн книг...».

«...Сельские культурно-просветительские учреждения – избы-читальни, библиотеки, колхозные клубы, районные дома культуры – работают плохо. Многие из них находятся в запущенном состоянии, не ремонтируются, не имеют газет, политической литературы, радио...» [1, д. 302, л. 23, л. 11].

¹⁰ См., например, Постановление СНК от 30 ноября 1944 г. о мероприятиях по улучшению работы изб-читален, сельских клубов и районных домов культуры РСФСР; Постановление СНК от 21 декабря 1944 г. №841 о мероприятиях по укреплению библиотек Наркомпроса РСФСР.

Правка А.С.Щербаковым доклада И.В.Сталина. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 293. Л. 40 об.

Критику чиновников [1, д. 293, л. 15], воспитания молодежи [1, д. 293, л. 11] и даже советской идеологии [1, д. 293, л. 13] увидел на страницах киноповести «Украина в огне» И.В.Сталин – Довженко был вызван в Кремль для беседы. В своем дневнике режиссер записал: «31 января 1944 года я был привезен в Кремль. Там меня разрубили на куски» [10, с. 704]. В фонде ЦК сохранился доклад И.В.Сталина с правкой (возможно по указанию лидера партии) А.С.Щербакова. Карандашом на обороте листа сформулирована суть претензий к Довженко: «1) Страна оказа-

лась слабой, потому что воспитывали народ в духе классовой борьбы. Классовая борьба разъединила, разложила народ, народ оказался, как Иван не помнящий родства, без [не разб.], без идеи. 2) Свою идею автор вложил в уста немецкого офицера (Цитера), затем всем ходом изложения обосновывает этот тезис: а) привыкли к классовой борьбе как пьяница к самогону б) одно было орудие – писали доносы друг на друга...» [1, д. 293, л. 40 об].

А. П. Довженко был не одинок – по мнению главных партийных идеологов недопустимым было и «отсиживаться в башне из слоновой кости», сосредоточившись на рефлексии своей чувственно-эмоциональной сферы (М. М. Зощенко), и писать о войне, выставляя напоказ то, о чем лучше умолчать (Н. Н. Асеев, И. Л. Сельвинский и др.).

Сложный и неожиданно откровенный разговор развернулся на IX пленуме Союза Советских писателей (ССП) СССР (5–9 февраля 1944 г.).

Люди, сидевшие в зале, прошли фронтовыми дорогами, участвовали в боях, пережили эвакуацию, ленинградскую блокаду. Выступавшие не только обсуждали проблемы советской литературы (ближайшие задачи, актуализацию критического анализа, помощь новым писателям и т. п.), но и рассказывали о собственном участии в кровопролитных действиях [1, д. 281, л. 169–181].

Только что избранный председателем СПП Н. С. Тихонов транслировал установку на героизацию трагедии и прославление подвигов [1, д. 279, л. 15–61]. Не менее важным был посыл о роли писателя в воспитательном процессе, о лежащей на них ответственности: «...с ним советуется народ, с ним говорит Правительство и Партия. Ему много дано, с него много и спрашивается» [1, д. 279, л. 15].

Осудил «отступников» А. А. Сурков, разделив писательский «цех» на три категории: «пишущие на войне и для войны, отписывающиеся на войне и молчащие на войне» [1, д. 280, л. 31].

Из 54 выступивших в прениях большая часть поддержала спускаемую «сверху» трактовку задач литературы в новых условиях: «...не отображать эту войну, не изображать ее, а осмыслить для себя и помочь воздействовать на жизнь активно, по боевому, так, как полагается художнику и государственному деятелю» [1, д. 280, л. 153].

Вряд ли все они были неискренни.

Представляется, что ключ к осознанию позиции современников дают слова М. С. Шагинян: «...кроме того, что мы писатели, мы еще и граждане, и граждане мы в очень большой степени...» [1, д. 281, л. 147].

Это значило для многих собравшихся в зале, выращенных уже в советской идеологии и разделяющей прививаемые ей ценности: «...мы служим этому государству, потому что мы служим будущему...» [1, д. 282, л. 38].

Расширяет смыслы, вкладываемые писателями в данный посыл, выступление О.Ф.Бергольц [1, д. 282, л. 49–56].

Она, живой символ ленинградской блокады, объясняла: «...мы наблюдали две бездны... бездну низости и бездну благородства...» [1, д. 282, л. 54]. Восстановление человеческих душ, строительство их – вклад, который должны внести писатели в достижение окончательной победы и в последующую за тем мирную жизнь. При этом «вещи необычайной человечности духа» необходимо взять на вооружение и «врачевать» ими сердца. Поэтому специфику современной словесности она определила как «...большевистская литература воинствующего добра» [1, д. 282, л. 56].

Наверняка были в зале и те, чья позиция определялась прагматичными и меркантильными соображениями. Сетования с трибуны на маленькую оплату труда писателя на периферии («...не может же в такое время человек жить на 800 рублей в месяц...» [1, д. 282, л. 44]) в сопоставлении с данными по средней зарплате рабочего в 1944 г. (375 руб.) [6, с. 158] дают основание для этого вывода.

Сформировавшиеся накануне войны механизмы культурной политики воздействовали на творческую интеллигенцию и моральными, и материальными стимулами. Но испытание, через которое прошел советский народ, перемолов судьбы и характеры, стало проверкой их эффективности.

Прошедшие через горнило трагедий люди не боялись отстаивать свое мнение. Выступление Суркова возмутило Л.Н.Сейфуллину, заявившую, что она не понимает, почему вредно писать о ранимости человеческой души, и почему сейчас это не своевременно [1, д. 281, л. 63].

Фронтвик С.И.Кирсанов не только обвинил ССП – не смог эффективно использовать каждого писателя («...Зощенко – не введенное в строй оружие...» [1, д. 281, л. 157]), но и настаивал на том, что нельзя навязывать общий шаблон «...писать только одним карандашом под копирку...» [1, д. 281, л. 162].

Вопреки ожиданиям не был подвергнут остракизму А.П.Довженко. Более того – его имя упоминалось с положительными коннотациями! [1, д. 282, л. 21] .

Неожиданно возник вопрос о национальной литературе, выявивший и здесь болезненные проблемы.

Во-первых, с обидой говорили представители узбекских, казахских и других республиканских писателей о неизвестности их произведений широким массам из-за отсутствия интереса к ним маститых мастеров, недостаточно часто (по их мнению) переводящих их на русский. Во-вторых, были недовольны недавно влившиеся в ССП прибалты. Их тревожили возможные гонения на оставшихся в оккупации коллег. Костас Корсак заявил: «...отказаться от них мы не намерены, если они не продали наш народ» [1, д.282, л.94]. Сетовал он и на проявленное невнимание Центра к идейному росту новых товарищей – людей «молодой советской литературы» [1, д.282, л.96].

Д.А.Поликарпов (выбранный на Пленуме секретарем правления ССП) в докладной записке на имя Г.М.Маленкова констатировал: «воспитательной» критики развернуть не удалось, больше того – украинские писатели и сами выступали «в духе ошибок Довженко» [1, д.283, л.2].

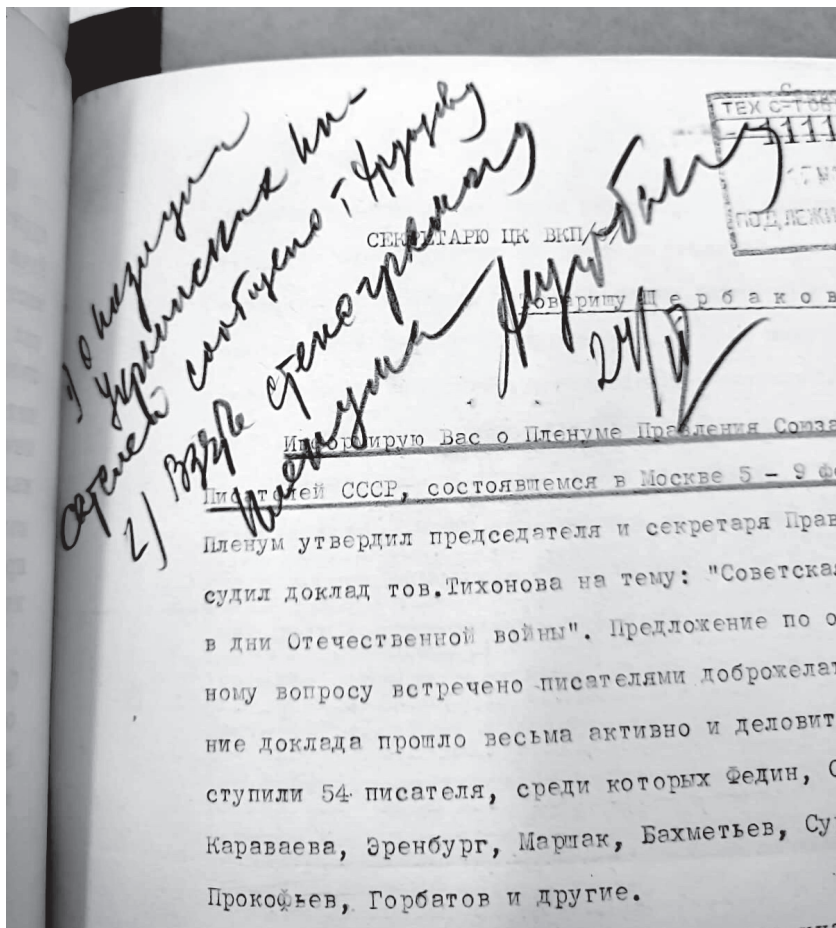
А.С.Щербаков 24 февраля наложил резолюцию на этот документ: «1) о позиции украинских писателей сообщено т. Хрущеву. 2) Взять стенограммы пленума» [1, д.283, л.6].

Пленум ССП «высветил» перед Управлением пропаганды и агитации глубину проблем, которые были опасны. Окончание Второй мировой совпало с появлением разрушительного оружия войн будущего, создав базу для развертывания блокового противостояния. В «осажденной крепости», как воспринимался СССР лидерами партии и государства, требовалось в кратчайший срок восстанавливать народное хозяйство и крепить оборону Родины. Соответственно, творческой интеллигенции предстояло мобилизовать на труд и внушить веру в коммунизм широким массам. Это означало, что «разброд и шатания» в их рядах по-прежнему не имели право на существование.

Решение выявленной проблемы потребовало от ЦК ВКП(б) комплекса мер.

В их числе – «показательная порка», эффективно обеспеченная механизмами культурной политики [5, с.591–596].

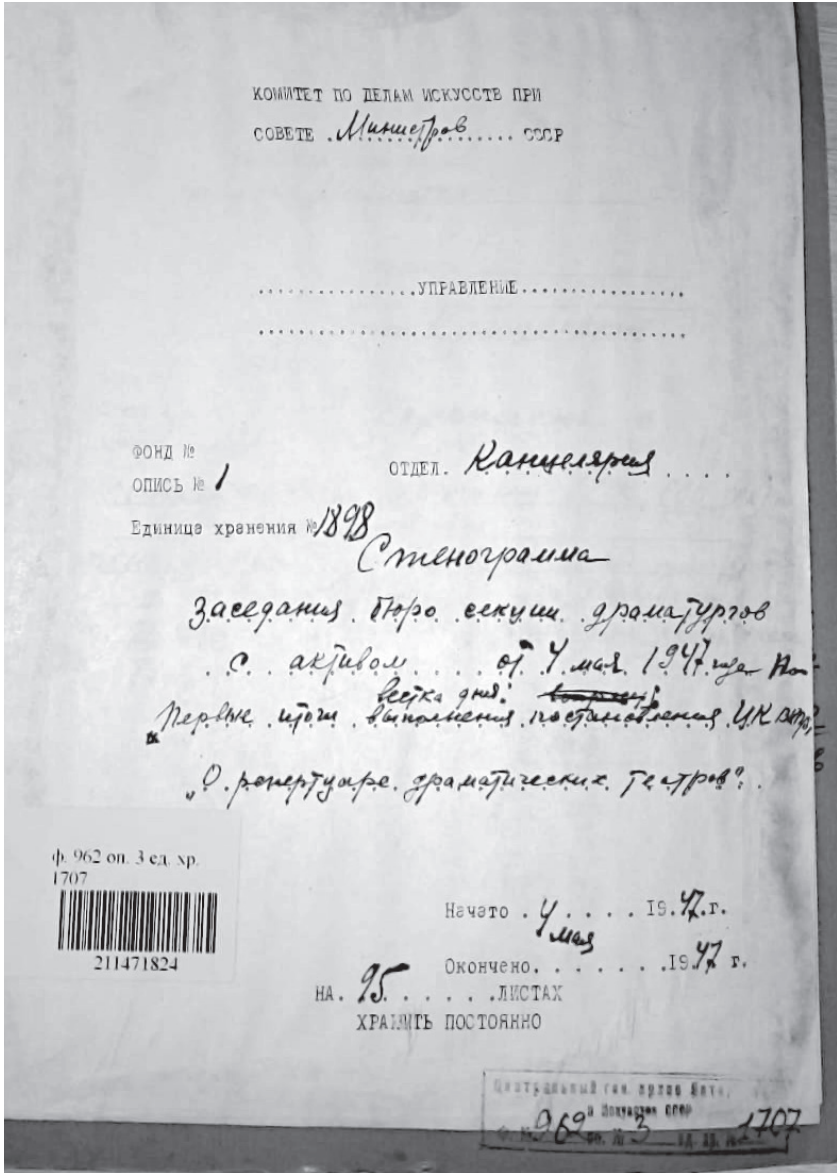
Спайка идеологии, культуры и агитации требовала от ВКП(б) расставить «огни на холмах» – указать путь в коммунизм. «Фронтников» необходимо было увлечь высокой целью, получив, таким образом, от них «индულгенцию» за все просчеты и лишения. Поэтому стратегию прорыва к обществу справедливости требовалось сформулировать предельно конкретно, а победный финал должен был быть достижимым в масштабах жизни одного поколения.

Резолюция Щербакова. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.283. Л.9

Прерванная войной работа над проектом третьей программы партии была продолжена уже в 1947 г. [22, с. 591–596]. Анализ источников позволяет утверждать, что в планах большевиков культура оставалась важной составляющей стратегии рывка «через тернии к звездам» [21].

О перипетиях развернувшегося после войны «мозгового штурма» повествуют документы, включенные в первую книгу публикаторского проекта РГАСПИ по позднему сталинизму. Можно предположить, что не найденный в его итоге ответ на ключевые вопросы современ-

Обложка дела со Стенограммой заседания бюро секции драматургов с активом от 4 мая 1947 г. по поводу итогов реализации постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров». РГАЛИ. Ф.962. Оп.3. Д.1707

ников и неспособность сменившейся на властном Олимпе команды возглавить этот поиск, стало одним из факторов, обусловивших дезинтеграцию СССР [7].

Таким образом, остается только добавить, что благодаря документам и материалам, характеризующим особенности механизмов культурной политики, думающий читатель получает возможность вычленить совокупность ключевых черт «сталинской» догоняющей модернизации. Попытка воплотить утопию в реальность создала амальгаму идеологии, агитации и культуры, сделав ее важнейшей составляющей стратегии «рывка». Механизмы культурной политики были направлены как на решение задачи воспитания «нового» человека, так и на повышение всей эффективности социально-экономической модели. Не учитывая данный феномен, невозможно понять причины как успеха, так и последовавшего затем провала советского «проекта».

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125.
2. «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932–1946 гг. М.:... 1994. 272 с.
3. USSR in the post-war years: The struggle for economic independence (1945–1953) / Lazareva L., Zhuravlev V., Maslov D., Sukhanova N., Naumov O. // E3S Web of Conferences: 8, Rostov-on-Don, 19–30 августа 2020 года. – Rostov-on-Don, 2020. P. 16015.
4. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1939.
5. Власть и художественная интеллигенция: Док. ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост.: А. Артизов и О. Наумов. М.: Демократия, 1999. 868 с.
6. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
7. Зигзаги и тупики российской модернизации (конец XIX – начало XXI вв.): коллективная монография в честь 85-летия доктора исторических наук, профессора, лауреата Гос. премии РФ в области науки и техники Валерия Васильевича Журавлева / отв. ред. Д. В. Маслов, Л. Н. Лазарева. М.: Изд-во «БукЭксперт», 2023. 384 с.

8. Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М.: РОССПЭН, 2004. 312 с. Эл. ресурс. Режим доступа: [<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/34263-instituty-upravleniya-kulturoy-v-period-stanovleniya-1917-1930-e-gg-partiynoe-rukovodstvo-gosudarstvennye-organy-upravleniya-shemy#mode/inspect/page/8/zoom/7>]. Дата обращения: 17.11.2023.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). М.: Политиздат, 1985. Т. 7. С. 181–184. Эл. ресурс. Режим доступа: [https://nlr.ru/history/history/fil/27_08.pdf]. Дата обращения: 1.12.2023.
10. Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М.: РОССПЭН, 2005. 1120 с.
11. Культура в нормативных актах Советской власти: [сборник] / М-во культуры Российской Федерации; [сост., введ. К.Е.Рыбак]. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», Дополнительный т.: 1917–1960. – 2012. – 631 с.
12. Культура в нормативных актах Советской власти: 1917–1922. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2009. 384 с.
13. Культура в нормативных актах Советской власти. 1930–1937. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2009. 384 с.
14. Культура в нормативных актах Советской власти. 1938–1960. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2011. 592 с.
15. Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н.Ельцина, 2017. 741 с.
16. Культура, наука и образование, октябрь 1917–1920 г.: протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: в 3 кн. / отв. сост. Б.Ф.Додонов. М.: РОССПЭН, 2012. Кн. 2: Январь – декабрь 1919 г. Кн. 2. 2016. 1039 с.
17. Лазарева Л.Н. Сталинская модель социально-экономического развития страны и попытки ее преодоления: 1947–1965 гг.: диссертация ... доктора исторических наук. – Мытищи, 2021. Эл. ресурс. Режим доступа: [<https://avtoref.mgou.ru/new/d72.2.020.02/Lazareva/diss.pdf>]. Дата обращения: 18.11.2023.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45: март 1922–март 1923. М.: Политиздат, 1964. 729 с.
19. Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР. Коллективная монография / под ред. Е.Б.Дудниковой, Н.В.Шалаевой. Саратов: Изд-во ООО «ЦеСА-ин», 2023. 292 с.
20. Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны. Материалы XIII Международной научной конференции. Сер. «История сталинизма. Дебаты» / отв. ред. А.К.Сорокин. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н.Ельцина, 2021. 685 с.

21. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

22. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

23. Харченко Л.Н. Агитпропы как инструмент формирования идеологии советского государства (1920–1930-е гг.) / Манускрипт. Грамота. 2020. Т. 13. Вып. 4. Эл. ресурс. Режим доступа: [<http://www.gramota.net/materials/9/2020/4/6.html>]. Дата обращения 18.11. 2023.

Дарья Булдакова

**ДЕКАБРИСТЫ
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕННОМ
СОЗНАНИИ 2000-х гг.***

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(470)

Статья посвящена анализу восприятия декабристов в России 2000-х гг.: в публикациях СМИ, выступлениях политиков и общественных деятелей. Описываются прошедшие в этот период мероприятия и торжества, связанные с декабристами. Отмечается, кто из политиков и общественных деятелей ассоциировал себя с декабристами и в связи с чем такие ассоциации проводились. Делается вывод, что к началу 2010-х гг. уже появились предпосылки для формирования новой идеологии, согласно которой понятие «декабрист» приобретает негативную окраску.

The article analyzes the perception of the Decembrists in Russia in the 2000s: in media publications, speeches of politicians and public figures. It describes the events and celebrations associated with the Decembrists that took place during this period. It is noted which politicians and public figures associated themselves with the Decembrists and in connection with what such associations were made. It is concluded that by the early 2010s the preconditions for the formation of a new ideology had already appeared, according to which the notion of "Decembrist" acquires a negative coloring.

Ключевые слова: декабристы; Россия 2000-х гг.; идеология; оппозиция; власть

Key words: Decembrist,; Russia in the 2000s; ideology; opposition; authorities

E-mail: darinbouldakova@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Медиапублицистика в историко-политическом и культурологическом контексте» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

На стыке тысячелетий. Смена идеологической парадигмы

За почти сто лет, прошедших с момента празднования столетнего юбилея восстания на Сенатской площади, научные представления

об этом событии были значительно скорректированы. Вслед за ученицей М.Н.Покровского М.В.Нечкиной свои научные и научно-популярные работы представили Н.Я.Эйдельман, Ю.М.Лотман, Я.А.Гордин, В.М.Боква, О.И.Киянская и ряд других исследователей [см., напр.: 4; 7; 10; 12; 18; 19]. Эти работы основаны, в частности, на материалах до сих пор продолжающегося издания «Восстание декабристов. Документы и материалы», а также на разнообразных архивных материалах. Авторы статей в газетах и публикаций в блогах, рассуждающие на тему декабристов и не имеющие инструкций свыше, вынуждены учитывать достижения историков.

Тем не менее политическая ситуация изменилась. Постепенно ушла в прошлое советская идеология, в 1991 г. распался СССР, и в обязательном порядке следовать в рассуждениях о декабристах концепции Ленина о «трех этапах освободительного движения» [11, с.261] стало ненужным. Постсоветская Россия начала развиваться по либеральному, западному пути. Изменилась – по сравнению с советской – и ситуация в СМИ: была запрещена политическая цензура, государство перестало быть единственным владельцем изданий.

На рубеже 2000-х гг. началось бурное развитие глобальной сети Интернет. У средств массовой информации стали появляться интернет-версии, начался процесс конвергенции, что повлияло на динамику развития прессы [см., напр.: 3, с. 198]. Появились «новые медиа»: социальные сети и блоги, пользователи сетей и блогеры в гораздо меньшей степени зависят от власти, чем официальные СМИ.

Отношение общества и прессы к феномену декабризма тоже изменилось: «В конце 1990-х–начале 2000-х гг. произошло возрождение и утверждение либеральной трактовки декабризма. Концепция декабристской конспирации как дворянского оппозиционного движения 1810-х – первой половины 1820-х гг., организационно оформленного в европейскую модель тайного политического общества и заключенного в рамки дворянского либерализма (при безусловном признании наличия в нем политического радикализма), стала доминирующей» [2, с. 12]. Иными словами, востребованной оказалась концепция А.Н.Пыпина о декабристах-«либералах».

Возвращение популярности декабристов

В 2000 г. в честь 175-летия событий на Сенатской площади государственные торжества пусть и скромно, но проводились: в Санкт-

Петербурге состоялось возложение цветов на месте восстания. Вместе с потомками декабристов в этой акции участвовали и «представители администрации города». С торжественным обращением по поводу юбилея выступил тогдашний губернатор Санкт-Петербурга В. А. Яковлев [13]. Кроме того, на месте казни декабристов состоялся военный парад¹.

Тогда же, 14–16 декабря 2000 г., в Аничковом дворце прошла большая трехдневная научная конференция под названием «Истоки и судьбы российского либерализма». По итогам конференции был выпущен сборник «Империя и либералы», в который вошли как научные доклады, прочитанные на конференции, так и разного рода публицистические выступления [9]. Лейтмотив большинства статей этого сборника выразил американский историк Р.Пайпс: «Последние 70 или 80 лет Россия шла особым, собственным путем, в отличие не только от Запада, но и от остального мира <...> Мне кажется, что сегодня выбор для России только один – это Запад. Запад не в географическом, но в культурном смысле этого слова» [9, с.265].

Хорошо известная советским историкам мысль, что декабристы были революционерами и, по их же собственным словам, хотели произвести «военную революцию», ушла на второй план – на первый же вышли их либеральные настроения. «Декабристы не победили не потому, что не могли победить. Они не хотели военной победы, не хотели победы мятежа <...> мне кажется, 14 декабря нельзя назвать восстанием в полном смысле этого слова. Это была демонстрация», – утверждал режиссер В. Я. Мотыль, снявший культовый советский фильм «Звезда пленительного счастья» (1975) [9, с.285]. Согласно Мотылю, на Сенатской площади декабристы ждали, что император подпишет конституцию.

В меньшинстве остался на этой конференции историк Я. А. Гордин, предлагавший не отделять в российской истории «либерализм» от «имперскости», увидевший в планах декабристов, в том числе и по национальному вопросу, важнейшую имперскую составляющую. «Надо трезво осознавать: если мы будем придавать термину "имперский" безусловно негативный смысл, то нам придется существенно изменить наше отношение ко многим составляющим нашей истории, которыми мы привыкли гордиться» [9, с.26].

¹ Сообщено О. И. Киянской.

Таким образом, к декабристам в начале 2000-х гг. вернулась популярность. В 2000 г. В.В.Путин, только избранный Президентом России, посетил Музей декабристов в Иркутске, чтобы встретиться там с интеллигенцией. Историк и публицист С.Е.Эрлих по этому поводу утверждает: «Считать, что сам Владимир Владимирович испытывает к декабристам принципиальную неприязнь, было бы грубым искажением фактов. Человек, прошедший идеологическую обработку советской школой, видит в дворянских революционерах благородных героев русской истории» [21, с.7].

Посещение Путиным декабристских мест имело определенные публицистические последствия: «музеи, посвященные их персонам (декабристам. – Д.Б.), вновь оказались в государственном фаворе после перестроечной неопределенности. Они стали активно посещаться чиновниками высшего ранга, оставлявшими восторженные записи в книгах отзывов. На бюджетные деньги, как и в советские времена, снова начали проводить всевозможные "декабристские вечера", издавать книги, возводить памятники» [21, с.8].

Декабристский имидж оппозиционеров

Декабристы завоевывали все большую популярность и в сознании постсоветских политических деятелей, так или иначе определявших свое несогласие с властью. «Созданный Герценом миф о декабристах нацелен на свержение неподотчетной обществу "самодержавной" власти. В самые свободные времена нашей истории шансы на смену режима законными средствами оставались призрачными. Поэтому герои 14 декабря редко исчезали с авансцены памяти» [22, с.40], – утверждает Эрлих.

Декабристами называли, например, членов национал-большевистской партии² Э.В.Лимонова, которые 14 декабря 2004 г. захватили приемную администрации Президента РФ на Ильинке [см., напр.: 1]. «Нацболов обвинили в умышленном уничтожении имущества в крупном размере, вандализме и действиях, направленных на насильственный захват власти, их приговорили к различным срокам лишения свободы. Сторонники же находящегося под арестом хулиганов провели акцию под названием "Свободу декабристам!"» [6].

Декабристом пресса называла и, например, С.И.Андреева, избранного в марте 2012 г. мэром города Тольятти от оппозиционной партии

²Признана на территории РФ экстремистской организацией и запрещена.

«Декабрь» вопреки стараниям «Единой России» не допустить этого избрания [см., напр.: 8].

Соотносил себя с декабристами и М.Б.Ходорковский³. «Примечательно, что когда Михаил Ходорковский понял – тюрьмы не миновать, он тоже придумал себе декабристский имидж. В своем последнем слове на суде Михаил Борисович трогательно назвал жену "декабристкой", поблагодарив ее за верность. Когда он оказался в Чите, то не преминул в первом послании на волю сообщить, что "находится в краю декабристов"» [23].

По словам же публициста Е.С.Холмогорова, журналистка и блогер К.А.Собчак, участвовавшая в оппозиционных протестах на Болотной площади 2011–2013 гг., лично заявила ему: «Мы как декабристы». «Мол, власть Владимира Путина превратилась в покрытое паутиной самодержавие, а мы, младое незнакомое племя, несем на своих хипстерских очках блики свободы», – комментировал признание Собчак Холмогоров. Про уже упомянутого выше Ходорковского Холмогоров сообщил, что тот, «как и все революционеры последних моделей, явно не готов отвечать за свой призыв (к революции. – Д.Б.) головой» [16].

Православно-монархические трактовки

Представление о декабристах только как о либералах, вышедших на демонстрацию с требованием конституции и ставших родоначальниками

безусловно положительной традиции борьбы с властью, развивалось параллельно с негативным осмыслением этого события. Негативные оценки декабристов исходили в основном из патриотически настроенного лагеря православных монархистов, к которому можно отнести и скептически отнесшегося к ассоциации «оппозиционер = декабрист» Холмогорова.

Главное обвинение, которое предъявили православные монархисты декабристам, – это планы цареубийства, которое «<...> не в один день произошло, и не в период правления Государя Николая Александровича началось. Уже в программе декабристов обязательным пунктом было уничтожение Царского рода» [17].

Апогей православно-монархических трактовок движения декабристов – публицистическая книга политика-«государственника» Н.В.Старикова «Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов» [14]; книга восходит к высказываниям графини С.Д.Толь,

³Признан на территории РФ иностранным агентом.

проводившей прямую связь между декабристами и масонами, а также продвигавшей идею о заграничной режиссуре деятельности российских оппозиционеров [15]. Стариков цитирует строки «Манифеста к русскому народу», подготовленному декабристами на случай удачного восстания, о роспуске постоянной армии и комментирует их следующим образом:

«В своем ли уме господа офицеры? Они действительно считают, что их Родине больше не нужна армия? После 15-летней войны с наполеоновской Францией?! В условиях, когда Россия ведет непрекращающуюся борьбу с соседями за место под солнцем?! Неужели декабристы искренне верили, что начиная с 1825 г. на нас никто никогда не нападет?

Не будем задавать пустых вопросов. Уничтожение русской армии необходимо тому, кто готовится схватиться с Российской империей в смертельной борьбе. То есть нашим геополитическим соперникам! Богатая территорией и ресурсами страна без армии – лакомый кусочек...»

Сходное мнение у Старикова и о самом выступлении на Сенатской площади: «<...> приказ о выступлении им дает некий таинственный диктатор! Кто это – не знает до сих пор никто. <...> Кому нужно рискнуть державой ради так и не сформулированных целей? Тому, кому эта держава мешает. Корни иррациональных и странных поступков декабристов уходят за границу русского государства».

«Видимо, осознав, кому (курсив Н.В.Старикова. – Д.Б.) все это нужно», «не пришел к своим коллегам» на площадь князь Трубецкой. «И тем самым стал достойным персонажем для книги рекордов Гиннеса. Где <...> еще видели главу мятежа, который на этот мятеж не явился?» (курсив Н.В.Старикова. – Д.Б.)» [14, с.167, 169–160] .

Проанализировавший этот дискурс С.Е.Эрлих утверждал в 2011 г., что «никалаевский самодержавный миф терпит сокрушительное поражение в символическом боевом столкновении с драконом либерального Запада. Николаевскому мифу нечего противопоставить самопожертвованию декабристов» [20, с. 167]. Тем не менее все предпосылки к формированию новой идеологии уже были.

Заключение

После того, как с декабристами стали публично ассоциировать себя многие из представителей оппозиции, власть, по сути, оказалась перед выбором: присвоить декабристский имидж себе либо же дискредитировать его. Сложно сказать, было ли решено второе, поскольку

впоследствии на государственном уровне ничего нового о декабристах сказано не было. Однако никто из представителей власти или провластных общественных деятелей не проводил публичных аналогий с декабристами в отношении себя.

В средствах массовой информации 2015–2020 гг., как и в середине 1920-х гг., авторы статей, в которых так или иначе затрагивалась тема движения декабристов, формулировали «идеологический заказ» в силу собственного понимания политического момента [см., напр.: 5]. В связи с этим трактовки разные, однако ни в одной из них не проводится параллель «нынешняя власть = декабристы». Под декабристами продолжает пониматься оппозиция – это можно заметить, анализируя полемику о посвященной восстанию декабристов киноленте А.Кравчука «Союз спасения» (2019 г. – фильм, 2022 г. – сериал). Вопрос лишь в том, как к оппозиции относиться.

Библиографический список

1. «Декабристам» дали срок // Коммерсант. 18.12.2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2296252?ysclid=lr0iq1mc59824987669> (дата обращения – 15.05.2020).
2. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. Автореф. на... докт.ист. наук. СПб.: 2010. 52 с.
3. Баранова Е.А. Трансформация института СМИ в условиях медиаконвергенции // Коммуникология. Международный научный журнал. 2016. Т.4, №3. С. 188–203.
4. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
5. Булдакова Д.И. 190-летие восстания декабристов в российских СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. №1 (47). С. 99–106.
6. Буранов И. Хохлов О. Лимоновцы пытаются освободить декабристов // Коммерсант. 29.08.2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/604335?ysclid=lr0iqf59ay801502335> (дата обращения – 15.05.2020).
7. Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. События и люди 14 декабря. Л.: Лениздат, 1989. 395 с.
8. Гуторова М., Башлыкова Н. Восседание декабриста // Коммерсант-Волга. 20.03.2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1896791> (дата обращения – 15.05.2020).
9. Империя и либералы: По мат-лам междунар. конф. «Истоки и судьбы рос. либерализма». СПб.: ж. «Звезда», 2001.
10. Киянская О.И. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.

11. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1968. Т.21. С.255–262.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб., 1994. 399 с.
13. Скальский А. Торжества, посвященные 175-летию восстания декабристов, проходят в Петербурге // VABR24.COM. 14.12.2000.
URL: <https://babr24.com/?IDE=55887&ysclid=lr0liq501v773235268> (дата обращения – 15.05.2020).
14. Стариков Н.В. Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2010. 285 с.
15. Толь С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов // Толь С.Д. Ночные братья. Масонское действо. М.: Москва, 2000. 184 с.
16. Холмогоров Е.С. О мнимом праве лгать ради революции // Известия. 13.12.2015.
URL: <https://iz.ru/news/599245> (дата обращения – 10.05.2022).
17. Шаргунов А.И. Убийство Помазанника Божия // Русский Дом. 16.09.2008.
URL: <https://pravoslavie.ru/36861.html?ysclid=lr0jrmulyy452761287> (дата обращения – 23.08.2023).
18. Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 365 с.
19. Эйдельман Н.Я. Обреченный отряд. Повести. М.: Советский писатель, 1987. 512 с.
20. Эрлих С.Е. «Держащим противу их на бунт и измену, анафема». Мифологема «декабристы» в публицистике православных монархистов XXI века // Россия XXI. 2011. №6. С. 140–169.
21. Эрлих С.Е. «Еще они любили юбилей декабристов...» Путин о дворянских революционерах // Несториана [Электронный ресурс]. 21 с.
URL: https://nestoriana.files.wordpress.com/2013/07/sergei-erlih-dekabristi_i_putin.pdf (дата обращения – 03.05.2019).
22. Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М.: Нестор-История, 2016. 552 с.
23. Эрлих С.Е. Общее прошлое: почему нынешняя власть не любит декабристов // РБК. 14.12.2015.
URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/14/12/2015/566ed1369a7947124de90f49> (дата обращения – 02.05.2019).

Любовь к родине – первое
достоинство цивилизованного
человека.

Наполеон Бонапарт

Это был прекрасный дом
со всеми современными
неудобствами.

Марк Твен

Без подлинной любви
к человечеству нет
подлинной любви к родине.

Анатоль Франс

Все, что мне нужно, – это
комната, где можно положить
шляпу и нескольких друзей.

Дороти Паркер

Сергей Козлов

**«НА ПОЛЬЗУ ВСЕГО
НАШЕГО ОБШИРНОГО
ОТЕЧЕСТВА...»:**

**ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
КЛИНГЕН (1851–1922)**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
94(47).083

Рассматривается хозяйственно-просветительская деятельность и научные взгляды выдающегося аграрника конца XIX – начала XX в. И.Н.Клингена. В статье отмечается значительный вклад И.Н.Клингена в синтез передовой аграрной науки и сельскохозяйственной практики в России, а также в развитие сельскохозяйственного образования и отечественной агрономии в целом.

The economic and educational activities and scientific views of the outstanding agrarian of the late XIX – early XX century I.N.Klingen are considered. The article notes the significant contribution of I.N.Klingen to the synthesis of advanced agricultural science and agricultural practice in Russia, as well as to the development of agricultural education and domestic agronomy in general.

Ключевые слова: аграрная рационализация; просвещение; И.Н.Клинген.

Key words: agrarian rationalization; enlightenment; I.N.Klingen.

E-mail: sa-kozlov@yandex.ru

Отдельные вопросы, касающиеся деятельности выдающегося российского агронома-новатора, исследователя-аграрника, интродуктора-ботаника (ведущего специалиста по субтропическим культурам в начале XX в.), пчеловода и организатора сельскохозяйственного производства И.Н.Клингена, ранее уже нашли отражение в отечественной историографии [6; 7; 20; 26; 24; и др.], однако, специально посвященных ему работ (причем, в основном, кратких биографических очерков) имеется крайне мало [23; 9; 19; и др.]. Поэтому необходимо попытаться обобщить хотя бы некоторую часть из огромного массива историко-документального материала, относящегося к масштабной многолетней творческой жизни этой самобытной пассионарной личности.

Дворянский род Клингенов

Иван Николаевич Клинген родился 6 (18) июня 1851 г. в деревне Стрикино (сельце Прилепы) Белевского у. Тульской губ. (в настоящее время

Арсеньевского района Тульской области) в семье, принадлежащей к потомкам старинного дворянского рода баронов фон Клингенов (Freiherrn von Klingen), выходцев из Тургау (в настоящее время немецкоязычного кантона Швейцарии). Документально род зафиксирован в швейцарских источниках XII–XV вв.; возможно, он имеет более древнее происхождение.

Точная генеалогия этой знатной семьи затруднена по причине отсутствия достоверных письменных источников. Среди известных в средневековой Европе фон Клингенов отметим, в частности, поэта-миннезингера Вальтера фон Клингена (1215–1286), входившего в окружение императора Священной Римской империи Рудольфа I фон Габсбурга [см.: 30].

Постепенно обширные, но разрозненные родовые владения Клингенов расширились и располагались уже в различных странах Западной Европы. Сохранили они свои позиции и в Швейцарии, где, в частности, основали город Клингнау. В 1445 г. значительная часть наследства Клингенов отошла графам фон Фюрстенберг.

Клингены в России

В России фон Клингены появились, вероятно, не ранее второй половины XVIII в. Наиболее изучена история представителей этой семьи, обосновавшихся уже в начале XIX столетия во Владимирской губ. (имен-

но к ней и принадлежал И.Н.Клингген). Судя по всему, к этому времени они утратили свои прежние богатства (равно как и относительную зажиточность) и слыли небогатыми дворянами. Источники называют Густава Ивановича фон Клинггена, врача Вязниковского у., в котором он приобрел небольшое имение в дер. Демаково [29] (позже, в 1960-х гг. признанной «неперспективной» и de facto заброшенной). Официально в начале XIX в. он занимал должности ковровского городского и уездного штаб-лекаря (оказывая – как единственный врач! – медицинскую помощь жителям обширной ковровской округи) и именовался уже как Евстафий Иванович (имя, вероятно, полученное им при принятии православия). Местным штаб-лекарем Г.И.Клингген оставался до первой половины 1810-х гг., а затем перебрался на службу и жительство в соседний уезд – в Шую, где проработал более 30 лет. Клингген лечил почти весь город и уезд, причем его услугами пользовались представители всех сословий, включая помещиков, крестьян и дворовых людей. В Демаково Клинггены по-прежнему владели небольшой усадьбой с одноэтажным деревянным господским домиком и различными хозяйственными постройками, при которой в 1850 г. состояло «четыре человека прислуги из числа крепостных дворовых людей»; кроме того, в той же деревне помещикам Клинггенам принадлежало 18 душ мужского пола и 243 души женского пола из числа крепостных крестьян [29]. В 1850-х гг. имение перешло детям Г.И.Клинггена – Павлу и Николаю. Павел, занимавший должность во Владимирском управлении государственных имуществ, а затем являвшийся артиллерийским чиновником Отдельного склада орудий и снарядов в Калуге, женат не был и потомства не оставил. Его младший брат Николай (капитан-артиллерист) женился на Александре Ивановне Денкоглу из дворян Белевского у. Тульской губ., приобрел там имение и окончательно переселился в Тульскую губ. в 1846 г. Об отце И.Н.Клинггена – Николае Густавовиче Клинггене в современной краеведческой литературе сообщается весьма интересная информация: «Он одним из первых помещиков начал обучение грамоте крестьянских детей, сначала а своем доме, а в 1862 г. построил кирпичное здание школы в своей деревне Стрикино и содержал школу и учителя за свой счет. Радел за образование в вверенном ему округе Белевского уезда, благодаря его стараниям школы для крестьянских детей были открыты даже в самых маленьких деревнях уезда. Большое количество звезд российской и мировой величины, рожденных и выросших на нашей арсеньевской земле, есть его заслуга! Частым гостем в доме Клинггена в Прилепах был писатель Иван Сергеевич Тургенев. Он увековечил

в одном из своих произведений родник "Малиновая вода", находящийся в имении Клингенов. В их доме Тургенев познакомился и с "болгарским вопросом". Роман "Накануне" родился под влиянием (а может и по заказу) этого знакомства. Ведь дедом по матери, Александре Ивановне, Ивана Николаевича Клингена был болгарин, купец и меценат болгарского образования, ярый сторонник болгарского освобождения от турецкого ига – Иван Николаевич Денкоглу. В 1858–1859 гг. Тургенев, проживая в своей усадьбе в Спасском-Лутовинове, мог навещать Клингенов. Летом 1858 г. Александра Ивановна Денкоглу умерла в возрасте 29 лет от чахотки, оставив безутешного мужа и шестерых малолетних детей. Меценат Денкоглу умер в Москве в 1861 г. Две трети своего состояния он завещал для образования в Болгарии. Памятник ему стоит на его родине, близ города Софии, его именем названы улицы и школы» [1].

И.Н.Клиngen. Фотография 1880 г.

**Иван Клиngen:
у истоков аграрных
начинаний**

В 1852 г. у Николая и Александры Клиngen родился сын Иван – самый известный представитель своего семейства и герой нашего повествования. Он был крещен в Троицкой церкви с. Комарева, в 1869 г. окончил

4-ю московскую гимназию, в 1872 г. – естественный факультет Московского университета, а в 1876 г. – Петровскую земледельческую и лесную академию, в которой был одним из любимых учеников выдающегося ученого А.М.Бутлерова, создателя химии полимеров и первой научной школы русских химиков. От него же Иван «перенял» и многолетнюю любовь к пчеловодству [см. также: 4; 5].

Кроме того, академик А.М.Бутлеров живо интересовался чайным делом. Он написал статью «О культуре чайного растения в Закавказье» (1885); на своем земельном участке между Сухумом и Новым Афоном успешно выращивал чай. Позже, как мы вскоре убедимся, эту творческую «эстафету» в развитии отечественного чаеводства продолжит и И.Н.Клинген. Отметим, что в Петровской земледельческой и лесной академии его наставниками были и другие выдающиеся ученые-аграрники: К.А.Тимирязев, И.А.Стебут, А.П.Людоговский, Р.И.Шредер и М.К.Турский.

В 1878 г. И.Н.Клинген защитил кандидатскую диссертацию по сельскохозяйственной тематике – «Описание Волчанского уезда Харьковской губернии в естественно-исторических и сельскохозяйственных отношениях» (отдельное издание: Харьков, 1882).

**И.Н.Клинген:
синтез аграрной
теории и практики**

В дальнейшем И.Н.Клинген вплоть до 1892 г. работал управляющим в крупных частновладельческих хозяйствах (в т.ч. в харьковском имении В.А.Скалона «Белый Колодезь» в 1885–1886 гг., где он «заведовал» опытным полем, метеорологической станцией, большим количеством крупного рогатого скота и лошадей; овцеводом, где разводили тонкорунных овец; кирпичным заводом, паровой мельницей и сахарным заводом) в Харьковской и Воронежской губерниях и Юго-Западном крае. В имении «Белый Колодезь» он также знакомится со своей будущей супругой Е.П.Осинской (дочерью агронома имения П.С.Осинского).

Характерной чертой практической работы И.Н.Клингена было то, что он с первых же шагов своей деятельности умело сочетал задачи сельского хозяйства с широко поставленными опытно-научными исследованиями.

Молодой и энергичный управляющий (с первых же лет своей агрономической работы занимавшийся вопросами комплексного воздействия природно-климатических факторов на сельское хозяйство [16; 10; и др.]) уделял большое внимание агротехнике, семеноводству и селекции сахар-

ной свеклы. И.Н.Клингген быстро приобрел широкую общероссийскую известность как талантливый агроном-организатор и специалист-свекловод. Он также подробно изучал вопросы развития сельского хозяйства в Закавказье (в т. ч. возделывание культуры чая в западной части региона), стал инициатором организации образцовых субтропических хозяйств, активно участвовал в работе местных сельскохозяйственных обществ (в частности, с конца 1880-х гг. являлся действительным членом Воронежского отделения ИМОСХ).

Обращает на себя особое внимание работа Клинггена в должности главного управляющего имением принцессы Ольденбургской в поселке Рамонь Воронежской губ. Кратко остановимся на истории этого хозяйства. В 1879 г. Рамонское имение становится собственностью царского двора. Император Александр II в июле 1879 г. подарил его своей племяннице принцессе Евгении Максимиляновне Ольденбургской (1845–1925), которая, кроме строительства собственного дворца, создала в Рамони развитую хозяйственную инфраструктуру. Она активно включилась в общественную жизнь губернии и фактически возглавила губернское благотворительное общество; под ее патронажем находилось множество художественных, медицинских и образовательных обществ в Воронеже: община сестер милосердия, Маринская женская гимназия и Николаевская мужская прогимназия, кружок любителей рисования.

В 1880 г. начинается перестройка и реконструкция Рамонского сахарного завода: на месте старого кирпичного заводского помещения строятся новые кирпичные корпуса с высокой трубой, башнями и стеклянным фонарем на крыше; начинается перевод завода на диффузную систему (когда путем извлечения сахарозы получается т. н. диффузионный сок с чистотой ниже чистоты клеточного сока сахарной свеклы), а также машинную технику с применением пара. В течение следующих 10 лет завод переоборудовался много раз. В следующем году принцессой Е.М.Ольденбургской в имении была открыта начальная школа с трехгодичным сроком обучения, одним учителем и 30 учащимися. Первым и единственным учителем был Ф.Г.Морейский, проработавший в школе 20 лет.

С 1889 г. в имении работал П.И.Клингген. Он с успехом справлялся с многочисленными трудностями, прежде всего, связанными с рациональной перестройкой хозяйственной жизни имения, переходом от экстенсивных методов к интенсивным (более прибыльным). В 1891 г. дополнительно к сахаро-песочному производству в имении открыт ра-

финадный цех, который вырабатывал сахарные «головы» конусообразной формы.

С помощью И. Н. Клингена принц П. А. Ольденбургский (1868–1924) организовал работу опытного поля, которое в 1902 г. вошло в состав опытных полей Всероссийского общества сахарозаводчиков.

Большое внимание уделялось развитию школьного образования и здравоохранения: были открыты школа и больница, начали работать образцовые столовые и общежития для мастеровых завода и инженеров, рабочим выдавались ссуды на строительство жилья.

В 1891 г. (на редкость засушливом и неурожайном, к тому же отягощенным эпидемией холеры) И. Н. Клинген организовал в Рамони общероссийский съезд агрономов. В нем приняли активное участие ведущие аграрники страны, в том числе И. А. Стебут и будущий академик Д. Н. Прянишников.

Позже, уже после завершения работы И. Н. Клингена в имении, в 1908 г. из-за многочисленных долгов земля, сахарный завод и кондитерская фабрика перешли «в государственную казну»; при этом дворец перешел в ведомство Департамента уделов Министерства Императорского Двора. Добавим, что с 2010 г. Дворцовый комплекс Ольденбургских в Воронежской области обладает статусом объекта культурного наследия регионального значения.

Дворец Ольденбургских в Рамони. Современный вид

Вместе с тем, Клингген отнюдь не был исключительно аграрником-практиком: накопленный за эти годы огромный хозяйственный опыт он обобщил в целом ряде научных работ, одновременно активно пропагандируя среди сельских хозяев российские и зарубежные аграрные новации [13; 12; и др.]. Отметим и его роль в разработке эффективных и рациональных приемов, призванных помочь в борьбе с голодом в начале 1890-х гг. [15].

«Кавказские страницы» жизни и деятельности И. Н. Клинггена

В 1891 г. Клингген был назначен инспектором Главного управления уделов по кавказским имениям. Здесь он впервые пришел к мысли о возможности разведения чайного куста в Закавказье, которую впоследствии развил в своей монографии «Основы хозяйства в Сочинском округе». Отметим, что именно Клингген первым заговорил о возможности разведения чайного куста в Закавказье и заложил первые его плантации [см. также: 18].

Употребление чая на Руси началось еще в первой половине XVII в. Существует версия, что уже в 1618 г. царь Михаил Федорович Романов получил в подарок от китайских послов несколько ящиков чая. До середины XIX в. чай был основным товаром на Макарьевской (Нижегородской) ярмарке; с его перепродажи начинался очередной годовой цикл ее работы.

Во второй половине XIX в. (с 1862 г.) начинается ввоз в Россию кантонского чая, доставляемого морским путем, а с 1880-х гг. уже заработали Самаро-Уфимская и Екатеринбургско-Тюменская железные дороги, что позволило резко сократить время и стоимость сухопутной доставки чая. Начинаются и морские поставки чая в Россию из Индии и Цейлона (вначале в Одессу, а затем груз развозился по всей стране). В итоге цена чая резко упала, и он становится ежедневным массовым напитком, в 1886 г. даже введенным в состав армейского пищевого довольствия. Чай постоянно пили уже представители всех сословий российского социума [см. также: 28].

Вместе с тем, разведение чая в императорской России было делом исключительно отдельных энтузиастов и богатых землевладельцев; государственная поддержка развитию этой отрасли *de facto* отсутствовала. Промышленное чаеводство на территории империи началось лишь после Крымской войны. Пленный британский офицер, шотландец Джекоб Макнамарра женился на грузинской дворянке и поселился в Грузии, создав там первые небольшие чайные плантации на землях князей Эристави, в районах Озургети и Чакви. Однако первый «кавказский чай» оказался напитком низкого качества и не выдерживал жесткую конкуренцию с импортным

китайским чаем. Попытки же выращивания чая в Грузии на землях царской семьи завершились неудачей ввиду низкого качества посевного материала.

В самом конце 1890-х гг. появляется «русский чай» как таковой – выращенный и собранный на территории собственно России (на чайных плантациях М.О.Новоселова в Ленкоранском районе Азербайджана, в хозяйстве крестьянина И.А.Кошмана в Солох-ауле в 60 км от Сочи).

И.Н.Клингген, проявлявший огромное внимание к вопросам развития отечественного чаеводства, отмечал: «Говоря о возникновении чайного дела на Кавказе, начинают обыкновенно с князя Воронцова, который, будучи наместником Кавказским, еще в сороковых годах посадил в казенных питомниках несколько чайных кустов, но князь Воронцов только «пошевелил» чайный вопрос, он даже не "сдвинул" его с места... Правильнее считать, что вопрос о чае, заключающийся в общем вопросе о возможности введения в Закавказье подтропических культур, получил надлежащий общественный интерес и значение лишь с того момента, когда за него взялись наши известные русские натуралисты» [цит. по: 2, с.127].

Вместе с тем, организовать промышленное производство чая в значительных количествах так и не удалось. Чай российского производства, как правило, все еще, был низкого качества и использовался только для подмешивания к импортному. Такая ситуация сохранялась на протяжении всех первых десятилетий XX в. [25; 27; см. также: 8].

В конце XIX в. Главное управление уделов приступило к организации крупного субтропического хозяйства, в котором именно чаеводству отводилась ведущая роль. В 1892 г. И.Н.Клингген назначается инспектором Кавказских удельных имений, будучи уже известным, как автор практических капитальных работ по севооборотам, по организации крупных свеклосахарных хозяйств, по пчелам и роли их в опылении растений. Тщательно изучив районы и познакомившись с литературой, он в короткий срок разработал масштабный и новаторский проект организации в Западном Закавказье субтропического хозяйства во главе с «пионер-культурой» чаем. Для установления ареала возможного распространения чайного растения Клингген в 1893 г. совершил ряд экскурсий вместе с молодым агрономом В.О.Симонсоном и мингрельским помещиком Г.Чичуа. Они посетили районы Западного Закавказья от Батума до Кутаиса и Сухума, затем Закаталы, Ленкорань, Сочи и Туапсе. В итоге были установлены чайные округа, где разведение культуры чая, по мнению Клинггена, уже в ближайшие годы могло обеспечить значительную часть потребности России в чае.

Начальник Главного управления Уделов, кн. Л.Д.Вяземский всячески поддерживал начинания И.Н.Клинггена. В 1893 г. он посетил Чакву и одоб-

рил план создания здесь крупного чайного хозяйства. Для успеха дела было решено послать научную экспедицию в чаепроизводящие страны. Что же касается будущего района внедрения «чайных новаций», то еще в 1895 г. удельное ведомство приобрело в Чакве земельный массив площадью в 14000 дес.

Кругосветное путешествие

В 1895–1896 гг. И.Н.Клингген совершил кругосветное путешествие (посетив, в частности, Египет, Индию, Китай и Цейлон) в составе комплексной сельскохозяйственной экспедиции в субтропические и тропические районы Азии (руководители – А.Н.Краснов (в будущем – выдающийся аграрник, основатель Батумского ботанического сада) и И.Н.Клингген, у каждого из которых, впрочем, были отдельные экспедиционные маршруты). Главной задачей этой экспедиции было изучение субтропических растений (чайный куст, цитрусовые, бамбук и др.) с целью введения этих культур в России. Примечательно, что инициатива в ее проведении исходила отнюдь не от научного учреждения, а от Главного управления уделов по кавказским именьям, которое обладало в Закавказье значительными пространствами земель, приписанных к поместьям членов царской фамилии. Ведомство ассигновало крупную денежную сумму на экспедицию в страны Юга и Юго-Востока Азии. При этом речь шла не только об интересах имений царских родственников, но и об интересах науки: были намечены широкий план и маршрут экспедиции с целью решения ряда вопросов научного (прежде всего, ботанического и агрономического) характера.

Результатом этой масштабной экспедиции стало ботаническое и хозяйственное обследование ряда стран с природными условиями, похожими на Закавказье. Члены экспедиции посетили страну «патриархов земледелия» – Египет, побывали на о. Цейлоне, где изучили тропический парк, работали в индийском Дарджилинге. Кроме того, экспедиция посетила ботанический сад Бьютензорг на о. Ява, а также на о. Формозе.

Итоги работ этой экспедиции были изложены в фундаментальном трехтомном труде И.Н.Клинггена «Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока» и в ставшей впоследствии классической работе А.Н.Краснова «Чайные округа субтропических областей Азии» [см.: 17; 22; 21]. Были привезены коллекции семян и растений, в том числе чайные кусты. Что же касается научно-практических разработок И.Н.Клинггена, то именно по итогам этой экспедиции он выработал ценнейшие методические рекомендации по возделыванию чая в Закавказье [11]. Заслужила признание

у специалистов и его монография (изданная в 1898, 1899 и 1960 гг.), включившая в себя во многом уникальную информацию не только о сельском хозяйстве ряда стран, но и о бытовой жизни, этнографии народов Востока, что и в наши дни делает этот уникальный труд интересным для самой широкой читательской аудитории.

Клингген обратил особое внимание на традиционный земледельческий опыт индийских крестьян. Он подчеркивал: «За тысячу лет до Рождества Христова в этой стране достигли такого умения в уходе за полями, что оно оставалось практически неизменным до нашего времени. ...Даже англичане, хозяйничающие в этой стране, так и не смогли развить в себе ту тонкую наблюдательность, тот драгоценный и незаменимый дух почина и творчества, без коего индеец не смог бы ступить и шагу... Как же не похожи друг на друга "государственные" плантации и маленькие поля местных жителей. ...У нас в Европе стремятся получить всегда лишь чистые культуры. И очень редко, во второстепенных случаях прибегают к смешанным посевам (овес, вика). В Индии такие комбинации заимствованы человеком у дикой природы еще с незапамятной эпохи доисторической жизни первобытных народов, населявших эту страну» [17, с.283].

Капитальный научный труд о Сочинском округе

Остановимся подробнее на одном из главных сочинений И.Н.Клинггена – «Основы хозяйства в Сочинском округе», опубликованном в Санкт-Петербурге в 1897 г. Прежде всего, обращает на себя внимание *универсальный*

подход автора: в работе органично соединились конкретно-исторический анализ и глубокие социологические, этнографические и хозяйственные наблюдения и выводы: так, Клингген впервые обратил внимание российского читателя на взаимосвязь и взаимодействие ландшафта приморской Черкесии, климата, розы ветров и моря: «Весь восточный берег Черного моря и большая часть батумского округа представляют из себя обширную пустыню с населением более редким, чем Сибирь. Природа здесь роскошна, как нигде в Европе, а климат, по мягкости, подобен климату Ривьеры. ...Но до последнего времени население побережья не прибавлялось, а скорее регрессировало, и колонии прозябали, а не процветали; ничтожная производительность земли, всюду жалкая культура, уныние в сердцах, вечные вздохи о покинутой родине, бедность, болезни, невозможные дороги, отсутствие мостов, общий упадок и одичание – вот что режет глаз на каждом шагу. ...В продолжение более чем четверти века испытаны всевозможные

меры заселения, не мало денег и энергии ушло на бесплодные попытки, а все же дело не подвинулось» [14, с.45].

В поисках ответа на вопрос о причинах создавшейся ситуации Клинген отнюдь не был склонен преувеличивать ни роль местной администрации, ни значимость природно-климатических условий, отметив: «Одни говорят, "администрация не сумела", но ведь та же администрация "сумела" на Северном Кавказе, в Терской области и в далекой Сибири. Другие исключительно приписывают все зло лихорадкам, – однако и с лихорадками кое-как сживаются оседлые жители Борчалинской низменности, левого берега Алазани и даже классической Ленкорани – жизнегубительницы. "Дурные дороги, вот корень зла!" – воскликнут многие, но даже и при дурных дорогах найдется много местностей, живущих безбедно, имеющих нормальный прирост населения и если не вывозящих, то хотя выносящих кое-что на рынок от своего избытка» [14, с.6].

В чем же заключался ответ? По мнению Клингена, необходимо, прежде всего, обратиться к *истории и местного сельского хозяйства, и, главное, – непростою, зачастую драматичного исторического пути*, пройденного жителями нынешнего Сочинского округа: «На рассвете исторических преданий, на Восточном берегу Черного моря, как в дымке, мелькают на здешнем горизонте легендарные образы героев аргонатов. Здесь, на заре истории, селились первые культурные человеческие общества. Именно здесь впервые раздалась проповедь любви и всепрощения св. апостола Андрея. Римские легионы, наследники богатейших древне-греческих колоний, не раз тяжелой пятой попирали этот берег, оттесняя горцев в их орлиные гнезда. Римские патриции приезжали сюда в разукрашенных судах отдыхать в свои изящные и уютные виллы. Через прибрежные города Индия и Средняя Азия высылали караваны с редкими товарами, да и сама страна вывозила свою сельско-хозяйственную продукцию. В средние века на смену появились юркие генуэзцы и венецианцы; при них на побережье еще раз вспыхнуло христианство, но не надолго, уступив место исламу. Местные, одаренные от природы, горцы прекрасно умели возделывать зерновые растения, всякого рода орехи, хурму, яблоки, груши, винную ягоду и, несмотря на "поверхностное" мусульманство, угощали европейцев прекрасным вином. Особый вид лебеды служил им для добычи селитры, а душистый мед тысячами пудов шел за границу. Их защитные насаждения вдоль рек, живые изгороди, лесные опушки кругом полей, древесные группы для затенения, воздушные силосы из листьев и ветвей – все это вызывало одобрение европейских агрономов» [14, с.78]. По его убеждению, необходимо тщательно изучить местный опыт взаимодействия человека

с природой (в современном понимании – основы экологически сбалансированного природопользования. – *С.К.*), которое и в начале XX в. вызывало удивление и восхищение: «Веками выработанная система гигиенического режима для предупреждения от лихорадки, особенно выбор мест для жилища, пользование водой, распределение работ по времени дня и по времени года в зависимости от вертикального профиля местности, – все это возбуждает удивление среди гигиенистов. Их плуги и рала, их выносимые горские семена были замечательно приспособлены к местным условиям. Скотоводство велось в огромных размерах... После удаления из страны черкесов с их цивилизацией и культурой земледелия, которая копилась на протяжении 3000 лет (и рухнула за какие-то 60 военных лет), перед новыми поселенцами встала почти невыполнимая задача – привести в надлежащий вид сельское хозяйство покинутого горцами края. Погибли навсегда старые традиции и почти без следа исчезла старая культура. И потому, только наука, как отражение коллективной опытности всех времен и народов, только наука, дающая точное знакомство со всею совокупностью разнообразнейших условий этой многострадальной страны, может служить путеводной звездой при отыскании почетного исхода, достойного великого народа. С культурным обладанием этого берега связаны крупнейшие политические задачи и залог будущего процветания для активной и плодотворной деятельности наших русских ученых» [14, с.8–10].

Заслуживает также пристального внимания современных ученых-аграрников мастерски проведенный Клингеном анализ условий развития местного черкесского хозяйства на побережье Черного моря – как земледельческого, так и скотоводческого и садоводческого [14, с. 14–48]. При этом он умело и аргументированно развенчал многие устоявшиеся социокультурные стереотипы и предрассудки, относящиеся к характеристике «диких горцев» со стороны западноевропейских путешественников и ученых. Автор, опираясь как на исторические средневековые материалы, так и на доступную ему информацию хозяйственно-статистического характера середины – второй половины XIX в., подчеркнул: «Хотя черкесы и считались все поголовно разбойниками (но разбойничали и воевали, главным образом, князья и дворяне), большая часть населения все же жила земледелием, скотоводством и ремеслами; благодаря этому, население мало зависело от внешних рынков, а потому местное хозяйство было особенно устойчиво, хотя и консервативно» [14, с. 17]. При этом он не раз обращал внимание на то важное обстоятельство, что и при помощи архаичных экстенсивных методов хозяйствования (прежде всего, в сфере земледелия), как показал опыт Черкесии, можно добиваться положительных и эффективных хозяйствен-

ных результатов при тщательной обработке почвы, рациональных приемах организации сельского труда [14, с. 18, 23, 25 и др.].

Клингген также подробно охарактеризовал формы земледелия у черкесов, обратив особое внимание на причудливый симбиоз коллективного и частного землевладения: «Усадьбы и лежащие вблизи них пахотные участки находились в частной собственности, горные же выгоны и дальние пастбища – в общем пользовании. Но и частные участки (давно разработанные) принадлежали не отдельным лицам, а целому роду. Неотъемлемой же собственностью считалась только земля под усадьбой, садом и огородом, а также всякий пахотный участок, вновь раскорчеванный отдельным домохозяином» [14, с.24]. В его работе также большое внимание уделялось исключительно разнообразным природным условиям Черноморского побережья Кавказа, что оказывало прямое влияние и на хозяйственные, и на демографические и социальные процессы, включая характер хозяйства и плотность заселения [14, с.22–26 и др.].

Наконец, в работе были подробно охарактеризованы позитивные социокультурные обычаи горцев, которые, по мнению Клинггена, можно и нужно было заимствовать и русским переселенцам: «Поселяясь на высоких местах, горцы оберегали себя от лихорадки (миазмы которой держатся всегда внизу), поэтому редко страдали от лихорадки и были замечательно здоровы. ...Скот на лето обязательно удалялся в горы, куда следовали за ним наиболее зажиточные жители, имевшие (кроме прибрежных жилищ) особенные летние сакли на значительных возвышенностях, отличающихся особенно здоровым климатом. ...Другая причина, почему горцы мало болели малярией, – необыкновенно строгий, приспособленный для этого режим жизни и умеренность в пище и питье» [14, с.32–33].

Но главный вывод Клинггена заключался в том, что именно положительный опыт многовековой жизни и хозяйствования позволял местному черкесскому населению добиваться отличных хозяйственных результатов, что наглядно проявилось, прежде всего, в достижениях местного полевого хозяйства и рациональных методах природопользования: «Хлебные поля черкесов никогда не располагались большими сплошными площадями, а представляли небольшие прямоугольники, вытянутые перпендикулярно направлению склона... Черкесы, имевшие сравнительно немного лесов в приморской области, тем не менее, остерегались рубить прибрежные строевые леса, частью из военных целей, но также и по климатическим условиям: эта мощная, густая завеса защищала их сады и поля от непосредственного влияния туманов, холодных и сильных морских ветров... Губительные ливни не заставляли горцев врасплох. Они проводили по скатам

водоотводные каналы, укрепляя их в более крутых местах камнями. ...В местах слишком покатых, но с плодородною почвой горцы прибегали к искусственной террасовке... Наконец, горцам несомненно было знакомо и орошение...» [14, с.36, 39; см. также: 3]. В итоге в регионе с успехом выращивался целый ряд сельскохозяйственных культур: «...горцы возделывали большею частью кукурузу, пшеницу, просо (гоми), ячмень, овес, лен и коноплю. Хлебные злаки дают здесь очень большие урожаи: кукуруза от сам-40 до сам-80, ...пшеница 18–30, а иногда и сам 35; переводя это на пуды, получим, что кукуруза давала в среднем с десятины более 150 ...а пшеница 175 пудов. Горцы сочинского округа, по преимуществу, были народ земледельческий, превосходно изучили все нужные для успеха приемы культуры и подобрали наиболее подходящие породы хлебов» [14, с.46].

Помимо земледелия, успешно развивалось и виноградарство [14, с.47–49]; что же касается садоводства и отчасти шелководства, то ими «занимались все горцы без исключения» [14, с.51].

Клингген, опираясь на результаты своей сельскохозяйственной экспедиции, творчески использовал полученные материалы, сделав ценные практические выводы применительно к развитию Сочинского округа: «Среди перечисленных культур чай, рами, бумажное дерево и бамбук занимают первое место по их значению для России, и на них следует обратить особенное внимание. Доказано опытом, что чай выдерживает среднюю зиму даже в окрестностях Туапсе... Принимая во внимание почвенные, климатические и топографические условия, в высокой степени вероятно, что мы будем получать урожай чая выше китайского и по качеству очень удовлетворительный продукт» [14, с.79].

Выделим и следующий ценный вывод Клинггена: «...всякое хозяйство отнюдь не должно представлять из себя пеструю смесь разнообразных культур, а, наоборот, стройный организм с гармоничными отношениями одной отрасли к другой; поэтому надлежит выработать для важнейших пунктов побережья соответственные типы хозяйств, в которых, как верхние, средние и нижние склоны гор прибрежья и долин, так и самые низины, были бы использованы наиболее подходящей культурой, в зависимости от почвы, от сторон света и защитности от тех или других ветров; в то же время установилось бы разумное соотношение между скотоводством, с одной стороны, и полевой, плодовой и интенсивной лесной культурой – с другой» [14, с.79].

Важную роль сыграли и заключения ученого, касающиеся перспектив русской колонизации огромного края: «Ввиду совершенно исключительно характера страны, как в естественно-историческом, так и в экономиче-

ском отношении, здесь едва ли применимы обычные системы колонизации, выполнимые с успехом на равнинах и в странах с обширными, плоскими возвышенностями и удобными горными пастбищами. Русские поселенцы из степной черноземной полосы, привыкшие исключительно к зерновому хозяйству и излюбленной трехполке, задыхаются в здешних дебрях... Из всех колонистов наиболее приспособленными к местным условиям оказались малоазиатские греки и армяне, так как природа некоторых округов Малой Азии сходна с природой нашего побережья, а в Малой Азии давно укрепились интенсивная плодовая культура и разведение риса. ...За малоазиатскими армянами наиболее трудолюбивыми и порядочными крестьянами являются садовники, каких немало найдется в Имеретии и некоторых других местах Закавказья. Но так как собственно русская колонизация обычным путем не прививается, то следует испытать нечто иное, более обеспечивающее успех. Очевидно, что экстенсивным путем при такой мощной сопернице, как природа черноморского побережья, ничего нельзя достигнуть. ...Здесь нужно повести на врага правильную осаду, заложив культурные блокгаузы крепости в наиудобнейших местах, обеспечив себе непрерывное сообщение с ближайшими рынками. Из этих блокгаузов можно, постепенно двигаясь в центробежном направлении, мало-помалу колонизовать страну, пока, наконец, операционные районы не соприкоснутся границами и не сольются в одно целое» [14, с.93–95].

По мнению Клингена, Сочинский округ «в прежнее время» составлял «наиболее важный культурный район в пределах теперешнего восточно-черноморского края» [14, с.106]. Ранее жившее здесь автохтонное население – «погибший народ» – на протяжении ряда столетий сумело «выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумные приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культур и наиболее подходящих пород скота» [14, с.106]. При этом, «имея дело с крайне изменчивым климатом», были также выработаны «и в отношении гигиены наиболее целесообразные правила для сохранения сил и здоровья, особенно в такой сильно малярийной местности, как Черноморский округ» [14, с.107].

Таким образом, заключал аграрник, «вся эта многовековая опытность аборигенов... представляет драгоценный капитал, который, как наследство, должен был бы поступить к народу, заступившему на их место, – к русским пионерам», однако, этого не случилось: «Полмиллиона человек исчезли как бы по волшебству и постарались тщательно стереть с лица земли все следы своей хозяйственной деятельности. Однако это удалось горцам только отчасти: остались живые памятники в виде островных групп бывшей пло-

довой культуры, остались показания очевидцев и лиц, исследовавших страну вскоре после очищения ее черкесами; наконец, мы имеем повествования европейцев, живших среди горских племен...» [14, с. 107]. Поэтому заслугой Клингена стала, в первую очередь, тщательная и подробная историческая и социокультурная реконструкция огромного по объему материала, которая в итоге завершилась вполне успешно.

В итоге, по собственноручному признанию автора, ему удалось аккумулировать в кратком очерке важные историко-хозяйственные сведения, которые опровергают ранее бытовавшее среди европейцев мнение о черкесах как «диких варварах». Как отметил автор, об этом же свидетельствует и опыт (зачастую негативный) русской хозяйственной колонизации причерноморского побережья Кавказа последней трети XIX в. [14, с. 108].

Клигген обобщил в своей работе и личный хозяйственный опыт работы в регионе, который заключался в следующем: «Конфигурация страны и особенности климата долин, отличающегося крайне неравномерным распределением тепла, а также наводнения и заносы в долинах препятствуют культуре растений, которой, напротив, благоприятствует защищенность склонов и равномерное распределение тепла и влаги; поэтому неправы были те поселенцы, которые, придя из равнинных стран и не имея опытных руководителей, селились по долинам и низинам, ближе к рекам и болотистым лугам... Сколько принесено в жертву жизни человеческих, сколько пережито крупных несчастий, какая масса денег и усиленного общественного труда погибла безвозвратно, пока некоторые (к сожалению, далеко не все) поселенцы поняли наконец, что хозяйство здесь по преимуществу должно быть горным... С другой стороны, приморская терраса... отличается... засушливостью летом... и скот остается без подножного корма. Этому способствует плотная глинистая почва, со свойствами которой, так же как с наводнениями и заболочиванием отлогих склонов и речных долин, приходится здесь считаться прежде всего. Отсюда необходимость дренажа, и всякое хозяйство, не положившее себе в основу этого важнейшего приема культуры, должно непременно потерпеть поражение...» [14, с. 109–110].

Что же касается перспектив земледелия, то, как подчеркивал автор, «описываемый край очень благоприятен, но только при условии, что хозяева обладают знанием горского хозяйства, а не упорствуют в слепом стремлении навязать здешней природе приемы степного хозяйства» [14, с. 112]. При этом крайне важно учитывать местные условия ведения хозяйства: «Приступая к обработке земли, мы прежде всего должны считаться с почвой и оставить мысль о глубокой плужной обработке. Для хорошего урожая здесь требуется, чтобы весной, после непрерывной зимней перемочки, земля,

досыта напоенная холодными дождями, поскорее обсохла да обогрелась, чтобы дать время посеять и ожидать дружных ранних всходов... Так как озимая пшеница поспевает ранее и может хорошо укорениться с осени, то она и является, рядом с кукурузой, наиболее надежным хлебом» [14, с. 113]. Клинген также отмечал: «Я получал превосходные результаты от междурядной обработки пшеницы в черноземной России, где климат очень сух, лето знойное и небо чистое. Здесь же, в Сочи, при относительно прохладном лете, обилии влаги, большой влажности воздуха, большой облачности, необходимо давать растению хорошее, равномерное солнечное освещение и проветривание почвы, а это достигается всего полнее и действительнее междурядной обработкой» [14, с. 113].

Наконец, в работе было уделено большое внимание таким отраслям хозяйства, как садоводство и огородничество. Автор подчеркнул: «Огороды могли бы получить очень большое развитие в местностях, ближайших к морским пристаням, откуда овощи в свежем или сушеном виде нашли бы себе хороший сбыт в города северного и южного побережья Черного моря (Батум, Керчь, Феодосия, Севастополь и проч.). Хотя общая площадь их, по ограниченности рынка, не может быть значительна, но... дело это представляется верным и выгодным» [14, с. 116].

В целом же, работа Клингена внесла большой вклад как в научное изучение огромного Сочинского округа, так и в его хозяйственное освоение. Неоценимую помощь в рациональной реорганизации аграрных отраслей Закавказья оказали практические результаты, полученные аграрником и его коллегами в ходе его «восточной экспедиции»: так, именно эта информация позволила выработать практические рекомендации, которые легли в основу развития местного чаеводства [11, с. 42–64].

Добавим, что экспедиция привезла в Россию 6 тысяч чайных саженцев и 130 пудов (2 тонны) чайных семян; впервые был привезен в Батум ряд ценных субтропических растений: цитрусовые, камфорный лавр, лаковое дерево, японская хурма, бамбук и другие, после чего началось внедрение их в производство.

(Окончание следует...)

Список сокращений

губ. – губерния

дер. – деревня

дес. – десятина

ИМОСХ – Императорское Московское общество сельского хозяйства

км – километр
кн. – князь
Пг. – Петроград
с. – село
СПб. – Санкт-Петербург
Т., тт. – том, тома
у. – уезд

Библиографический список

1. Амонуллоева Т. О Клингенах, семье и их делах. URL: <http://ars-news.ru/news/21780/> (дата обращения: 26.05.2020).
2. Бахтадзе К.Е. Развитие культуры чая в СССР. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1961. 171 с.
3. Буркина Л.В., Федосеева Л.Д. К вопросу о влиянии локальных природно-климатических условий Северо-Западного Кавказа на жизнедеятельность населения в контексте наблюдений И.Н.Клингена // Вестн. Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2021. №2 (279). С.27–35.
4. Бутлеров А.М. Пчела, ее жизнь и главные правила толкового пчеловодства. Краткое руководство для пчеляков, преимущественно для крестьян. СПб.: Императорское Вольное Экономическое Общество, 1871. 113 с.
5. Бутлеров А.М. Статьи по пчеловодству. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1891. 500 с.
6. Голицын Я.С. И.Н.Клинген // Пчеловодство. 1952. №2. С.16–18.
7. Евдокимов И.И. И.Н.Клинген // Пчеловодство. 1958. №4. С.11–14.
8. Зейдлиц Н.К. К истории возникновения чайных плантаций на Кавказе. Тифлис: Тип. Канц. главноначальствующего гр. ч. на Кавказе, 1897. 17 с.
9. Иван Николаевич Клинген: К 145-летию со дня рождения / Сост. В.А.Корчагин. Безенчук: Самарский НИИСХ им. Н.М.Тулайкова, 1996. 11 с. [список печатных работ И.Н.Клингена].
10. Клинген И.Н. Густые дождемерные сети и вопрос о влиянии растительности и вод на осадки. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893. 30 с.
11. Клинген И.Н. Краткое описание Удельного Чаквинского подтропического хозяйства в связи с результатами Удельной экспедиции на Дальний Восток. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1900. 66 с.
12. Клинген И.Н. Материалы для решения некоторых вопросов по культуре сахарной свеклы: Подбор свеклы (селекция). Харьков: Тип. Окр. штаба, 1888. 14 с.
13. Клинген И.Н. О практическом значении опытных полей. Харьков: Тип. А.Дарре, 1886. 31 с.

14. Клиngen И.Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб.: Тип. С.-Петербург. градоначальства, 1897. 129 с.
15. [Клиngen И.Н.] Питательное и кормовое достоинство свекловично-сахарных отбросов, как суррогатов в голодный год: Доклад И.Клингена / Воронежский отдел ИМОСХ. Воронеж: Тип В.И.Исаева, [1891]. 55 с.
16. Клиngen И.Н. Снежный покров. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892. 13 с.
17. Клиngen И.Н. Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. Египет, Индия, Цейлон, Китай. М.: Сельхозгиз, 1960. 604 с.
18. Клиngen И.Н. Чайное дело на Батумском побережье. СПб.: Тип. С.-Петербург. градоначальства, 1894. 85 с.
19. Козлов С.А. Клиngen (Klingen) Иван Николаевич // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 тт. / Отв. ред. Ю.А.Петров. Т.1. М., 2008. С.995–996.
20. Корчагин В.А., Бомбин Д.А. И.Н.Клиngen, 1851–1922 гг. // Земледелие. 1978. №5. С.19–25.
21. Краснов А.Н. Под тропиками Азии // Вавилов Н.И. Пять континентов / Н.И.Вавилов, А.Н.Краснов. 2-е изд. М., 1987. С.173–345.
22. Краснов А.Н. Чайные округа субтропических областей Азии (Культур-географические очерки Дальнего Востока). Вып. II. Китай. Индия и Цейлон. Колхида. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1898. 618 с.
23. Ластовка Е., Былов В. Иван Николаевич Клиngen (1851–1922) // Советская агрономия. 1949. №6. С.38–43.
24. Лофиченко А.Ф. Агроном Главного управления уделов – И.Клиngen // Аграрная Россия. 2009. №4. С.45–48.
25. Надсон Г.А. О замене китайского чая другими растениями. Пг.: Б. и., 1918. 7 с.
26. Наумкин В.П. Иван Николаевич Клиngen // Наумкин В.П. Ученые-пчеловоды Орловщины: Краткие историко-биографические очерки. Ч.1.Орел, 1997. С.135–152.
27. Соколов И.А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. Монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Спутник+, 2012. 498 с.
28. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: Производство, потребление и распределение чая. СПб.: А.Г.Кузнецов, 1892. 706 с.
29. Фролов Н. Ковровский врач Густав Клиngen и его потомки в истории. URL: <http://www.ikovrov.ru/history/8595-istoriivraz.html> (дата обращения: 4.06.2020).
30. Walther von Klingen und Kloster Klingental zu Wehr. Ostfildern: Thorbecke Jan Verlag, 2010. 160 s.

Владимир Горлов

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ
СТРОИТЕЛЬСТВА
ДОМОВ-КОММУН
в 1920-е гг. в СССР**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

72

Статья посвящена идеологическим причинам создания проектов домов-коммун в СССР в 1920-е гг. и опыту реализации этой политики. Автор напоминает о том, как представляли себе город-коммуну социалисты-утописты – Кампанелла, Томас Мор, Фурье и др. Анализируются архитектурные и планировочные идеи первых лет Советской власти, аргументация преимуществ коллективной организации расселения и быта, исследуются попытки создания новых типов жилищ и общественных учреждений.

The article is devoted to the ideological reasons for the creation of projects and the construction of communal houses in the 1920s in a Soviet country. The article describes how the predecessors of scientific communism – Campanella, Thomas More, Fourier and others – imagined the city-commune. The article analyzes the architectural and planning ideas of the first years of Soviet power, the architects' rationale for the advantages of collective organization of settlement and life, and explores attempts to create new types of housing and public institutions, taking into account the specific historical conditions and tasks facing the country.

Ключевые слова: коллективизация жизни; обобществление домашнего хозяйства; обобществление культурно-бытового обслуживания и воспитания детей; дом-коммуна; перестройка быта.

Key words: collectivization of life; socialization of the household; socialization of cultural and household services and upbringing of children; house-commune; restructuring of everyday life.

E-mail: gorlov812@mail.ru

Идея коллективной организации жилища, быта и воспитания детей возникла еще в древности. Более двух тысячелетий она развивается в непрерывном соревновании с противостоящей ей концепцией обособленного жилища и мелкого домашнего хозяйства. Зачатки общественного воспитания детей имели место в поселениях крито-микенского периода и в Спарте. Платон в философском трактате «Государство» высказывался в пользу того, чтобы дети с 3 до 6 лет посещали организованные государством при храмах дошкольные площадки, занимаясь пением, участвуя в играх и т. п. По мнению древнегреческого мыслителя, с 7 до 12 лет подрастающим гражданам надлежало учиться в государственной школе чтению, письму, счету и музыке, с 12 до 16 лет – посещать школу физического воспитания, с 16 до 20 лет – изучать арифметику, геометрию, астрономию, проходить военную подготовку. Подчеркивая значение коллективизма, Платон писал: «самый лучший распорядок будет в том городе, в котором в отношении к тому же "одно и то же мое и не мое" произносит наибольшее число граждан» [16, с.269]. Аристотель в своем труде «Политика» отмечал, что «забота о воспитании должна быть заботой государственной, а не делом частной инициативы» [1, с.352], «...должны существовать узаконения, касающиеся воспитания, и последнее должно быть общим» [1, с.353].

Сфера обслуживания обобществляется под влиянием развития производственных отношений по мере внедрения коллективных форм в производство. По-видимому, не случайно сама идея коллективного жилища возникла у первых социалистов-утопистов именно в период развития городов и мануфактурного производства как первого проявления концентрации производства и населения. Сам по себе город, даже средневековый, уже является коллективной формой расселения. В частности, Ф.Энгельс, характеризуя сущность этого типа поселений, отмечал, что «город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт – изолированность и разобщенность» [10, с.50].

Одними из главных идей организации жизни коммун у социалистов-утопистов являются: система коллективного производства, жилища, быта и воспитания членов общества, соединение физического и умственного труда; обобществление культурно-бытового обслуживания населения и воспитания детей; сочетание образования с производством, воспитание всесторонне и гармонично развитой личности.

Родоначальник утопического социализма Томас Мор в книге «Утопия» описывает фантастический город Амаурот, в котором построены вместительные дворцы. Дети обучаются в школе и на ближайших полях земледелию, а также специальному ремеслу. Свободное от работы время большинство уделяет наукам. Ежедневно устраиваются публичные лекции. В вечернее время обеденные залы используются для развлечений [13, с.131].

Основной ячейкой Города Солнца из одноименного философского сочинения Томмазо Кампанеллы является община. Жители там соединяют труд ремесленный и сельскохозяйственный, физический и умственный. Обобществленное домашнее хозяйство основано на самообслуживании. Общественное воспитание детей рассматривается как основа государственного благосостояния [6, с.70]. Кампанелла писал, что в его «Городе Солнца» меню в общественных столовых на каждый день будут составлять ученые, врачи: молодым – одно, старикам – другое, больным – третье и т. д.

В книге французского социалиста-утописта Шарля Фурье «Новый промышленный и общественный мир» весьма детально изображена жизнь в идеальном обществе. Автор тщательно разработал систему гармонического воспитания детей, обосновал моральные и экономические преимущества общественного воспитания. Он стоял на позиции соединения обучения и производительного труда. Фурье всячески прославлял преимущества общественного питания. Философ считал, что даже короли не имеют столь изысканного стола, какой получит в будущем простой народ в общественных столовых, устроенных в коллективных жилищах – фаланстерах [20, с.278].

В XIX в. английский социалист-утопист Роберт Оуэн предпринял попытки практического воплощения своих идей. Он не только составил проект коммунистической колонии, но и реализовал его, успешно управляя большой бумагопрядильной фабрикой. Являясь инициатором новых для того времени учебно-воспитательных учреждений (детских садов, школ-интернатов, политехнических школ) [15, с.100–102], Оуэн создал первые детские ясли и первый детский сад в Англии, а также образцовую школу. Он организовал в Америке коммунистическую колонию, дав ей поэтическое название «Новая гармония». В основе его представлений – «соединение производительного труда с воспитанием детей».

На протяжении 350 лет утописты разрабатывали и совершенствовали идею коллективной организации жизни. Их последователями стали основоположники научного коммунизма. Так, Ф.Энгельс высоко оценил идеи

обобществления домашнего хозяйства и воспитания детей, разработанные и частично осуществленные Р.Оуэном. В 1845 г. он убежденно заявлял: «...человеческое общество располагает избытком производительных сил, которые ждут только разумной организации, упорядоченного распределения, чтобы начать действовать с величайшей пользой для всех. Если вникнуть в детали домоводства, то тут особенно становятся видны преимущества общественного хозяйства. Какая масса труда и материалов растрачивается при современном раздробленном хозяйстве!» [9, с.541–542]. Принципы общественной организации быта были записаны в Манифесте Коммунистической партии, изданном в 1848 г. в Лондоне. Все это показывает, сколь глубоки исторические корни коллективной системы расселения, организации городов, жилища и быта. Труды утопистов оказали большое влияние на формирование принципов социальной организации городов.

Идеи создания коллективного жилища были восприняты и в России. Н.Г.Чернышевский в книге «Что делать?» описывает жилище будущего как величественный дворец, где народ устраивает совместные трапезы и торжества.

Октябрьская революция 1917 г. создала предпосылки для кардинального решения одной из самых острых социальных проблем – жилищной. Немало трудящихся проживало поистине в чудовищных условиях: в тесных, грязных каморках, в сырых подвалах, в полуразвалившихся лачугах, в неблагоустроенных деревянных домах на окраинах. Многие вообще не имели крова над головой и ютились по ночлежкам.

Забота о жилье для пролетариев стала одной из важнейших проблем для советской власти. Уже в ранних государственных актах содержались решительные меры, направленные на улучшение социально-бытовых условий рабочих. Прежде всего речь шла об уплотнении квартир, принадлежавших имущим классам. Великий жилищный передел – событие для города ничуть не менее важное, чем земельный передел в деревне.

В 1919 г., когда Гражданская война была еще в разгаре, В.И. Ленин выдвинул план преобразования мелкого домашнего хозяйства в крупное общественное хозяйство. Речь шла о том, что по мере развития новых форм общественных отношений, создания новой материально-технической базы, неизбежно должны были меняться и облик города, его план и благоустройство. Предусматривалось появление новых типов общественных зданий и жилых домов.

Курс на формирование социалистического быта побудил общественных деятелей и архитекторов обратиться к историческому наследию.

Утопические идеи Мора, Кампанеллы, Фурье, Оуэна и др. были восприняты как исходный пункт становления коллективного жилища в новых условиях. Однако в отличие от производственно-бытового назначения, какое имели коммуны утопистов, дома-коммуны первых послереволюционных лет мыслились как жилищно-бытовые объединения.

В то время как в промышленном и сельскохозяйственном производстве утвердилась социалистическая общественная система, обобществление культурно-бытового обслуживания населения в городах находилось еще в стадии становления. Указывалось на необходимость стимулирования этого процесса, исходя из его экономической целесообразности и идеологической важности. Считалось, что коллективизация и рациональная организация сферы домашнего хозяйства не только позволят увеличить свободное время граждан, необходимое для всестороннего развития личности и отдыха, но и обеспечат приток в экономику дополнительных трудовых ресурсов (в т. ч. женщин, освобожденных от «домашнего гнета»), будут способствовать росту производительности труда. Обобществление культурно-бытового обслуживания воспринималось как один из важных шагов на пути утверждения коммунистического уклада жизни – с единой системой бесплатных услуг, удовлетворяющих разнообразные потребности членов общества, включая питание, снабжение, хозяйственно-бытовое обслуживание (стирка белья, уборка общих помещений, ремонт, чистка одежды и т. п.), дошкольное воспитание детей, школьное образование и воспитание, здравоохранение, физкультуру и спорт, культурно-просветительную работу (клубная самодеятельность, кино, театры, выставки).

В.И. Ленин напрямую связывал построение коммунизма с перестройкой мелкого домашнего хозяйства. В статье «Великий почин» он писал: «Женщину принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне... Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство» [7, с.396]. Вождь большевиков настаивал на необходимости преодоления индивидуалистических («отсталых») взглядов населения в области организации быта.

По предложению Ленина, принципы обобщественного бытового уклада были включены в Программу РКП(б), утвержденную VIII съездом партии в 1919 г. Провозглашенный политический курс определил и решение вопроса о перспективном типе жилища. Была отвергнута

традиционная («индивидуалистическая») система домашнего хозяйства и воспитания детей, чему соответствовали типы квартир, оснащенные всеми атрибутами мелкого домашнего хозяйства, и дома как простая сумма обособленных ячеек, связанных между собой лишь сетями отопления, водоснабжения, электроснабжения и канализации. Все это объявлялось пережитком прошлого. Предполагалось укреплять единство личности и коллектива. Утверждалось, что только органичная связь индивидуального жилища с общественной организацией быта является единственно верным путем развития градостроительства.

Однако условия жизни в стране затрудняли реализацию намеченного курса. Для этого недостаточно было одних политических предпосылок. Следовало приступить к массовому строительству надлежащим образом оборудованных общественных зданий. Само по себе новое градостроительство рассматривалось как база становления коммунистического уклада. Решать поставленную задачу предстояло путем экспериментов.

В основу разработки соответствующих архитектурных проектов была положена мысль классиков марксизма-ленинизма о значимой роли общественных зданий в решении одной из главных проблем построения коммунистического общества. Это – освобождение женщины от гнета частного домашнего хозяйства¹ путем трансформации последнего в «общественную отрасль труда», превращения ухода за детьми и их воспитания в «общественное дело» [11, с.77–78]. Требовалось постепенно, но коренным образом преобразовать ведение «многоотраслевого» домашнего хозяйства: питания, воспитания и обучения детей, а также хозяйственно-бытового обслуживания (стирка белья, уборка помещений, изготовление и ремонт одежды, ремонт всевозможной утвари). Предполагалось, что расселение в крупных домах с общественным обслуживанием, сама планировка, состав и взаиморасположение квартир и культурно-бытовых помещений сделают бессмысленным мелкое домашнее хозяйство. Все это поможет советским людям избавиться от капиталистических пережитков в их сознании, воспитает граждан в коммунистическом духе.

¹Как показали обследования, у женщины-работницы ежедневно уходило на домашнее хозяйство дополнительно к работе на производстве 3–5 часов. На приготовление пищи и мытье посуды уходило более 1,5 часов, на уборку помещения и прочие работы – более 1,5 часов [3, с.204]. Ученые подсчитали, что в домашнем хозяйстве у нас ежегодно затрачивалось не менее 100 миллиардов человеко-часов преимущественно женского труда, что равно годовому бюджету времени почти 40 миллионов человек [18, с.71]. Проблемы внерабочего времени трудящихся были исследованы советскими научными сотрудниками в 1958–1960 гг.

Оптимальная, с точки зрения экономики, вместимость общественных зданий, с одной стороны, и требование обеспечить наикратчайшие связи жилища с учреждениями повседневного пользования, – с другой, таковы были важнейшие критерии, влияющие на величину первичных жилых образований, на размеры и этажность жилых домов. Рациональная организация сетей общественных учреждений сократила бы затраты времени населения на пользование услугами этих учреждений. Суть дела заключалась в том, чтобы те виды общественных зданий, которые были предназначены непосредственно для воспитательной работы (детские учреждения, школы-интернаты, клубы и т.п.), были расположены в органичной связи между собой и с жилищем. Это представлялось одной из главных предпосылок активного процесса коммунистического воспитания. Выдающийся педагог А.С.Макаренко говорил, что «вся полнота общественной морали, навыков и поведения детей может сформироваться у них лишь в условиях постоянного воздействия детского коллектива, воспитателей и семьи на основе общественного воспитания» [8, с.383].

В дискуссиях по поводу общественной организации культурно-бытового хозяйства, наряду со скептическими высказываниями значительное место занимала активная поддержка идеи обобществления быта. Лозунг «Мы наш, мы новый мир построим» олицетворял процесс перестройки общественного сознания. Революция раскрепостила творческие силы страны, в том числе вдохновила на поиск оригинальных решений в сфере градостроительства. В решении задач, связанных с коллективизацией бытового уклада, важная роль принадлежала архитекторам. Творческие группы и ассоциации, объединявшие по преимуществу молодежь, предлагали разнообразные проекты жилища будущего. Окончание Гражданской войны, переход к новой экономической политике и начало восстановления народного хозяйства – эти изменения в жизни страны открывали новые возможности для развития советской архитектуры.

Жилой дом будущего ассоциировался с домом-коммуной, пространство которого разделено на две части – жилую и коммунальную. Многие архитектурные проекты того времени, основанные на этой идее, и сейчас впечатляют не только масштабом замысла, но и высоким профессионализмом. Было, однако, немало и предложений, которые свидетельствовали об отрыве авторов от реальности, непонимании психологии человека, который не способен к быстрому отказу от многолетних привычек и традиций. Творцы утопических версий дома-коммуны не учитывали и материальных возможностей молодого государства. Эти черты были

характерны для крайне левых направлений в искусстве начала 1920-х гг., передававших общую атмосферу эпохи.

Между приверженцами привычных форм жизни и группой сравнительно молодых архитекторов-новаторов шли ожесточенные споры. В этом противостоянии, отраженном в том числе на страницах журнала «Современная архитектура», рождались новые идеи, осуществлялись проектные эксперименты – от двухэтажного полусельского дома-коммуны Н.Марковникова до небоскребов И.Леонидова. Творческим исканиям способствовало стремительное развитие строительной техники. Период формирования нового типа жилища был очень коротким: он продолжался с 1925 по 1930 г. Это были годы возникновения новой советской социалистической архитектуры и небывалого творческого подъема.

В 1926 г. Моссовет объявил конкурс на проект дома-коммуны. Конкурсная программа предусматривала устройство общежития с общественным питанием и обобществленным воспитанием детей. Первая премия была присуждена архитектору В.М.Маяту. Комплекс дома-коммуны в его проекте состоял из четырех четырехэтажных жилых домов, а также двух двухэтажных зданий, предназначенных для клуба-столовой и детских учреждений. Ни один из проектов, участвовавших в конкурсе, не был осуществлен. Однако инициатива Моссовета послужила толчком к дальнейшим разработкам идеи дома-коммуны [2, с.122–123].

1927–1930-е гг. характеризовались широкими проектно-экспериментальными поисками жилища будущего. В 1927 г. Общество современных архитекторов (ОСА) провело товарищеский конкурс на проект жилища будущего – дома-коммуны. В 1929 г. на съезде ОСА были приняты так называемые тезисы по жилью [22, с.19–20]. В конце 1920-х – 1930-е гг. идеологами социалистического расселения выступали архитекторы Л.Сабсович, Н.Милютин, Н.С.Кузьмин. Воплощением утопических представлений о доме-коммуне стал проект архитектора Н.С.Кузьмина, экспонировавшийся на Первой выставке современной архитектуры в Москве в июне 1927 г. Идея обобществления быта была доведена автором до абсурда. Семьи как таковой не существовало, и лишь из уважения к процессу воспроизводства в отдельном корпусе было отведено помещение для пар. Все было обобществлено: питание, сон. Жизненные процессы были регламентированы до мельчайших подробностей, не было места проявлению человеческой индивидуальности². Этот про-

²По Н.С.Кузьмину, бытовые функции взрослых состояли из 24 процессов (сон, гимнастика, душ, одевание и пр.). Жизнь коммуны должна была регулироваться по радио [19, с.121–122].

ект вызвал противоречивые отклики – от полного одобрения до резко отрицательной оценки (особенно у архитекторов старшего поколения, предлагавших ориентироваться на вековой опыт строительства квартирных домов). Тем не менее «вся концепция т. Кузьмина была одобрена съездом ОСА» [4, с.138].

Крайним радикализмом отличались и предложения Л. Сабсовича. Он призывал немедленно приступить к «социалистической реконструкции быта» и осуществить ее «для всех трудящихся города и деревни в период ближайших 5–8 лет» [17, с.32]. Полностью отрицая семью в ее здоровом естественном проявлении, архитектор заявлял: «В социалистическом обществе...не будет проблемы "родители и дети"... Там будет поставлена и разрешена другая проблема "общество и дети"» [17, с.75]. Подобные вульгарные левацкие теории преподносились в книгах и журнальных статьях в качестве марксистско-ленинского курса переустройства быта и, конечно, оказывали влияние на проектирование.

Наиболее последовательно аналогичные теоретические концепции воплотились в проекте дома-коммуны Стройкома РСФСР (авторы – архитекторы М. Барщ и В. Владимиров, 1929 г.). Для семьи как цельного организма здесь не было отведено места. Недооценивалось и значение личности в социалистическом коллективе. Отдавая приоритет общественному хозяйству и обслуживанию, Барщ и Владимиров настаивали на значительном увеличении площади помещений культурно-бытового назначения. Вследствие этого предложенный ими тип дома-коммуны оказался несостоятельным в экономическом отношении (как, впрочем, и многие другие проекты такого же типа) [21, с.182–184].

Очевидно, что в большинстве проектов был недостаточно проработан вопрос об организации социально-бытового устройства в доме будущего [5, с.112]. Пожалуй, наиболее зрелые (хотя и не лишённые ошибок) обоснования направленности социалистической реконструкции быта и жилища содержались в книге Н. А. Милютина «Проблема строительства социалистических городов» [12].

Проект застройки жилого района Сталинграда, предложенный архитекторами А. и Л. Весниными, представлял собой соединение домов-коммун. Дом-коммуна для Магнитогорска был замыслен как единый комплекс, состоящий из шести пятиэтажных корпусов со спальными ячейками, а также отдельных зданий – клуба, столовой и детских учреждений. Проектные предложения по домам-коммунам, представленные на конкурс 1930 г. в Ленинграде, отличались количеством помещений, этажей в этих зданиях. В 1929 г. в Москве, в Хавско-Шаболовском пе-

реулке, был построен первый дом-коммуна по проекту архитекторов Г. Вольфензона и С. Леонтовича³. На каждом этаже, кроме общественной столовой, располагались общие кухни. Были запроектированы солярий, гимнастическая комната, комната для занятий. Другой опыт – строительство студенческого дома-коммуны на 2000 человек в Москве, в Донском переулке (1930 г.)⁴. Архитектор И. С. Николаев предложил там своеобразную трактовку коллективизации жизни. Индивидуальным оставался только сон, для чего предназначались специальные двухъярусные спальные кабины. Были предусмотрены помещения для учебы, питания, отдыха, физкультуры, культурно-просветительной работы, а также детские ясли, прачечная и починочная [21, с.81–84]. Дома коммунального типа, построенные в Москве, Ленинграде, Магнитогорске, Горьком и ряде других городов, стали важным этапом в становлении коллективной системы общежития.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г. [14] были осуждены левацкие загибы при проектировании домов для трудящихся, поскольку это могло привести к «жесткой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта». Перед руководящими органами и архитекторами ставилась задача более реалистичного отношения к организации «нового быта» советских граждан. Однако строительство домов-коммун не получило тогда заметного распространения в СССР. Это было обусловлено комплексом причин. Сказались теоретическая незрелость провозглашенных идей, навязанных проектами социалистов-утопистов прошлого, недооценка современных бытовых потребностей людей, а также крайний радикализм теоретиков и практиков строительства новой жизни (требования немедленной ликвидации семьи и брака, полного отчуждения и изоляции детей от родителей, призывы к казарменной регламентации и примитивизации быта).

³ Сейчас Хавско-Шаболовский жилой комплекс: памятник архитектуры, комплекс зданий в стиле рационализма, расположенный в Даниловском районе Южного административного округа города Москвы. Жилой массив расположен в пределах улиц Шаболовка, Лестева, Хавской и Серпуховского Вала и включает дом 13, корпус 3, дом 15, корпуса 1 и 2, дом 19, корпуса 1 и 2, дом 21, корпус 2 по улице Лестева; дом 63, корпус 2, дом 65, корпус 2 и дом 67 по улице Шаболовка; дом 22, корпуса 2 и 3, дом 24, корпуса 1 и 2 и дом 28 по Серпуховскому Валу.

⁴ Здание расположено близ пересечения улицы Орджоникидзе и 2-го Донского проезда, в настоящее время имеет адрес 2-й Донской проезд, дом 9. В 1968 году дом-коммуна реконструировали под общежитие Института стали и сплавов: был перестроен первый этаж, а комнаты увеличены за счет части коридоров. В сентябре 2013 года были завершены реставрационные работы в спальном корпусе. К 2017 году реставрация здания была завершена. В общественном корпусе разместились столовая, научные лаборатории, лекционные и выставочные залы МИСиС.

Все это вульгаризировало идею коллективного коммунистического быта. Неудивительно, что построенные в Москве дома-коммуны были переделаны под общежития. Неудача усугублялась и тем, что советская экономика в те годы еще не была готова к созданию крупных учреждений общественного питания, культуры и быта, которые соответствовали бы высоким стандартам. Все силы и средства в стране были сконцентрированы на решении необходимой задачи – создании тяжелой индустрии.

Ориентация во второй половине 1920-х гг. на создание домов-коммун, предполагавших отнюдь не подготовленное жизнью радикальное переустройство быта с его полным обобществлением, лишь задержала процесс разработки стандартной рациональной городской квартиры. Главный недостаток домов коллективного типа заключался в высокой стоимости их строительства и эксплуатации. Особенно велика была оплата ухода за детьми. Создавался парадокс: обобществление, призванное удешевить стоимость обслуживания, приводило к его удорожанию. Одной из основных причин этого служила небольшая вместимость жилых комплексов. Были малы и поэтому нерентабельны столовые, прачечные и особенно детские учреждения. Практика показала также, что следовало разнообразить типы коллективных домов как по составу квартир,

Дом Наркомфина (архитектор Моисей Гинзбург)

так и по структуре общественных учреждений (применительно к различному демографическому составу семей, их занятиям).

В наши дни многое в проектах жилища, предложенных в 1920–30-е гг., кажется наивным и порой даже смешным. Однако, несмотря ни на что, это яркая страница истории советской архитектуры.

Библиографический список

1. Аристотель. Политика. М.: Тип. М.А.Александрова, 1911. 466 с.
2. Вельман В. Дом-коммуна // Современная архитектура. 1929. №4. С.122–123.
3. Внерабочее время трудящихся. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения АН СССР, 1961. 256 с.
4. Гинзбург М.Я. Жилище. М.: Гос. научно-техническое изд-во строительной индустрии и судостроения, 1934. 190 с.
5. Из истории советской архитектуры. 1926–1932. Документы и материалы. М.: Наука, 1970. 211 с.
6. Кампанелла Т. Город Солнца. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 228 с.
7. Ленин В.И. Соч. Т.29. Изд. 4. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1950. 561 с.
8. Макаренко А.С. Соч.. Т.7. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1952. 573 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. Изд. 2. М.: 1955. 630 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1955. 630 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1961. 745 с.
12. Милютин Н.А. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 81 с.
13. Мор Т. Утопия. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 296 с.
14. О работе по перестройке быта. Постановление Госполитиздат ЦК ВКП(б) // Правда. 1930. 29 мая. №146.
15. Оуэн Р. Избранные сочинения. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Т.1. 415 с.
16. Платон. Соч. Ч. III. Политика или государство. СПб.: Тип. «Странник», 1863. 532 с.
17. Сабсович Л.М. Социалистические города. М.: Московский рабочий, 1930. 124 с.
18. Синицын В.Г. Формирование коммунистического быта // Коммунист. 1963. №7. С.71.
19. Тезисы по жилью // Современная архитектура. 1929. №4. С.121–122.
20. Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир. М.: Соцэргиз, 1939. 502 с.
21. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 373 с.
22. Хигер Р.Я. Общество современных архитекторов – ОСА // Советская архитектура. Вып. 18. М.: Изд. литературы по строительству, 1969. С.19–20.

Даже часы истории имеют
своих часовщиков.

Богуслав Войнар

Никто не нарушает прав
человека, кроме человека.

Веселин Георгиев

Историк – это нередко журналист, обращенный вспять.

Карл Краус

Защита права есть обязанность перед обществом.

Рудольф Иеринг

Дарья Сазонова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РОЛЬ С.С.УВАРОВА В СОЗДАНИИ И РАБОТЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

УДК

94 (47).072

В статье характеризуется роль С.С.Уварова, президента Академии наук, а затем и министра народного просвещения, в процессе создания и на начальном этапе работы Петербургской Археографической комиссии. Концепция «православие, самодержавие, народность» Сергея Семеновича Уварова оказывала значительное влияние на устройство комиссии и ее деятельность. Во многом Археографическая экспедиция П.М.Строева и публикация результатов ее работы, а затем и постоянная Комиссия для издания русских источников, – это результат покровительства Уварова. С одной стороны, Уваров непосредственно вмешивался в организационную и научную деятельность Комиссии. С другой стороны, это вмешательство гарантировало постоянную, систематическую и регламентированную публикацию источников по русской истории.

The role of S. S. Uvarov, the president of the Academy of Sciences, and later the Minister of Public Education, in the process of creating and at the initial stage of the work of the St. Petersburg Archeographic Commission is characterized in this article. The concept of “Orthodoxy, autocracy, nationality” by Sergey Semenovich Uvarov had a significant impact on the structure of the commission and its activities. In many ways, the Archeographic expedition of P. M. Stroeve and the publication of the results of its work, and then the regular Commission for the publication of Russian sources, are the result of Uvarov's patronage. On the one hand, Uvarov directly interfered in the organizational and scientific activities of the Commission. On the other hand, this intervention guaranteed the constant, systematic and regulated publication of sources on Russian history.

Ключевые слова: С.С.Уваров; П.М.Строев; Н.Г.Устрялов; Археографическая комиссия; триада «православие, самодержавие, народность».

Key words: S.S.Uvarov; P.M.Stroeve; N.G.Ustryalov; Archeographic Commission; triad “Orthodoxy, autocracy, nationality”.

E-mail: s.daffna@mail.ru

**Переосмысление
отечественной истории**

Победа России в Отечественной войне 1812 г. способствовала развитию русского национального самосознания и переосмыслению собственной истории. Происходил процесс широкого обращения к отечественному прошлому в культуре и политике. На резкий рост интереса к прошлому повлияло издание «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина в 1818–1829 г. Однако по-прежнему остро стояла проблема культурного разрыва между образованной, европеизированной элитой и остальным населением, как одного из последствий петровских реформ. В то же время в самом образованном обществе существовал раскол в понимании национального прошлого, граница этого раскола проходила по XVIII в., который делил историю на «старую и новую», «чужую и свою» [16, с.317]. Древняя русская история и культура представлялись незначительными и неинтересными. Проблема заключалась в том, что европеизированные дворяне теряли связь не только с русской культурой, но и с политической традицией Русского государства, что ярко продемонстрировало восстание декабристов [22, с.148–149]. Оно подтолкнуло правительство Николая I к скорейшему реформированию системы образования, прежде всего гуманитарного, отвечающего за формирование национального самосознания и развитие государственной идеологии. Необходимость преодоления раскола в понимании прошлого была очевидна не только как проблема идеологическая, но и как научно-просветительская.

**«Национальные начала»:
«Православие, Самодержавие
и Народность»**

Сформировать государственную идеологию, основанную на национальной культуре и истории, и в соответствии с ней реформировать систему просвещения предстояло С.С.Уварову. Чтобы рассмотреть вклад Уварова в развитие образования и науки в России, необходимо остановиться подробнее на предложенных им идеях. Впервые его взгляды на дальнейшее развитие просвещения в России в духе «православия, самодержавия, народности» были официально обнародованы в «Отчете по обозрению Московского университета» (4 декабря 1832). Этот документ Уваров составил по результатам ревизской поездки в Московский университет в качестве товарища министра народного просвещения. Здесь коротко упоминались «истинно русские хранительные начала Православия, Самодержавия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия наше-

Портрет министра народного просвещения
С.С.Уварова. Худ. В.А.Голике. 1833

го Отечества» [20, с.326]. Преподавателям университета Уваров предлагал организовать научный журнал, чтобы с его помощью «внушить молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на узвание нашей народности во всех ее различных видах» [20, с.304]. Следующим документом, где наиболее полно раскрывается триада Уварова, стал «Всеподданнейший доклад управляющего Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 года» («О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного про-

свещения»), подготовленный С.С.Уваровым уже в качестве исполняющего обязанности главы Министерства народного просвещения. В этом докладе Уваров писал, что, вступая в должность министра, он сделал лозунгом своего управления выражение: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [18, с.102–103]. Здесь министр отмечал, что: «Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе», Россия, «сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим». Правительству и Министерству в лице Уварова предстояло собрать эти «священные остатки» «ее народности» «в одно целое и связать ими якорь нашего спасения» [18, с.103–104]. Отыскивая начала, составляющие «собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум)», находим три главных: «1) Православная Вера 2) Самодержавие 3) Народность». Православие важно для государства, так как «без любви к Вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть», ослабление веры ведет народ к «низшей степени в моральном и политическом предназначении». Самодержавная власть – «главное условие политического существования России в настоящем ее виде». «Русский Колосс» опирается на него, как на «краеугольный

камень»; «рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный», эта истина понятна большинству русских. И эта истина должна «присутствовать и развиваться в народном воспитании». Наряду с этими «национальными началами» есть и третье, не менее важное – народность, связывающая «Трон и Церковь». Народность и самодержавие, по мнению Уварова, «проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице истории Русского народа». Все затруднение в представлении о народности «заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях». Необходимо сохранять «неприкосновенным святилище наших народных понятий, если мы примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к народному воспитанию» [18, с. 105–106].

Эти основные положения триады Уварова обычно характеризуются многими исследователями, но не все обращают внимание на то, что в большинстве документов, раскрывающих эту формулу, министр связывает ее сущность и возможность распространения, в первую очередь, с гуманитарными предметами, в частности, с историей. Он полагал, что «в народном воспитании, преподавание истории есть дело государственное» [19, с. 204], и история первый по важности предмет в народном воспитании [21, с. 261]. По прошествии нескольких лет своей работы в Министерстве Уваров составил отчет: «Обозрение истекшего пятилетия» (1839). Министр начал отчет с краткой характеристики истории русского просвещения, подчеркнул его древность и уникальность, а затем отметил существующую в настоящее время проблему подражательности и культурных заимствований [10, с. 1–3]. Ответ на вопрос, в чем же должны заключаться современные «начала нашего народного просвещения», Уваров видел в «опыте веков и особенно в бытописании нашего Отечества». Министр выводил особенности русского народа непосредственно из исторического опыта: «Дух Русский, здравый, высокий в простоте своей, смиренный в доблести, непоколебимый в покорности Закону, обожатель Царей, готовый все положить за любезное Отечество, искони возвышал нравственные силы его». Из истории вытекала и сама концепция Уварова: «Самодержавие соединило расторженные члены Государства, врачевало язвы его, дало ему единство и упрочило его целость» в масштабах, небывалых еще в «Истории мира». Наконец, православная вера «помогла ему устоять среди всех бурь и волнений; сохранила бытие России при напоре полудиких орд языческого Востока и полупросвещенных полчищ мятежного Запада». Вера же и ныне слу-

жит «вернейшею защитою от того развращения умов, которое гибельнее всех физических воль и иноплеменных нашествий». Обосновав роль самодержавия и православия в истории и современности, и как «надежду на будущее», Уваров подчеркнул, что теперь все действия «Учебных мест и лиц» приняли единое направление и «двинулись далее» «в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [10, с. 7–8]. Цель всех этих единоплавленных усилий заключалась в постепенном преодолении «слепого пристрастия к чужеземному». На этом пути надлежало Карамзину написать «Историю, достойную Русского народа», чтобы «представить юным поколениям все наше древнее достоинство» [10, с. 3–4].

Последний раз по отношению к императору Уваров упомянул свою триаду в 1849 г. в «Обзрении Управления Министерством народного просвещения». Перечисляя в начале «Обзрения» «главнейшие указания» императора на момент 1833 г., министр отметил один из пунктов: «ввести в преподавание публичных заведений дух Русский, под тройственным влиянием Православия, Самодержавия и Народности, возбуждая в молодых людях уважение к Отечественной Истории, к Отечественному языку, к Отечественным учреждениям» [11, с. 248]. Теперь же, по истечении шестнадцати лет, одним из достижений является то, что «преподавание повсюду приноровлено к Отечественному началу. – Изучение Русского языка и Русской Истории, уважение к Русскому началу противопоставляется влиянию иностранного духа». Министр считал, что этому способствовало «огромное издание Археографической Комиссии и полного Русского Словаря» и заключил: «можно без преувеличения сказать, что новое поколение лучше знает Русское и по-Русски, чем поколение наше» [11, с. 251–252]. Таким образом, Уваров подчеркнул, что его концепция была направлена прежде всего на систему просвещения и главным образом затрагивала гуманитарные науки.

Николай I и Императорская Академия наук

Главным научным заведением, отвечающим за изучение русского языка и истории, организацию упомянутых Уваровым Археографической комиссии и издание Словаря, была Академия наук. Императорская Академия наук, ведущее научное учреждение в России XIX в., накануне восшествия Николая I на престол находилась в тяжелом материальном положении. Происходил отток зарубежных ученых, а те, что оставались, вынуждены были зарабатывать вне ее стен, отвлекаясь

от научной деятельности. Новый император обратил особое внимание на состояние науки, и чем пристальнее было это внимание, выражавшееся в крупных ассигнованиях, тем значительнее были научные достижения. Важную роль в том, что Россия к 60-м гг. XIX в. подошла к масштабным государственным реформам, сыграло «неослабевающее внимание правительства к потребностям современной науки» и в первую очередь к Академии наук. Так характеризует положение Академии наук во второй четверти XIX в. современная исследовательница истории науки М. Ф. Хартанович [23, с.4].

Во многом назревшие реформы Академии наук были связаны с ее новым президентом – С. С. Уваровым, занявшим этот пост еще в 1818 г., но в полную меру развернувшим свою плодотворную деятельность в 30-е гг. XIX в., когда он совмещал эту должность с постом министра народного просвещения. В 1830 г. был принят академический штат, по которому прошло новое деление по отраслям наук, отвечающее их развитию за последние тридцать лет. По Академическому уставу 1836 г., Академия, сохранив свои существенные черты, значительно расширила научную деятельность, обогатив коллекции научных музеев, открыв новые академические учреждения, и главное, получив вдвое возросшие ассигнования. Следующим важным изменением в сфере Академии наук, значительно повлиявшим на гуманитарные науки, стало присоединение к ней бывшей Российской академии в виде Отделения русского языка и словесности в 1841 г. Новая структура Академии объединила три отделения: Физико-математическое, Русского языка и словесности, и Историко-филологическое [23, с.5]. Второе и третье отделения были тесно связаны друг с другом в силу неразделенности гуманитарных дисциплин. Как отмечает Хартанович, что подтверждается архивными и нор-

Портрет императора Николая I.
Е.И.Ботман. 1856

мативными источниками, значительный вклад Николая I и С.С.Уварова в процесс развития Академии наук в историографии отражен еще очень слабо [23, с.14–15]. Историк полагает, что «триединая формула» Уварова вела Россию «через то, что именуется "модернизацией", "консервативным обновлением" к созреванию без потрясений и без угрозы чувству национальной гордости» [23, с.20–21].

Именно на такое преобразование русского просвещения, последовательное, неспешное, тесно связанное с национальной культурой и историей, были направлены реформы Уварова. Историческому просвещению и культурному наследию отводилась роль основы для государственной идеологии николаевского царствования. Заостренное внимание императора Николая I к историческому наследию отражало сложную взаимосвязь государственной задачи по формированию идеологии и внутренней потребности развития науки. Теоретические построения ученых-гуманитариев должны были опираться на практические исследования и памятники старины как зримое воплощение провозглашаемых ценностей. Важную роль в этом играли разные учреждения и комиссии, создаваемые при Академии наук и Министерстве народного просвещения. В то же время такое на первый взгляд далекое от проблем правительства «сугубо научное гуманитарное учреждение», как Историко-филологическое отделение Академии наук, тоже находилось во взаимосвязи с концепцией Уварова. «Идеология строящегося государства должна была иметь крепкий фундамент традиций исторического прошлого» [23, с.115]. Историко-филологическое отделение вело масштабные научные разработки в сферах статистики, исторической географии, демографии, этнографии и языкознания, отвечая потребностям огромного многонационального государства и общества. Освоение новых территорий империи на Кавказе и в Азии также требовало научных экспедиций и исследований, проводившихся под знаменем Академии наук.

«Муза Клио» и «Просвещенный вельможа» граф Уваров

Одним из самых значительных мероприятий для исторической науки, проведенных совместными усилиями Академии наук и Министерства

народного просвещения, стала Археографическая комиссия (1834 г.). Нужно отметить, что с 1810 по 1825 г. в исторической академической науке наблюдался некоторый застой, ни один историк, кроме ориенталиста Х.Д.Френа, не был избран в действительные члены или член-корреспонденты Академии. Тем не менее исторические исследования

Н. М. Карамзина, И.Ф.Г.Эверса и членов Румянцевского кружка стимулировали общенаучный интерес именно к отечественному прошлому [23, с. 114–115]. Молодой историк П. М. Строев, ученик Каченовского и выходец из кружка Н. П. Румянцева, еще в 1823 г. представил Обществу истории и древностей российских проект археографической экспедиции для сбора древних исторических источников в библиотеках и архивах. Небольшие экспедиции он уже предпринимал вместе с К. Ф. Калайдовичем в 1817–1820 гг. Однако тогда эта идея не была поддержана Обществом, в том числе по финансовым соображениям. Зато идея была поддержана президентом Академии

Портрет археографа П.М.Строева.
Неизвестный художник

наук Уваровым, который утвердил план Строева [13, с. 306]. Как писал Н. П. Барсуков в биографии Строева, «предание гласит», что его речью о необходимости экспедиции заинтересовалась Великая княгиня Мария Павловна. Это воодушевило Строева написать письмо Уварову, в котором он напомнил ему его собственные слова о предыдущем опыте Академических экспедиций, в том числе Г. Ф. Миллера по Сибирским архивам [4, с. 150]. К этому письму он приложил план предполагаемого путешествия с изложением обязанностей Археографа по отношению к Академии. Письмо было передано Уварову через графа Ф. А. Толстого, известного коллекционера древних рукописей, в библиотеке которого работал Строев. Толстой сообщал Строеву, что Уваров счел необходимым обсудить этот вопрос через Конференцию Академии наук. Мнение Конференции выразил Ф. И. Круг, который назвал «священной обязанностью» Академии «спасти от гибели то, что еще можно спасти», Строева – лучшим претендентом на роль Археографа, а его план – весьма «рассудительным». После такого отзыва Академии Строев получил от Толстого еще одно письмо, в котором тот сообщал, что путешествие

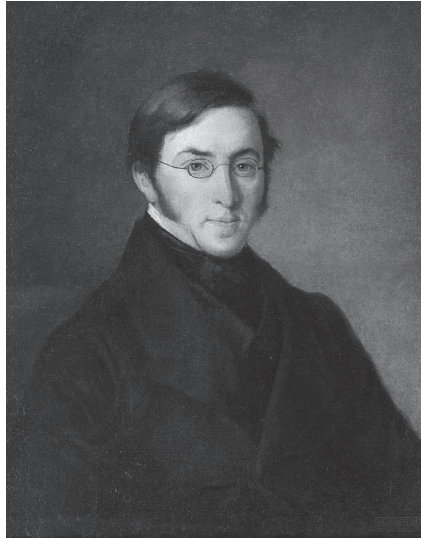
его «Государем утверждено» и на него «полагается десять тысяч рублей» [4, с. 152–157].

В 1828 г. проект Археографической экспедиции по России был утвержден Советом министров [4, с. 162]. П. М. Строев и его помощник Я. И. Беренников провели шесть лет (1828–1834) в экспедициях по России и представили несколько тысяч исторических средневековых памятников, извлеченных из хранилищ монастырских и церковных библиотек. В 1834 г. по инициативе Уварова Экспедиция была преобразована в Комиссию, которая должна была заняться научной обработкой и изданием собранного материала [13, с. 306]. В 1837 г. ввиду перспективности дальнейших археографических исследований Комиссия стала постоянной, состоящей при министерстве народного просвещения, ее устав был утвержден императором [23, с. 115]. Этим была заложена база для дальнейшего систематического выявления, публикации и изучения исторических источников. Многие члены Археографической комиссии стали членами Академии наук по Отделению русского языка и словесности или – Историко-филологическому. Комиссия получила возможность требовать получения рукописей из российских архивов, библиотек, покупать их у частных лиц, а также, имея своих корреспондентов за границей, выявлять и приобретать документы в иностранных хранилищах.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея сохранились документы, демонстрирующие не только значительную личную роль Уварова в работе Комиссии, но и свидетельствующие о его глубоком уровне понимания проблем источниковедения русской истории. В фонде Уваровых есть записка 1832 г. историка Н. Г. Устрялова «Об издании Источников Русской Истории до конца XVII столетия» [1, л. 31–42 об.]. Устрялов сетовал, что русская история по сравнению с европейской представляет «поле скудное, слегка и как бы лениво возделанное». По его мнению, история от основания государства и дальше «часто темна, часто неверна и всегда почти сомнительна, по крайней мере, не имеет твердого основания». Конечно, «Карамзин многое открыл и пояснил до 1612 года; еще более оставил для пояснения потомству...» Теперь, чтобы раскрыть многие вопросы русской истории, необходимо выявить материалы, «кои доселе истлевают в Архивах и библиотеках, рассеянные от Архангельска до Воронежа, от Иркутска до Варшавы» [1, л. 31–31 об.]. Тем не менее даже уже выявленные материалы столь недоступны для исследователя, что необходимо как можно скорее наметить четкий план их публикации. Дело издания этих материалов столь масштабно и сложно, что требует совершать его «единственно под ру-

ководством вельможи сильного и просвещенного». Тем самым автор пытался заручиться поддержкой Уварова. Более того, для ускорения и удешевления процесса он предложил, издавая русские летописи, «составить из всех списков один полный свод», выбрав за основание один, а разночтения давать в примечаниях [1, л.37–38 об.]. В комментарии в конце текста Устрялов пояснил, что, если сумма слишком значительна (100.000 руб.) или другие обстоятельства будут препятствовать исполнению этого плана, «по крайней мере можно было бы ныне же приступить к собранию Исторических Источников XVII столетия, под заглавием: "Собрание Источников Русской Истории XVII столетия. Издал Сергей Уваров"» [1, л.41].

В сохранившемся черновике ответа Уварова он подчеркнул, что мысль об издании всех материалов Российской истории «есть мысль высокая, патриотическая, Европейская: История без этого издания – хранина на песке». И согласился с обязательной особой ролью «вельможи»: «Клио благодарнее всех Муз: она предаст позднейшей памяти имя того просвещенного вельможи, который даст Русским ученым средства воздвигнуть такой славный национальный памятник» [1, л.43–44]. Однако, Уваров полагал, что «начертать план» для этого предприятия можно только с окончанием экспедиции Строева, когда будет известно точное количество, сохранность и содержание найденных рукописей. Он предложил, «чтоб не пропадало время и не охладевало усердие в любителях Истории, равно как и для облегчения будущих трудов», издать ряд указателей к источникам. В то же время, советуя Устрялову заняться изданием «Несторовой Летописи», он считал невозможным издать одну «Сводную летопись», поскольку «тогда изгладилась бы признаки всех частных летописей, и затруднилась бы критика при суждении о достоинстве той или другой Летописи, пристрастии и беспристрастии летописателей» [1, л.43–43 об.]. Погодин, по мнению Уварова, мог бы заняться печатанием известий,

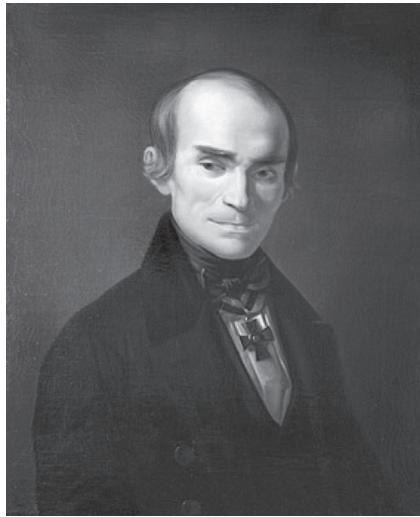
Портрет историка Н.Г.Устрялова.
Худ. В.А.Тропинин. 1850

связанных с переговорами и пребыванием иностранных послов в России. Академики Круг и Френ «исполняют с успехом» «извлечения из Северных и Западных (Латинских) Летописателей, и Восточных (Арабских)», как это было сделано в прошлом веке академиком И.М.Стритгером. Все названные лица, вместе с другими «изыскателями» «должны составить особую Комиссию, которая вполне систематически приступит к своим действиям немедленно по окончании путешествия Г.Строева» [1, л.44].

Таким образом, к 1832 г. у Уварова в общих чертах уже сложились представления о необходимости создания комиссии, способствующей изданию найденных Строевым и другими исследователями источников. В то же время нельзя не отметить хорошее понимание им особенностей русского летописания, исключающих возможность сделать из разных сводов один, тем самым снизив научную ценность такого издания. Этому способствовало вероятно не только собственное образование филолога-«античника» Уварова, но и постоянная переписка со Строевым, которая позволяла ему оставаться в курсе хода экспедиции, ее проблем и достижений. Более того, он пытался привлечь внимание к экспедиции на самом высоком уровне. Так, например, в феврале 1832 г. он писал тогдашнему министру народного просвещения К.А.Ливену о том, что особенный интерес представляют собой «Акты Историко-юридические» и просил его представить еще не изданные копии императору Николаю I [2, л. 101–103 об.]. В том же месяце Строев в письмах сообщил Уварову о ходе своего путешествия и отправил ему «четыре редкие грамоты князей Пожарского и Трубецкого» времен Смутного времени с их личными подписями [2, л. 105–105 об.]. В черновике ответного письма Уваров благодарил Строева за честь первым видеть «один из полезных плодов его деятельности, коим он оказывает истинную услугу» соотечественникам [2, л. 106]. И снова через Ливена Уваров посылал эти рукописи, комментируя их научную ценность и прося повергнуть «вместе с подлинниками и копии с сих актов к стопам Его И.В.» [2, л. 107–107 об.]. Как видно из последующей переписки Строева с Уваровым, во-первых, Уваров служил гарантом поддержки дела Строева различными государственными чиновниками [2, л. 113–120], а во-вторых, какие-то из материалов экспедиции действительно становились известными императору. Так, в марте 1832 г. Строев писал Уварову, что «приказ Пушкарский был некогда то же, что военное министерство в обширном смысле». И поскольку имеется весьма небольшое количество источников, связанных с военными постановлениями царей в XVI–XVII вв., необходим срочный разбор бумаг Пушкарского приказа, «после 1812 г. сваленных грудями в здешнем [Московском] Арсенале» [2, л. 108–108 об.]. Для этого требовалось предписание военного министра,

о получении которого свидетельствуют черновик письма Уварова военному министру А.И.Чернышеву 13 марта 1832 г. [2, л.109–109об.] и официальный ответ Чернышева с «немедленным распоряжением о допущении Строева к разбору сих бумаг» и «всевозможном» ему содействии от 18 марта 1832 г. [2, л.110–110об.]. В майских письмах Строев сообщал, что приступает к разбору бумаг Пушкарского приказа, которые находятся в «отвратительном беспорядке», и просил Уварова вернуть ему копии «Актów Историко-юридических», посланных еще в феврале [2, л.111]. Однако в черновике ответа Уваров сообщал археографу, что не может пока вернуть эти копии, так как они находятся у императора, и он отправит их Строеву позже [2, л.112]. Дальнейшая переписка раскрывает планы Строева на 1834–1835 гг. и планы Уварова по его «патриотическим стараниям» о «собрании во едино древних рукописей» и их публикации [2, л.121–123об.]. Тот факт, что император лично знакомился с трудами Строева, подчеркивает и биограф М.П.Погодина, Н.П.Барсуков. Он писал, что при ревизии Московского университета 1832 г. Уваров сказал профессорам, что «Государь любит и хорошо знает Отечественную Историю», «собранные Строевым документы прочел сам и велел немедленно издать их в свет» [3, с.72].

Результаты экспедиции были весьма успешными, в Петербург было доставлено более двух тысяч документов [5, с.12]. Это побудило Уварова обратиться к царю с непосредственным предложением о создании при министерстве народного просвещения «Комиссии для издания актов, собранных Археографической экспедицией» [8, с.VII]. Доклад был утвержден, председателем создаваемой Комиссии был назначен начальник департамента министерства народного просвещения П.П.Ширинский-Шихматов. Членами Комиссии стали: Я.И.Березников, Н.Г.Устрялов, П.М.Строев и К.С.Сербинович [12, с.43]. Уваров составил «Правила комиссии для издания собранных Археографической экспедицией актов» [9, с.288. №7696], определяющие

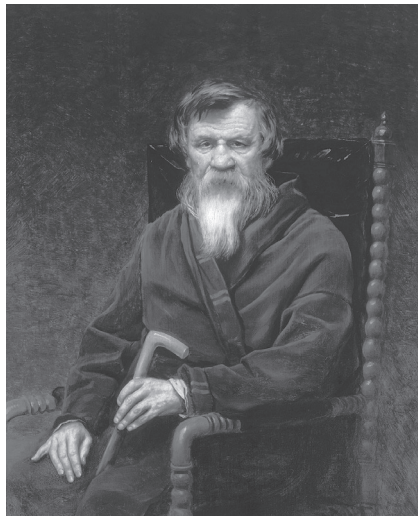

Портрет археографа Я.И.Березникова.
Неизвестный художник

структуру, обязанности и финансирование этого учреждения [12, с. 76]. После исполнения первоочередной обязанности: «напечатать акты, собранные Строевым», Уваров полагал необходимым «расширив и преобразовав комиссию, предназначить оную к изданию недостающего у нас систематического и полного собрания источников отечественной истории. Подобные собрания существуют для истории всех европейских народов, мы же не имеем доселе правильного издания летописи Нестора» [8, с. VIII]. Сочетание внутренней логики развития науки и усиленного государственного интереса к сфере изучения истории делали очевидной необходимость правительственной поддержки создания и работы специального и постоянного археографического учреждения [5, с. 13]. После издания в 1836 г. первых четырех томов «Актов Археографической экспедиции» и выполнения ею временной задачи Комиссия была преобразована в постоянную в 1837 г., как настаивал на этом Уваров. Характер научной деятельности Комиссии поменялся с выполнения разового поручения правительства на постоянную и систематическую работу по изданию источников отечественной истории до XVIII в. «Правила для руководства Археографической комиссии», регулирующие ее название, научно-организационную структуру и основные направления деятельности, были утверждены 18 февраля 1837 г. Они представляли собой подробную инструкцию по изданию источников, и главная роль в их составлении принадлежала Н.Г. Устрялову. Хотя в части, относящейся к обязанностям Комиссии и ее положению в системе министерства народного просвещения, не обошлось без вмешательства Уварова [5, с. 14–15].

Уваров оказывал непосредственное влияние на состав и научную деятельность Комиссии. Исходя из «Правил», председатель назначался по докладу министра народного просвещения царем, самим министром назначались члены Комиссии, правитель дел, чиновники, художники и корреспонденты. Все перечисленные, кроме членов Комиссии, назначались по докладу председателя [15, с. 3–4]. Ученая часть Комиссии также непосредственно контролировалась министром: протоколы заседаний представлялись министру на утверждение [15, с. 12]. Комиссия получала постоянные ассигнования в размере 4 тыс. руб. асс. в год [5, с. 15]. Министр назначал из членов Комиссии двух главных редакторов, в соответствии с делением всех источников, предназначенных к публикации на «1) сочинения, составляющие славяно-русскую литературу собственно исторического содержания; 2) акты государственно-юридические» (то есть летописи и акты) [15, с. 4]. «Правила» включали в себя

подробную инструкцию для редакторов по изданию летописей и актов [15, с. 6–10]. Кроме непосредственной публикации письменных источников, Комиссия должна была подготовить и издать «возможно полное» описание русских монет и медалей [15, с. 11]. И наконец, Комиссия обязана была выполнять «все поручения министра народного просвещения, относящиеся к русской истории и древности» [15, с. 16]. Такая высокая степень вмешательства Уварова в работу Комиссии играла двойственную роль. С одной стороны, состав этого учреждения во многом зависел от предпочтений министра и его видения задач, стоящих перед Комиссией. Так, например, председателем стал князь П. А. Ширинский-Шихматов, литератор и чиновник министерства народного просвещения, не обладающий, однако, специальными знаниями для руководства научным учреждением. В то же время он отвечал за работу Комиссии в нужном Уварову русле [5, с. 17]. С другой стороны, вмешательство президента Академии наук и министра гарантировало осуществление надежды историков, выраженной М. М. Погодиным в его «Взгляде на русскую историю». Погодин, отстаивая необходимость и полезность изучения русской истории перед студентами Московского университета, подчеркивал, что сейчас самое время «начать свои труды», поскольку «Августейший Монарх принимает Отечественную историю под высокий покров Свой», а наше «просвещенное Начальство» «предоставляет все нужные средства» для исторических занятий, постигая всю их важность. В заключение историк повторил «всегдашнее наше желание», чтобы скорее были изданы источники русской истории, «чтобы плоды Археографической Экспедиции Строева были обнародованы во всеобщее сведение, и не остались тлеть в архивах, как то к несчастью случилось с трудами других наших незабвенных исследователей» [14, с. 17–18]. То есть Уваров гарантировал сам факт того, что под его покровительством «просвещенного вельможи» публика-

Портрет историка М. П. Погодина.
Худ. В. Г. Перов. 1872

ция найденных на тот момент источников по русской истории будет осуществлена в полной мере и достаточно быстро, а в дальнейшем станет систематическим, четко отрегулированным, в том числе законодательно, процессом. Как отмечает исследователь истории Археографической комиссии В. С. Брачев, скорость работы и издания источников иногда влияла на качество публикаций, но нужно учитывать, что «речь идет о том периоде в истории русской исторической науки, когда архивные материалы» были почти недоступными для исследователей и «фактическая разработка ее осуществлялась на основе сравнительно небольшого круга опубликованных к этому времени исторических источников». «Дальнейшее поступательное развитие» науки было бы сильно затруднено без скорейшего «умножения числа материалов, подлежащих исследованию историков». Несмотря на сознательное ускорение и некоторое упрощение процесса, «научный уровень» изданий «оставался все же достаточно высоким» [5, с.33].

Выводы

Таким образом, при поддержке императора Николая I, Академией наук и ее президентом Уваровым, министерством народного просвещения и трудами экспедиции Строева были заложены основы систематического поиска и научной публикации источников по истории России.

Началась публикация «Полного собрания русских летописей», «Актвов исторических», «Актвов юридических» и массы других источников, заложивших основы для дальнейшего развития науки [13, с.306]. Показательно, что сам Уваров оценивая в своем обширном десятилетнем «Отчете по министерству народного просвещения» достижения Академии наук, посвящает Археографической экспедиции несколько страниц. Исходя из цели «подвинуть умственную жизнь России вровень с прочими нациями», «дать ей самобытность народную», «основать ее на началах собственных и привести в соответствие с потребностями народа и государства», Уваров подчеркивал, что Академия наук «сделалась учреждением вполне национальным». Отдельно охарактеризовав «Ученые путешествия от Академии наук», министр перешел к важнейшему из всех успехов, «предприятию», «обновившему народную нашу историю в ее источниках» [17, с.398–400]. Уваров писал, что указы Петра I и Екатерины II в области древних бумаг оставались неисполненными, а первыми, кто занялся публикациями летописей, были Г.Ф.Миллер, С.С.Башилов и А.Л.Шлецер. Многие материалы исторические до Ка-

рамзина были просто неизвестны, не то, что обработаны и изданы. Археографическая экспедиция осмотрела четырнадцать губерний, составлявших «некогда коренную Русь». В результате, кроме непосредственно нахождения рукописей, были составлены их научные каталоги. Были опубликованы: «временник Нестора», летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская. После появились «Акты, относящиеся к Западной России» и «Акты юридические». Археографические изыскания проводились также в Швеции, обогатив историю Смутного времени и первых Романовых; были исследованы архивы Ватикана. Главнейшее достижение экспедиции состоит в том, что она решила вопрос «о количестве и свойстве уцелевших до нашего времени летописей; она указала ученым, где и чего должно искать» [17, с.408–410]. Уваров пришел к выводу, что изданные документы «поставляют отныне будущего историка России в необходимость расширить круг наблюдений и проникнуть далее в пределы, недоступные Карамзину». Отныне русская история ждет «нового делателя с новым взглядом на предметы», готовит ему запас сведений, недоступных Карамзину, «и от соображений коих история нашего отечества во многом должна переродиться и стать наряду с памятниками прочих европейских государств» [17, с.411]. В целом, историческая наука во второй четверти XIX в. получила значительную источниковую базу, подготовившую ее расцвет во второй половине века. Собранный Комиссией богатый материал позволил по-новому и объективно подойти к разрешению многих исторических проблем. Издания древних памятников помогли «заново осмыслить исторический путь Российского государства, вычленив важные звенья государственного строительства прошлого, дать широкому отечественному читателю возможность ознакомиться с историческими памятниками» [23, с.125].

Подводя итоги, можно сказать, что взгляды Уварова и его профессиональные качества способствовали как проведению Археографической экспедиции П.М.Строева, так и последующему изданию результатов ее трудов. Уваров находился в постоянной переписке со Строевым, обеспечивал ему поддержку не только в среде высших чиновников, с которыми приходилось иметь дело, но и знакомил императора Николая I с ходом работ Строева и найденными рукописями еще до их публикации. Уваров взаимодействовал не только со Строевым, но и с таким историком, как Н.Г.Устрялов, который разработал проект публикации русских источников, поддержанный Уваровым, и в конечном итоге легший в основу «Правил для руководства Археографической комиссии». Уже в процессе проведения Археографической экспедиции Уварову стала очевидна необходимость создания сначала

временного, для публикации ее результатов, а затем и постоянного государственного учреждения по систематическому выявлению, обработке и изданию источников русской истории. В концепции Уварова «православие, самодержавие, народность» и формирующейся на ее основе государственной идеологии отечественная история играла важнейшую роль, как основа для развития русского просвещения и науки. Опора на национальную историю требовала глубокого знания ее источников, что способствовало повышенному вниманию правительства к вопросу исторического просвещения и работе Археографической комиссии. Отсюда вытекала двойственная роль С.С.Уварова: с одной стороны, он действовал как политик, распространяющий свою идеологическую конструкцию и внимательно следящий за тем, чтобы работа по публикации источников шла в соответствии с этой конструкцией. Это определяло подбор участников Комиссии и особенности публикации, такие, как правила издания и особое внимание к некоторым проблемам русской истории, например, эпохе Смутного времени. С другой стороны, во многом благодаря его покровительству процесс издания источников русской истории был поставлен на постоянную основу и обеспечен в организационном и финансовом отношениях.

Библиографический список

1. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.17. Оп.1. Д.50.
2. ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп.2. Д.318.
3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн.4. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1891. 450 с.
4. Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М.Строева. СПб.: Тип. В.С.Балашева, 1878. 668 с.
5. Брачев В.С. Петербургская Археографическая комиссия (1834–1929). СПб.: Нестор, 1997. 161 с.
6. Васильев А.Г. Мемориализация травмы в культурной памяти: «Падение Польши» в польской историографии XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / Под ред. Л.П.Репиной. М.: Кругъ, 2010. С.814–843.
7. Володина Т.А. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки: историографический вестник. 2004 / отв. ред. А.Н.Сахаров. М., 2004. С.104–136.
8. Выписка из всеподданнейшего доклада министра народного просвещения об учреждении Комиссии для издания актов, собранных Археографической экспедициею» 24 декабря 1834 // Журнал Министерства Народного Просвещения. Январь, 1835. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. С.VII–VIII.

9. Высочайше утвержденные правила Комиссии для издания собранных Археографического экспедициею актов. 24 декабря 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т.9 (1834). Отд.2. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1835. С.288. №7696.
10. Действия Правительства. Обзорение истекшего пятилетия // Журнал Министерства Народного Просвещения. Январь, 1839. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. С.1–36.
11. Обзорение управления Министерством народного просвещения // Шевченко М.М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. С.248–254.
12. Отчеты о занятиях и изданиях Археографической комиссии за двадцатипятилетие ее существования (1834–1859) и речи, читанные в публичном ее собрании 27 декабря 1859 года. СПб, 1860. 96 с.
13. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т.3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. 479 с.
14. Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Историко-критические отрывки. М.: Тип. Августа Семена, 1846. С.1–18.
15. Правила для руководства Археографической комиссии, высочайше утвержденные в 18 день февраля 1837 года. СПб.: [Б. и.], 1837. 12 с.
16. Сабурова Т.А. «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века // Образы времени и исторические представления. С.302–331.
17. Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // Уваров С.С. Избранные труды. Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В.С.Парсамов, С.В.Удалов; автор перевода В.С.Парсамов. М.: РОССПЭН, 2010. С.346–455.
18. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 г. // Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В.Б.Трофимовой; отв. ред. О.А.Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С.102–107.
19. Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию // Избранные труды. С.204–213.
20. Уваров С.С. Отчет по обозрению Московского университета. 4 декабря 1832 // Избранные труды. С.294–313.
21. Уваров С.С. Речь Президента Императорской Академии Наук, Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта, 1818 года // Избранные труды. С.252–274.
22. Удалов С.В. «Православие, самодержавие, народность»: идеологема николаевского царствования // Вопросы истории консерватизма. 2015. №1. С.144–159.
23. Харганович М.Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999. 222 с.

Карина Корнадут

**РАЗВИТИЕ
ПРАВозАЩИТНОЙ
МЕДИАПУБЛИЦИСТИКИ
ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ**

**(НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА
«ГЛАСНОСТЬ»)***

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

070

В статье проводится анализ правозащитной медиапублицистики времен перестройки на примере самиздатского журнала «Гласность» С.И.Григорьянца, выходившего в 1987–1989 гг. Издание и отношение к нему советской власти сравнивается с подпольными сборниками правозащитников, которые выходили в 1960-х – 1980-х годах и активно преследовались КГБ. Цель статьи – проследить, повлияло ли начало перестройки и объявление гласности на правозащитную публицистику последних лет советского правления.

This article is about human rights journalism of the Perestroika period is given on the example of the samizdat magazine Glasnost by S.I.Grigoryants, published in 1987–1989. The publication and the attitude of the Soviet government towards it are compared with the underground collections of human rights defenders that were published in the 1960s – 1980s and were actively persecuted by the KGB. The purpose of the article is to trace whether the beginning of perestroika and the announcement of glasnost influenced the human rights journalism of the last years of Soviet rule.

Ключевые слова: «Гласность»; С.И.Григорьянц; советские правозащитники; самиздат; пресса перестройки.

Key words: “Glasnost”; S.I.Grigoryants; Soviet human rights defenders; samizdat; Perestroika press.

E-mail: kkornadut-97@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Медиапублицистика в историко-политическом и культурологическом контексте» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

**«Ревизируется внешняя
и внутренняя политика КПСС».
Судьбы самиздата в СССР**

Исследуя публицистику правозащитников в годы перестройки, важно сравнить ее с более ранними подпольными изданиями, поскольку

на журналистику, как официальную, так и неофициальную, влияют изменения, происходящие в стране. Советские подпольные издания отличались тематическим и жанровым разнообразием. Некоторые из них, как «Хроника текущих событий», объединяли все направления правозащитной журналистики – редакторы бюллетеня публиковали сведения социально-политического, религиозного, национального и культурного направлений. «Хроника» была универсальным по содержанию сборником, в который входили новости разных городов и республик. С ее появлением в подпольной публицистике развилась тенденция к созданию информационных бюллетеней, в которых – из-за отсутствия оперативности – публиковались не новости, а скорее информационные сообщения, подкрепленные фактами и практически лишенные оценочной лексики. В частности, у «Хроники» появлялись локальные последователи – издания, посвященные одному из направлений, которыми занимались правозащитники (напр., «Хроника литовской католической церкви» и др.).

Ранее среди неофициальных изданий чаще встречались сборники с запрещенной литературой, аналитическими статьями, эссе или неопубликованными партийными документами – такие, как, например, самодельный журнал «Политический дневник», выпускавшийся с 1964 г. Р.А.Медведевым [8, с.9]. Общественно-политическая направленность «дневника» отчасти позволяет назвать его предшественником «Хроники текущих событий», но первым свободным средством массовой информации второй половины XX века все же является именно «Хроника».

Создание самиздата преследовалось, вне зависимости от жанра и тематики текстов. В записке председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова (1970 г.) говорится, что распространявшиеся пять лет назад «идейно порочные» художественные произведения сменились программно-политическими документами. Андропов уточняет, что с 1965 г. появилось более четырехсот статей и исследований по политическим вопросам, в которых критикуется «исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизируется внешняя и внутренняя политика КПСС» [4]. Упомянутая выше записка в ЦК КПСС была составлена в кризисный для правозащитного движения период, когда власть активно преследовала составителей самиздата. Кризис коснулся в том числе «Хроники текущих событий», создатели которой были вынужде-

ны приостановить ее выход, а после возобновления работы не смогли восстановить прежнюю периодичность выпусков. Новые рубрики, посвященные преследованиям инакомыслящих, а также проблеме выезда граждан за пределы страны, требовали более тщательной перепроверки фактов. Как дополнение к «Хронике» И.С.Ковалев начал выпускать «Бюллетень В», который выходил ограниченным тиражом, поскольку в основном его читали правозащитники, собиравшие информацию для собственной деятельности. В 1983 г. его издание было прекращено, а редактор С.И.Григорьянц осужден на 7 лет лагерей и 3 года ссылки [5, с. 13].

Диссидентская пресса в годы перестройки: трудный выход из подполья

В годы перестройки уровень цензуры в стране снижался медленно, поэтому у многих граждан оставалась и, возможно, усиливалась потребность в чтении материалов, правдиво сообщающих о нарушениях прав человека, дискриминации по национальному признаку и отголосках политических репрессий. Ослабление цензуры способствовало снижению страха и росту интереса к разоблачению предыдущего руководства страны, однако объявленная М.С.Горбачевым гласность повлияла на печать не сразу, а через три года после съезда ЦК КПСС 1986 года. Для сравнения, основная часть безоценочных материалов о правозащитниках стала появляться в прессе уже после того, как созданная в 1987 г. Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий приступила к работе. Также некоторые исследователи заключили, что с перестройкой представители интеллигенции не перестали читать литературу в самиздате и эмигрантских сборниках, поскольку в Советском Союзе большинство запрещенных произведений начали публиковать официально только в 1987 г. [1, с. 168–187]. Таким образом, темы, свойственные самиздату, выходили из подполья постепенно, и со временем в официальной прессе стала возможной публикация статей, в центре которых полемика о диссидентах, а не только их осуждение.

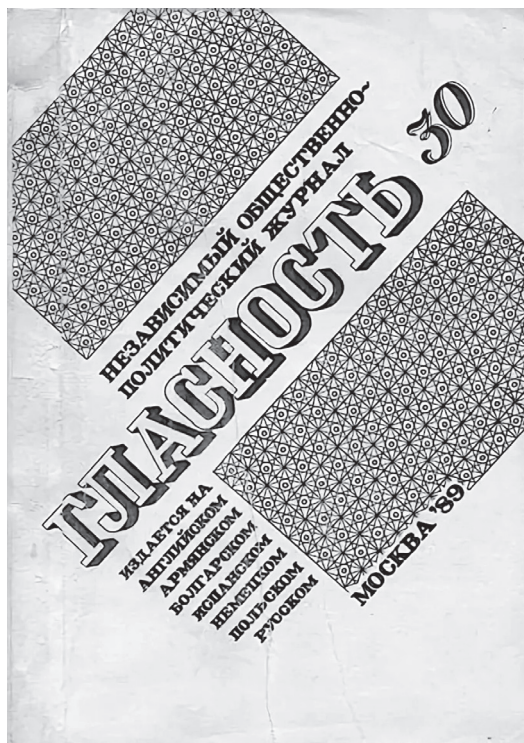
В конце 1980-х годов в журнальном формате выходило несколько самиздатских сборников: «Экспресс-Хроника» под редакцией А.П.Подрабиника, «Референдум. Журнал независимых мнений» Л.М.Тимофеева, «Бюллетень христианской общественности» А.И.Огородникова [7, с. 194]. Одним из главных правозащитных изданий перестройки стал журнал «Гласность» бывшего редактора «Бюллетеня В» Григорьянца. Он начал издание в 1987 г., после досрочного возвращения из четырех-

летней ссылки. На приезд Григорьянца в Москву обратили внимание журналисты – он был одним из немногих освободившихся правозащитников, которые давали интервью [2, с. 15]. Григорьянец понимал, что в новых условиях важность свободной печати активно возрастает, и в первую очередь необходимо создать журнал, посвященный социальным, экономическим проблемам и переменам в стране. Выбор тем повлиял на объем издания – со второго номера «Гласность» превратилась в толстый журнал и стала выходить ежемесячно [2, с. 18.]. К слову, второй выпуск и пронумерован как три сразу: «Выпуск 2–4».

Первым выпуском бюллетеня Григорьянец остался недоволен и объяснял его недостатки тем, что редакция была вынуждена поторопиться, ведь многие ждали выхода «Гласности». По словам Григорьянца, несмотря на качество выпуска, читатели обрадовались, что в России впервые за семьдесят лет появился открытый неправительственный общественно-политический журнал [3]. Казалось бы, странно, ведь название в первую очередь напоминает о речи М.С.Горбачева, за год до этого заявившего о необходимости гласности при проведении преобразований в стране; предполагаем, что и читатели могли ждать от издания поддержку текущей власти. Но Григорьянец дал такое название в память о реформах Александра II, одним из принципов судебной реформы которого была гласность. Также, согласно мемуарам редактора, название журнала стало отсылкой к статье А.И.Солженицына, а Григорьянец свою «Гласность» выступлениям Горбачева, наоборот, противопоставлял [2, с. 18]. Несмотря на досрочное освобождение, Григорьянец продолжал недоверчиво относиться к новой власти, генерального секретаря считал ставленником КГБ, а резко сменившиеся действия Комитета госбезопасности в отношении правозащитников называл не гуманными, а расчетливо продуманными в рамках перестроечного курса [2, с.20–21].

Сотрудники КГБ продолжали наблюдать за досрочно освобожденным Григорьянцем, сам редактор неоднократно уличал их в попытке внедрить в круги журнала осведомителя. После выхода первого номера заместитель председателя КГБ Д.Ф.Мамлеев попросил редактора перестать выпускать журнал и гарантировал возможность сотрудничества с любой газетой. Несмотря на это, именно журнал «Гласность» стал первым журналом самиздата, который указывал имена авторов статей и редактора. Чтобы избежать возможных арестов и преследований, Григорьянец работал в первую очередь с людьми из околολитературных кругов, не принимавших участия в правозащитной деятельности. Впоследствии

Григорьянц отмечал, что с точки зрения цензуры 1987 год мало чем отличался от советского периода до перестройки [2, с.22].

Обложка журнала «Гласность» (1989 год)

Судьба журнала «Гласность»

И действительно, редакцию журнала вскоре стали преследовать: освещение межнациональных конфликтов в Армении, Азербайджане, Прибалтике и Нагорном Карабахе, которым Григорьянц уделял особое внимание, не устраивало новую власть. В мае 1988 г. редакция «Гласности» была разгромлена, изъят архив, в официальной печати, в частности в «Литературной газете», появились разоблачительные статьи. Автор материала в «Литературке» назвал журнал «псевдо-Гласностью» и заявил, что в редакционный совет издания входят работники спецслужб, «ястребы холодной войны» и специалисты по подрывной дезинформации.

ции [7, с. 194.]. Подобные статьи о правозащитниках, полные манипулятивных приемов и оценочной лексики, часто встречались и до перестройки, в частности в той же «Литературной газете». Сравнивая этот пример с более ранними публикациями о диссидентах, важно отметить, что в 1966–1988 годах пост главного редактора этой газеты бесценно занимал А.Б. Чаковский, в 1973 г. подписавший письмо группы советских писателей против деятельности Сахарова и Солженицына [6, с. 3].

Некоторые исследователи называют именно конец 1980-х переломным периодом для официальной советской прессы, когда многое было запрещено, но постепенно появлялись новые, непривычные для официальных изданий темы. Это коснулось и освещения правозащитного движения: например, на страницах некоторых газет уже можно было прочитать трогательное эссе про жизнь академика Сахарова в московской квартире после ссылки. Но гласность еще не выглядела как абсолютный признак демократии: такие люди, как Григорьянц, не скрывавшие своего отношения к новому курсу советской власти, даже в контексте перестройки были ей неуютны.

Библиографический список

1. Блюм А.В. Закат Главлита. Как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985–1991 гг. // Книга. Исследования и материалы. М.: Изд-во ТЕРРА, 1995. С. 168–187.
2. Григорьянц С.И. «Гласность» и свобода. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. 569 с.
3. Григорьянц С.И. Заметки редактора // Гласность. 1987. Вып. 2–4.
4. КГБ СССР Андропов Ю.В. – в ЦК КПСС. Анализ «самиздатовской» литературы за 5 лет // Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/years/details/2312> (дата обращения: 15.03.2024).
5. Морев Г.А. Диссиденты. М.: Издательство АСТ, 2017. 413 с.
6. Письмо советских литераторов о поведении А.Д.Сахарова и А.И.Солженицына // Правда. 1973. №243. С.3.
7. Русина Ю.А. Пресса 1987–1991 гг. о диссидентах: размышления над источником // Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып.3. С.189–202.
8. Русина Ю.А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 178 с.
9. Самиздатская пресса в Литве // Вести из СССР. Режим доступа: <https://vesti-iz-sssr.com/tag/хлкц/> (дата обращения: 15.03.2024).

Если человек
не человеколюбив,
что он поймет в музыке?

Конфуций

Слова иногда нуждаются
в музыке, но музыка
не нуждается ни в чем.

Эдвард Григ

Андрей Коваль

ДЖАЗОВАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ*

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК
94 (47) 08

В статье анализируется джазовая публицистика в современном медиапространстве, ее главные источники, развитие и формы. Основная задача работы – выявление характерных особенностей современной джазовой публицистики и определение ее специфики.

This article examines jazz journalism in the modern media space, its main sources, development and forms. The main objective of the work is to identify the characteristic features of modern jazz journalism and determine its specificity.

Ключевые слова: джаз; джазовая публицистика; медиа; музыкальная журналистика.

Key words: jazz; jazz journalism; media; music journalism.

E-mail: terfetum@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Медиапублицистика в историко-политическом и культурологическом контексте» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Джазовая публицистика в сети Интернет

В современной музыкальной публицистике джаз занимает нишевую позицию. Несмотря на то, что традиционный джаз давно стал достоянием истории, он оказал огромное влияние на современную музыкальную индустрию и особенно на современную импровизационную музыку. Джаз синтезировался с другими музыкальными направлениями, став их неотъемлемой частью.

Этот синтез проник и в публицистику, привнеся в материалы о джазе мультимедийную компоненту, заметно расширив тематику и спектр освещаемых проблем. В этой статье разбираются джазовая публицистика в современном медиапространстве, ее главные источники, развитие и формы. Основная задача работы – выявление характерных особенностей современной джазовой публицистики и определение ее специфики.

Современная джазовая публицистика начала формироваться после распада СССР, в котором из специфической джазовой прессы был только небольшой журнал «Квадрат», выходявший с 1966 г., и 3 номера журнала «Джаз», выпущенных в 1989–1991 «Советской джазовой федерацией», почти ничего не успевшей сделать за свой короткий период существования. Затем уже в постсоветское время в 1997 г. вышли журналы «Джаз-Квадрат» и «Джаз.ру», ставшие первопроходцами постсоветской джазовой публицистики [5, с.5].

«Джаз.ру» был создан математиком Петром Ганушкиным в 1997 г. Журнал привлек к себе внимание в начале 2000-х гг. за счет сотрудничества с крупными джазовыми специалистами, вроде А. Баташева, В. Фейертага, М. Кулля и др. Впоследствии журнал вышел в тираж с 2007 по 2015 гг. [4]. В 2013-м году журнал «Джаз.ру» выпустил в издательстве «Планета музыки» двухтомник «Российский джаз» [5], в котором были собраны наиболее удачные публикации.

Примечательно, что тематика статей разнится. Тут и исторические эскизсы, и рецензии, и интервью с современными исполнителями. Почти каждый заголовок содержит имя знакового для джаза человека. Причем этот человек может быть как Леонидом Утесовым, так и малоизвестным современным исполнителем.

В статьях поднимаются важные для отечественной джазовой историографии темы, такие, как специфика и история российского джаза, его художественные особенности, отличия от западного прародителя и перспективы. Сборник демонстрирует, что джазовые музыканты – очень

разные люди, а джаз – разнородная музыка, способная впитывать в себя другие жанры или подстраиваться под них.

Журнал «Jazz-квадрат» печатался с 1997 по 2009 год в Минске и был первым печатным джазовым журналом на постсоветском пространстве. В 2012 г. была обновлена его электронная версия, в которой до сих пор публикуются свежие материалы, разбитые на рубрики: интервью, статьи, обзоры, книги, портреты, релизы, премии, концерты, территории, фестивали, фирмы, юмор. Как видно из названия рубрик, издание пытается охватить проблемы, связанные с джазом, как можно шире [6].

Одним из главных современных джазовых интернет-ресурсов является относительно свежий «Джазист» [7]. «Джазист» – не только интернет-журнал о джазе, но и торговая марка, занимающаяся записью и распространением музыки. Тексты «Джазиста» отличаются глубиной, художественностью и историчностью, а авторы – экспертностью.

Издание содержит множество рубрик: рецензии, интервью-беседы с выдающимися представителями жанра; события – анонсы предстоящих мероприятий, а также тексты о важных прошедших событиях; особый взгляд – материалы о не джазовой импровизационной музыке и т. п. Можно сказать, что в современном медиапространстве «Джазист» перехватил инициативу из рук «Джаз.ру» и развил ее. Сайт «Джазиста» удобнее, а материалы пишутся современным, постоянно развивающимся языком.

Помимо специализированных джазовых интернет-ресурсов существуют паблики в соцсетях, где освещаются события в мире джаза, биографии музыкантов, публикуются разного рода релизы. Одним из наиболее ярких представителей подобной джазовой публицистики в современном медиапространстве является «Джазовый архивариус» [1], материалы которого сосредоточены на биографиях музыкантов, их музыкальных альбомах, а также на определенных ключевых для истории джаза событиях.

Для «Джазового архивариуса» специфична привязка определенного события к его календарной дате. То есть материалы выходят ровно в годовщину какого-либо джазового события, создавая повод для регулярных публикаций. Публикации эти освещают события в историческом контексте. Характерной чертой паблика является мультимедийность. Рассказ сопровождается музыкальными подборками, видео- и аудиоматериалами.

Автор паблика – Евгений Гимер – джазовый музыкант, мультиинструменталист, начавший свою музыкальную деятельность в России,

позже перебравшийся в Хельсинки. Он вместе со своей командой регулярно наполняет «Джазовый архивариус» новыми материалами.

Гимер – пример музыканта-публициста. Тенденция, когда профессионал становится публицистом и совмещает публицистику со своим основным ремеслом, на сегодняшний день – норма. Причем эта норма распространяется не только на музыкальную культуру: спортивный, научный и политический контент очень часто создают именно профессионалы в этих областях. Вообще профессионал сегодня – не только тот, кто хорошо умеет делать свое дело, но и тот, кто способен увлекательно о нем рассказать.

Джаз в документальном кино и просветительских передачах

В 2021 г. вышел фильм Андрея Айрапетова «Джазист» [3]. В нем очень подробно рассказана жизнь и передан творческий путь одного из самых влиятельных советских и российских джазменов – Алексея Козлова. Повествование снабжено художественной рисовкой, видео- и аудиоиллюстрациями, а также рассказами самого А.Козлова, его знакомых и экспертов. Работа А.Айрапетова на сегодняшний день – один из немногих документальных фильмов о советском и современном джазе, по сути сделанный энтузиастом при минимальном продакшене.

В фильме через жизнь и творчество А.Козлова рассказывается история не только советского джаза, но и частично советской культуры. Так, например, описывая становление «джазиста», автор рассказывает об «эпохе разгибания саксофонов», когда советская власть, прежде поощрявшая джазовую музыку, начала с ней бороться. На протяжении всего фильма ключевые события жизни А.Козлова сопоставляются с событиями его времени. На примере «Джазиста» можно увидеть, что о джазе, как и о джазовых личностях, можно рассказывать интересно и оригинально, избегая свойственных подобному контенту клише и примитивизма.

В качестве разновидности джазовой публицистики в современном медиапространстве существуют и записи лекций-концертов, где рассказ об истории и/или теории джаза совмещен с исполнительством. Существуют даже отдельные подвиды этого жанра, например, концерты-интервью, обращенные как к онлайн, так и к оффлайн аудитории, присутствующей в зале. Причем подобный контент может быть различным, т.е. рассчитанным как на широкую аудиторию (популяризация), так и на узкую (теоретизация).

Существуют и лекции об истории российского джаза вообще, проводящиеся музыкантами и музыкальными журналистами, вроде К. Мошкова. В них, снабжая повествование аудиоиллюстрациями, лекторы описывают ключевые события из мира джаза, музыкантов и их творения, составляющие сущность джазовой музыки. Примечательно, что подобные лекции можно услышать как в оффлайне, так и в онлайн-формате. Пример первого – выступления К. Мошкова в «Еврейском центре толерантности», пример второго – курс лекций Ф. Сафронова «Джаз в СССР» на образовательном портале «Арзамас» [2].

Для этих материалов характерно стремление доходчиво и подробно рассказать о современных джазовых явлениях людям, не являющимися музыкантами и преследующими при прослушивании информационно-развлекательные цели. Часто авторы делают лирические отступления и, говоря о джазе, уточняют подробности, например, описывая состав биг-бенда. Подобные уточнения нужны, поскольку для современного среднестатистического слушателя джаз – пережиток прошлого, требующий информационной актуализации.

Некоторые выводы

Как явление актуальной музыкальной культуры джаз постепенно уходит в прошлое, растворяясь в других музыкальных направлениях

и жанрах. Поэтому сегодня тот, кто играет джаз, сегодняшний джазист – это высокий профессионал, который не гонится за модой и старается сохранять джазовую музыку на надлежащем ее историческому статусу уровне. В силу импровизационности джазовой музыки ее исполнители – люди, умеющие мыслить творчески, поскольку качественная импровизация требует постоянного поиска новых решений и глубокого анализа собственного творчества.

То же самое можно сказать и о джазовой публицистике: о джазе практически не могут писать люди, знакомые с проблематикой поверхностно. Большинство джазовых публицистов – либо профессиональные музыканты, либо музыканты-любители, либо люди, связанные с джазом биографически. И, как правило, все они очень хорошо разбираются в предмете, т.е. обладают экспертностью. Случайных людей как в российском джазе, так и в джазовой публицистике нет, впрочем, они там и не нужны.

Эстрадно-джазовый оркестр «Молодость». Конец 1960-х гг.

Библиографический список

1. Джазовый архивариус // VK.com. URL: <https://vk.com/jazzcalendar> (дата обращения: 11.03.2024).
2. Джаз в СССР // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/courses/141> (дата обращения: 11.03.2024).
3. Документальный фильм «Джазист» Андрея Айрапетова // Джаз Клуб Алексея Козлова // VK.com – Режим доступа: <https://vk.com/video> (дата обращения: 11.03.2024).
4. О проекте «Джаз.Ру»: 25 лет в сети! // Джаз.ру.
Режим доступа: <https://www.jazz.ru/about/> (дата обращения: 11.03.2024).
5. Российский джаз. В 2-х т. Т.1 / Под ред. К. Мошкова, А. Филипповой. СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2013. 608 с.: ил.
6. Jazz-квадрат: новости современного джаза, обзоры, интервью // Jazz-квадрат. – Режим доступа: <https://jazzquad.ru/> (дата обращения: 11.03.2024).
7. Jazist. – Режим доступа: <https://jazzist.ru/> (дата обращения: 11.03.2024).

Наши авторы

Орешин Сергей Александрович

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России

Эйриян Вартан Арсенович

Преподаватель истории магистратуры МГИМО, факультет «Международные отношения»

Богданов Андрей Петрович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва

Лазарева Любовь Николаевна

доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории Московского государственного областного педагогического университета, ведущий специалист Центра документальных публикаций РГАСПИ

Маслов Дмитрий Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории Московского государственного областного педагогического университета (МГОПУ)

Булдакова Дарья Игоревна

старший преподаватель кафедры литературной критики, Российский государственный гуманитарный университет

Козлов Сергей Алексеевич

доктор исторических наук

Горлов Владимир Николаевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета

Сазонова Дарья Юрьевна

Младший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Остафьево» - «Русский Парнас»

Корнадут Карина Дмитриевна

Аспирант кафедры литературной критики, Российский государственный гуманитарный университет

Коваль Андрей Игоревич

Студент факультета журналистики, Российский государственный гуманитарный университет

Our authors

Oreshin Sergei Aleksandrovich

Ph.D, historian, researcher, Institute of Ethnology and Anthropology,
N.N.Miklukho-Maclay RAS

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of Interna-
tional Relations–University

Eriyan Vartan Arsenovich

Teacher of History and International Relations Department of interna-
tional relations, Moscow State University of International Relations

Bogdanov Andrey Petrovich

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of
Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Lazareva Lyubov Nikolaevna

D.Sci., historian, Professor of the Department of History of Russia,
State University of Education, Chief Specialist of the Center for Docu-
mentary Publications of the RGASPI

Maslov Dmitriy Vladimirovich

D. Sci., historian, Associate Professor, Professor of the Department
of History of Russia, State University of Education, Department of
Humanities and Social Sciences of RTU-MIREA, Department of Pub-
lication of Historical Documents of RGALI

Buldakova Dar'ya Igorevna

Senior lecturer of the Department of Literary Criticism, Russian State
University for the Humanities

Kozlov Sergey Alekseevich

D. Sci., historian

Gorlov Vladimir Nikolaevich

D. Sci., historian, Professor of the Department of Historical Sciences
and Archival Studies, Moscow State Linguistic University

Sazonova Dar'ya Yur'evna

Junior researcher at the State Museum-Reserve "Ostafyevo" - "Rus-
sian Parnassus"

Kornadut Karina Dmitrievna

Postgraduate student of the Department of Literary Criticism, Russian
State University for the Humanities

Koval Andrey Igorevich

Student, faculty of journalism, Russian State University for the
Humanities

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Внимание!
С 2024 года журнал будет
выходить 4 раза в год.**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную
версию журнала через Научную
электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2024.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.07.2024. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,625 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 207497**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

2.2024 April-June

Theory and practice of the political games

Sergei Oreshin

The Russian Federation and the Chechen Republic in 1994: on the Eve of Conflict _____ 6

Geopolitics and international policy issues

Vladimir Degoev, Vartan Eiriyani

“We will justify the Government’s trust”:
the Participation of the Russian Orthodox
Church in Soviet Ideological Campaigns in 1945–1953 ____ 32

Labels and myths

Andrey Bogdanov

Alexander Nevsky and the West: Literary
Image and Reality _____ 56

Lyubov Lazareva, Dmitriy Maslov

“The Central Committee of the Party thinks
a lot about it”: Shaping the Foundations
of Cultural Policy in Late Stalinism _____ 90

Dar’ya Buldakova

Decembrists in the Russian Public
Consciousness of the 2000s _____ 106

Resources of nation

Sergey Kozlov

“For the benefit of our entire vast
Fatherland...”: Ivan Nikolayevich Klingen
(1851–1922) _____ 116

Vladimir Gorlov

Ideological Aspect of the Construction
of Communal Houses in the 1920s
in the USSR _____ 136

Pages of history

Dar'ya Sazonova

The Role of S. S. Uvarov
in the Establishment and Work
of the Archaeographic Commission ____ 150

Karina Kornadut

Development of Human Rights Media Jour-
nalism of Perestroika Times (on the Example
of “Glasnost” magazine) _____ 168

Reader's letters

Andrey Koval

Jazz journalism on the Internet _____ 176

РОССИЯ XXI